Целительница:
другая
Светлана
Воропаева
Хочешь ли ты стать счастливой сейчас?
16+

Светлана Воропаева
Целительница: другая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56827385
SelfPub; 2022
ISBN 978-5-532-98169-0

Аннотация

Как там, за порогом счастливой семейной жизни? Как жить без ориентиров и прежних опор, да и надо ли? А что если вновь полюбить?..«Целительница: другая» – любовно-мистический роман Светланы Воропаевой, третья часть сентиментальной трилогии, в которой приоткрываются секреты жизни после смерти.

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	83
Глава 8	100
Глава 9	116
Глава 10	139
Глава 11	155
Глава 12	171
Глава 13	196
Глава 14	218
Глава 15	230
Глава 16	249
Глава 17	269
Глава 18	281

Светлана Воропаева
Целительница: другая

БЛАГОДАРНОСТИ

Труд писателя – труд одиночки. Сидишь себе и пишешь. Но если вдуматься, то это не совсем так.

Я бы никогда не дописала этот роман, если бы однажды не решилась опубликовать черновики в своём блоге, если бы не было отклика от моих первых читателей, если бы вы не ждали, не спрашивали, не поддерживали. Вы были со мной два года, пока я писала роман «Целительница» и, надеюсь, будете со мной и дальше.

Я бы не смогла свободно писать, если бы не знала:

– что потом мой бессменный редактор Ольга Форофонова не поправит все мои грамматические и орфографические ляпы;

– что пишущий фотограф Светлана Селезнева не поддержит мою очередную сумасшедшую идею или не посмеётся со мной от души за чашкой кофе над стишком или текстом.

Это уже близкие люди.

Я благодарна:

– к. м. н. врачу-урологу Ивану Данилову за помощь в написании медицинских приключений Виктории Пятницкой в третьей части романа «Целительница: другая»;

– Наталье Остапенко за рассказы о том, каково это – быть женой врача;

– Александру Верещагину за возможность написать о его истории болезни;

– Славе Михайлову за энергию.

Спасибо моим подругам-писателям:

– Инне Цесарь за наши многочасовые беседы;

– Кристине Кретовой за вдохновляющую поддержку и объятия;

– Марии Моисеевой за невыпитое шампанское и надежду, что всё ещё впереди;

– Юлии Брыковой за доброе сердце и отзывчивость.

Спасибо Марине Хлебниковой из открыточного издательства Artpression, которое выпустило серию открыток по мотивам обложек книг «Целительница».

Спасибо Сергею Ледащеву за поддержку моих идей, проектов и помощь в продаже моих детских книг.

Спасибо иллюстраторам, которые давно уже стали для меня больше чем просто коллеги: Ольге Зиминой, Анне Фокиной, Юлии Гончаровой и Яне Кузнецовой.

Спасибо моим близким: родителям, Наталье Копыл, Георгию Азнаурову, Нане Тарба, Марии Дубровиной, Амалии Гогешвили, Наталье Мироновой и Марии Кураповой.

Сбор на редактуру и печать книги проводился на краудфандинговой площадке Планета.ру. Ниже я перечислю каждого, без кого этой книги не было бы.

Спасибо вам!

Батурова Наталья
Брыкова Юлия
Верещагин Александр
Гогешвили Амалия
Голоскокова Елена
Гончарова Юлия
Григорян Татьяна
Данилов Иван
Дубровина Мария
Журавлева Анастасия
Зентаи Юлия
Зимина Ольга
Карачевцева Светлана

Клепица Наталья
Краснов Сергей
Кретова Кристина
Крупеня Вера
Ксандиева Алена
Кузнецова Яна
Курапова Мария
Копыл Наталья
Ледащев Сергей
Ливинский Александр
Локк Кристина
Лоч Анна
Миронова Наталья
Моисеева Мария
Нечаева Юлия
Одношивкина Татьяна
Олейник Светлана
Остапенко Наталья
Паялина Ирина
Протасов Константин
Русланова Дарья
Саркисян Нина
Селезнева Светлана
Сигалов Владимир
Телепегина Анастасия
Фокина Анна

Форофонова Ольга
Хлебникова Марина
Цесарь Инна
Черемных Ирина
Чертова Светлана

Глава 1

Небо было серым. За весь март солнце в Москве появилось лишь дважды. Наконец-то начался апрель. На него вся надежда.

Виктория Пятницкая смотрела в окно: туман размывал всю картинку. Было непривычно не видеть людей, спешащих по своим делам, но это приносило спокойствие. Одиночество давно перестало пугать, а вот толпа, наоборот, вызывала тревогу.

Вика поймала себя на мысли, что ей нравится этот вид за окном, затерянный в хмурой дымке. Сила желания, которую она давно уже не ощущала, пробудилась в ней. Фантазия разыгралась, расширилась, наполнила Пятницкую изнутри и унесла в неведомые края.

Что скрывает это марево? Может, за ним Золотой мост туманного Владивостока? Или помпезный Будапешт с бесконечными башенками и купальнями? Готический Эдинбург, в каждом закоулке прячущий какую-то тайну? А может, просто горы с голубым озером у подножия? Пора, пора выйти из квартиры. Засиделась дома. Надо совершить путешествие хотя бы до парикмахерской. Вика очень хотела распустить надоевший вечный пучок, но волосы были в ужасном состоянии – безобразно отросли и позабыли свою вьющуюся при-

роду. С этим надо было что-то делать.

Пятницкая провела тяжёлой рукой по лбу и левой щеке, сильно надавливая на кожу, словно лишь боль могла заставить её сделать первый шаг из самовольного заточения. И это действительно помогло, дало необходимый импульс. Вика поправила пучок, надела кроссовки, накинула куртку поверх спортивного костюма, в котором уже пару дней ходила дома, и вышла из квартиры.

Улица встретила холодным ветром, а ближайший салон красоты – недружелюбной надписью: «Мы открываемся в 11:00». На часах было девять. Нервно кусая губу, Виктория посмотрела на башни Москва-Сити. Она знала, что там есть салон, который работает двадцать четыре часа в сутки, но ей совсем не хотелось случайно встретить бывших коллег – не из-за вытянутых коленок тёмно-бордовых тренировочных штанов, не из-за ненакрашенных ресниц, вовсе нет, просто потому, что не было никакого желания отвечать на неудобные вопросы.

Целый год Пятницкая обходила стороной Сити, чтобы никому не объяснять, зачем она ушла на взлёте карьеры. Но узнает ли кто-то её в таком неприглядном виде? Слишком уж мала вероятность. И, чуть поколебавшись, Вика всё же зашагала к небоскрёбам.

Она специально обошла стороной торговый центр и баш-

ню банка, чтобы не наткнуться на знакомых, но это не помогло: когда она поднималась по ступенькам в здание, где находился салон красоты, путь ей преградил Алексей Смолин.

– Привет, красотка! Пепельная блондинка? Тебе не идёт.

Вика исподлобья посмотрела на Алексея и подумала, как же всё-таки удивительна судьба, которая вновь и вновь сводит их. Каждый раз их внезапная встреча становится предвестником череды печальных событий. Впрочем, может, и не стоит обобщать: однажды подобная цепочка происшествий привела её к Вите, спасибо за это Смолину.

– Это седина, – пояснила Пятницкая, забыв поздороваться.

– Вся голова?! – не смог скрыть изумления Алексей.

– Да. Теперь это мой цвет волос, – спокойно сказала Вика.

– Ты идёшь на встречу? Спешишь? – быстро сменил тему разговора Смолин.

– Хочу подстричься. Больше дел нет.

– Составлю тебе компанию, у меня есть время до двенадцати.

Вика пожала плечами – мол, пусть будет так – и зашагала вверх по лестнице.

Мастер был свободен, но Пятницкая медлила, медитируя на прайс-лист. Она не могла решить, стоит ли отдавать четыре тысячи за стрижку, если можно дождаться открытия эконом-парикмахерской.

– Я оплачу, – шепнул ей на ухо Алексей и уже громко добавил: – Иди, а то мы не успеем выпить кофе.

Пятницкая впервые чуть улыбнулась Смолину и прошла к креслу.

– Что делаем? – спросил парикмахер.

– Боб-каре.

– Вы уверены? – не на шутку удивился он, разглядывая её волосы длиной по пояс.

– Режьте, – уверенно повторила она.

Мастер вздохнул и взял ножницы в руки.

Смолин опешил, когда Вика вернулась на ресепшен:

– Ты не стала красить волосы?

– Забыл про кофе? Мы бы не успели его выпить. Идём?

– Пойдём ужинать, чтобы всё успеть, – предложил Алексей, беря Викторию под локоть и потянув из салона.

– Попридержи коней, Лёш, – отстранилась Пятницкая. – Кто знает, что случится после кофе.

– Чего ты боишься?

– Людей, – честно ответила она. – Я почти год ни с кем не общалась. Мне нужно вспомнить, как это.

– Но я – это я! А не просто человек.

Вика ещё раз улыбнулась:

– Да, ты – это ты.

И они направились в ближайший «Старбакс».

Пошёл дождь. Пятницкая смотрела, как капли ползут по стеклу большого окна.

– Удивлён, что ты выбрала чай.

– Я почти перестала пить кофе. У меня нет повода бодриться.

– Алкоголь?

– Без него не могу уснуть. Снизила дозу до двух бокалов вина в день. Раньше было больше.

– Мне страшно от того, что ты говоришь.

– Тогда не спрашивай.

– Где ты сейчас работаешь?

– Нигде.

– Что у тебя с деньгами?

– Ничего. Хватает на минимальные текущие расходы.

– Сбережения?

– Нет сбережений.

– Как так? О чём ты вообще думаешь?

– В последнее время, к счастью, ни о чём. В голове чистый лист.

– Ты ли мне это говоришь?

– Ну поморгай, может, на моём месте волшебным образом окажется кто-то другой.

– Не хочу. Я рад, что встретил тебя. И так злюсь, что мне пора идти на эту чёртову встречу. Ты дождёшься меня здесь?

– Нет, – покачала головой Пятницкая, а потом, смягчившись, добавила: – Здесь не дождусь. Мне здесь некомфорт-

но. Я буду в Филёвском парке у реки. Помнишь те лежаки, которые ты мне когда-то показал?

– Да.

– Я буду там.

– Хорошо, я наберу тебя, когда поеду. Какой у тебя номер?

– У меня нет телефона.

– Не понял.

– Ты перестал понимать русский язык?

– И это тоже, сейчас больше говорю на английском, но всё же, что это значит?

– Это значит именно то, что я сказала. У меня нет телефона. Совсем нет. Уже десять месяцев. И в интернет я не выходила. И телевизор не смотрела.

– Что же ты делала?

– Жила.

– Чёрт, мне нужно бежать! Ты точно будешь в парке? Там же дождь.

– Точно. Возьми зонт, если дождь тебе мешает.

– Ведьма просто! – всплеснул руками Алексей и встал из-за столика.

– Уже нет, – сказала Вика и уставилась в окно.

***

Небо хмурилось и не собиралось менять своё плохое настроение. А вот дождь закончился, хоть и оставил после себя мелкую морось как послевкусие. Ветер стих. Река, казалось, не двигалась. Да и Вика застыла на деревянном лежаке у самой воды в полном оцепенении.

Внезапно тёмной тучей над ней навис зонт: Смолин встал рядом, не собираясь садиться на влажные доски.

– Ты как неживая.

– Живее тебя. Я не боюсь почувствовать, как капли дождя падают на лицо.

– Сомнительное удовольствие.

– Ты пробовал?

– В детстве пробовал, наверное.

Вика слегка улыбнулась.

– Всё! Мне надоело смотреть на твоё кислое лицо. Беру над тобой шефство. Пойдём!

Пятницкая вновь улыбнулась, но не шелохнулась.

– Ладно, скажу то, что ты хочешь услышать. Мне чертовски скучно одному в вашей дождливой Москве. Составь мне компанию. Я уеду завтра вечером, и сможешь снова грустить.

– В нашей Москве и одному? – переспросила Вика.

– Точно! Но я буду держать интригу до места назначения, чтобы ты поехала со мной. Пойдём, вызову нам такси.

– Ты на такси, а не за рулём? – Смолин всё же смог удивить Викторию.

– Да. Всё расскажу после. Идём уже.

Глава 2

Такси остановилось возле сталинской высотки напротив Белого дома.

– Лёша, зачем мы идём в отель? – смутилась Пятницкая.

– Затем. Там наверху прекрасный ресторан с прекрасным видом, я заказал столик. А пока ждём ужин, можем выпить что-нибудь в баре внизу. Надеюсь, ты не заснёшь сразу после пары бокалов красненького?

– Не засну, – улыбнулась Вика.

Она шла за Алексеем и думала о Вите: совсем недавно это он устраивал ей подобные сюрпризы… На мысли о прошлом немедленно откликнулось тело, и внутри что-то приятно задрожало от волнения. Вика позволила себе расслабиться в этом ощущении, не позволяя боли утраты испортить столь сладостные воспоминания. Как нельзя кстати освободился милый уголок в лобби-баре, и удобное кресло с готовностью приняло её в свои объятия.

Вика с удовольствием прикрыла глаза. Остались только звуки. Чей-то сдержанный смех, бряцание бокалов, тихий джаз. Совсем рядом ритмично застучали по паркету каблуки, сопровождаемые лёгким поскрипыванием колёсиков чемодана, а потом шум утонул в мягкости ковра. Какая-то парочка слева замурлыкала на французском. Затем долетела

немецкая речь – удивительно плавная, с австрийским акцентом. Еле слышно распахнулись двери лифта, мимо торопливо протопали чьи-то тяжёлые шаги, в воздухе завис приятный аромат дорогого мужского парфюма.

– Судя по выражению лица, тебе здесь нравится, а ведь не хотела идти.

Вика открыла глаза, возвращаясь из мира звуков к Смолину:

– Мне нравятся холлы в отелях. Они чем-то похожи на аэропорт.

– Есть ощущение отпуска, да?

– Что-то типа того.

– Мне тоже это нравится. Странно, мы ведь впервые так с тобой сидим?

– Да.

– Почему мы раньше никуда не ездили?

– Ты постоянно был в командировках.

Алексей сделал многозначительную паузу, а потом выдал:

– Тебе не стыдно сидеть здесь в заношенных трениках?

– Мне – нет. Почему ты спросил? Разве здесь дресс-код?

– Я хочу пойти в бар с красивой женщиной. Я люблю, когда ты носишь платья.

– По-твоему, только платье делает меня красивой?

– Платье подчёркивает твою красоту. И вообще, люди – существа социальные, и у них есть негласные правила хорошего тона. Или твоя задача – бросить вызов обществу?

– Нет, – ответила Вика без колебаний. Нет у неё ни претензий к обществу, ни громких заявлений для мира. – На какое время у нас заказан столик?

– О! Ты не споришь? На шесть.

– Не вижу повода для спора. Я постараюсь успеть к сроку. Поеду домой и переоденусь.

Вика задумалась на секунду, просчитывая возможные варианты перемещений по городу: такси, метро, автобус… Задача тут же показалась невыполнимой.

– Если бы я хотел, чтобы ты переоделась дома, то завёл бы этот разговор ещё в парке.

– А чего ты хотел?

– Хотел порадовать тебя. Я купил тебе платье, туфли, тушь, румяна, помаду. Нижнее белье не покупал, чтобы ты не подумала чего лишнего. Если что-то не подойдёт, верну в магазин. А так всё твоё.

Вика внимательно посмотрела на Алексея. У него не было ни портфеля, ни хоть какой-нибудь сумки или пакета. Он усмехнулся на её непонимающий взгляд и положил на столик карточку-ключ.

– Номер 2046 на двадцатом этаже. Я подожду тебя здесь. И на всякий случай скажу, что второго ключа у меня нет. Не переживай. Оставь всё там, потом у тебя будет возможность переодеться.

Пятницкая смущённо взяла ключ и послушно побрела к лифту. Было непривычно осознавать это смущение, да и во-

обще чувствовать что-то. Способность испытывать какие-то эмоции ошарашила больше, чем действия Смолина.

Вика открыла дверь и зашла в номер. Рука её заскользила по стене, коснулась края комода, кресла, а потом замерла на шторе. Дождь за окном прекратился. Пятницкая заплакала.

Они никогда не были с Виктором в этом отеле, но номер враз оживил все картины её прошлой счастливой жизни. Были ли проблемы? Конечно, были! Но рядом был и тот, с кем хотелось их решать, тот, с кем невозможно было увязнуть в обидах и злости, тот, в объятиях которого можно было забыться, тот, рядом с которым верилось, что всё будет хорошо. А теперь его нет.

Солнце показалось из-за туч и оживило реку красно-золотыми искрами, словно показывая Вике, что и после сумрака можно снова начать светить и дарить людям своё тепло.

Пятницкая утёрла слезы. Посмотрела на часы на стене. Было 17:40. Впервые за год время обрело для неё значение. Оставалось двадцать минут, чтобы оживить свою внутреннюю женщину или хотя бы сделать вид, что она есть, надев красивый наряд и освежив лицо лёгким макияжем.

Виктория спустилась в лобби-бар и снова села напротив Алексея. Тот смотрел на неё не отрываясь, как в первый раз, разглядывая с ног до головы.

– Красивая, – тихо и задумчиво констатировал он, словно

развеяв какие-то свои прошлые сомнения. – Я начинаю привыкать к тому, что ты блондинка. И у тебя короткие волосы.

Раньше бы Вика точно поправила его, напомнив, что это седина, но теперь она просто залпом допила вино и сказала:

– Нам, кажется, пора смотреть на вечернюю Москву. Да и заказать ещё вина не помешало бы.

– Права! Идём.

***

Москва залилась разноцветными огнями. В бокалах играло бликами гранатовое вино. В тарелке заветривалось нетронутое чёрное ризотто, не сумевшее прельстить Викторию даже щупальцами осьминога.

– Ты не ешь?

– Жду вместо аперитива твою историю об одиночестве в неродной Москве.

– Неблагодарная, какой аперитив? Это третий бокал вина.

– Ешь, доченька, третий пирожок, я не считаю… да? И всё же жду обещанных подробностей.

– С сентября прошлого года живу в Лозанне. Возглавляю швейцарское отделение нашего банка.

– Говоря проще, тебя сослали на пенсию?

– Не нужно драматизировать. Я всё-таки там не только

раклет заглатываю.

– Я даже не знаю, что такое раклет, но что-то мне подсказывает, что ты там явно не грустишь.

– Я там один.

– А где Лена и сын?

– Они остались здесь.

– Тогда почему и здесь ты один?

– Мы больше не живём вместе.

– Давно?

– Со времени моего отъезда.

– Я понимаю, почему тебя сослали. Из тебя же информацию клещами тащить приходится! Вроде это я целый год провела отшельницей и должна была разучиться говорить сложносочинёнными предложениями, а не ты.

– Семья распалась, к чему подробные объяснения? Они сейчас отдыхают в Эмиратах. Я остановился в отеле. Квартиру им оставил. Завтра вечером лечу обратно в Швейцарию.

– Тебе нужно моё сочувствие? – растерялась Вика.

– Мне нужно, чтобы ты поехала со мной в Лозанну на пару дней.

– Зачем?

– Откормлю тебя. Отощала.

– Я и здесь поем, – пробубнила Вика и начала ковыряться вилкой в тарелке.

Она не понимала ни тон Смолина, ни истинной причины такого предложения.

– Две реки разлились по тёмным дорогам. Река белых огней, дающих надежду, и река красных огней, останавливающих движение. Выбор. Вы-ы-бо-ор… – с серьёзным видом протяжно завыл Смолин.

– Вот дурак! – не выдержав, засмеялась Вика, прикрывая набитый рот рукой.

– Я про пробку за окном. Арбат встал.

– Ага.

– Ну ладно, ладно, признаюсь. Я готов на всё, чтобы ты снова улыбалась.

– Зачем?

– Твоя милая полуулыбка раздражает. Она ненастоящая.

– Зачем? – настойчиво повторила Вика.

Ей захотелось уйти. Алексей это явно заметил, но вида не подал.

– Ты на грани. Тебе плохо.

– Ошибаешься. Я давно за гранью. Это тебе плохо, не мне.

– Я переживаю за тебя.

– Почему?

– Хочу, чтобы ты жила долго и счастливо.

– О, ты боишься, что я что-то сделаю с собой?

– Да.

– Нет повода для переживаний. Моя смерть слишком бессмысленна.

Алексей недоумённо посмотрел на Вику.

– Прошло два с половиной года. Если бы я стремилась

умереть, меня бы уже не было.

– И всё же полетели со мной, а? В Лозанне сейчас солнце, деревья цветут. Развеешься. И мне будет приятно.

– Насколько приятно, Лёш?

– Я твой друг, Вика. Я тот, кому ты жизнь спасла. У меня есть право заботиться о тебе, не отвечая на дурацкие вопросы. Ты будешь ещё есть?

– Нет.

– Тогда пойдём в номер.

– Очень по-дружески, – саркастически заметила Пятницкая.

Волна возмущения захлестнула её, ударила от низа живота в горло и сковала лёгкие.

– Хочу, чтобы ты расслабилась.

– Оригинальный заход, – наконец выдохнула Вика, осознавая, что это не возмущение, а страх.

Вот так номер… Где-то глубоко внутри себя она всё ещё хранила тёплые чувства к Смолину. Как же она могла так предать Виктора?! Как?! Как?

– Наденешь свои треники, налью тебе в чашку вина, залезешь с ногами на диван, обнимешь подушку. Ты же так любишь?

– В большой бокал… – тихо поправила его Пятницкая.

– В бокал. Пойдём? Найду бокал.

– Зачем, Лёш?

– Просто так…

Смолин неотрывно смотрел на Пятницкую. А она – на него. Ей хотелось оставаться в реальности, здесь и сейчас, в этом текущем моменте. Меньше всего на свете Вика желала вернуться опять к своим мыслям: они очень пугали, а ей надо было забыться.

– Закажи мне ещё вина.

– Конечно, – согласился Смолин, прекратив наступление.

– Не пойдём никуда. Лучше рассказывай про машинные реки, – предложила Вика и выдавила полуулыбку.

– Хорошо.

– И переодеваться не пойду. Поеду так. Выкинешь потом ту одежду.

– Сохраню на память.

– Фетишист.

Смолин глупо улыбнулся, о чём-то подумав, а потом шумно выдохнул и решился сказать:

– Купил тебе телефон. И повезло твой номер купить. Оказался не занят. Только давай без «зачем», ладно?

Пятницкую начало мутить. Она поджала губы.

– Плохо? – пристально поглядел на неё Алексей.

Виктория кивнула и, припоминая советы мужа, без слов поднялась и пошла в туалет, чтобы опустошить желудок.

Вернувшись, Пятницкая молча придвинула новый телефон к себе. Алексей был прав: настала пора возвращаться в реальную жизнь. Она уже и так взяла всё что можно от оди-

ночества.

– И это возьми… – ещё больше осмелел Смолин, двигая к ней конверт, явно с деньгами.

Вика пробуравила его взглядом, который он не мог верно истолковать.

– Раньше ты была смелее.

– Я не была замужем.

– И сейчас, – напомнил ей Алексей.

Взгляд Пятницкой упал на чёрную рисинку, которую она случайно уронила на белую скатерть. Виктория демонстративно подняла её двумя пальцами, не боясь запачкаться, и кинула в тарелку. После взяла в руки телефон и начала устанавливать приложение, чтобы вызвать такси.

– Я провожу тебя, – спокойно сказал Смолин.

Она отрицательно помотала головой.

– Не хочешь, чтобы я знал, где ты живёшь?

– Не хочу, – подтвердила Виктория.

– Хорошо. Тогда деньги возьми, а я провожу тебя до машины.

– Ладно.

***

Холодный ветер дул с реки и морозил ноги в туфлях. Ви-

ка взглядом искала в темноте нужное такси, не спеша спускаться вниз по лестнице на мостовую. Здесь хоть колонны здания гасили часть неласковых порывов.

– Давай встретимся завтра, – попросил Алексей.

– Не уверена, – покачала головой Виктория, продолжая высматривать машину.

– К чёрту эти игры, Вик! Давай на чистоту. Я тебя люблю. Я тебя искал. Я с ума сходил, не понимая, куда ты делась. Я не хочу, чтобы ты сейчас уезжала.

– Друг, – съязвила Пятницкая, посмотрев Смолину прямо в глаза.

– Я перед тобой как голый.

– Мне тоже холодно.

– Так пойдём в номер.

– Я не готова, Лёш… обсуждать такие темы сейчас.

– Да мне тоже всё это как снег на голову.

– Так не торопи события.

– Не могу. Я уже дважды тебя терял. Если не трижды.

– Тогда доверься судьбе, видишь, как она к тебе благосклонна вновь и вновь. Я теряла и побольше твоего. Не торопи меня.

– Я куплю тебе билет до Женевы, пришлю ссылку потом. И буду ждать тебя до последней минуты у самолёта. Приезжай! Я очень этого хочу. У тебя же есть Шенген, да? Паспорт тот же?

– Угу, – кивнула Вика на все вопросы разом, ободряюще

хлопнула Смолина по плечу и поднесла к уху зазвонивший мобильник: – Где вы? Моргните фарами. Ага, вижу. Иду!

Пятницкая побежала вниз по лестнице, почти как Золушка, только туфельки остались при ней. А Алексей остался стоять один на ветру.

***

Вика смотрела в окно. Виктор специально выбрал квартиру с завораживающим видом на Москву-реку, что добавило к её стоимости лишние нули. А теперь прекрасная панорама была обезображена частоколом трёх высоток, воткнутых между их домом и рекой. Но в просветах всё равно было видно, как вода блестит под полной луной.

Вика отвернулась и пошла настраивать телефон под себя: завела новую электронную почту, зарегистрировала учётную запись, отключила аппарат от всех облачных сервисов. Ей надо было хоть чем-то заняться, чтобы не думать об Алексее Смолине. Об Алёшке. Алёшеньке. В памяти так и всплывали его признания и былые идиллические картины совместного бытия. Но совесть ещё не позволяла предать мужа. И Пятницкая находила всё новые и новые пустяковые дела, лишь бы не бродить бесцельно по квартире абсолютно огорошенной нежданными и шокирующими мыслями.

Глава 3

Утро было прохладным. Пятницкая сидела на узкой скамеечке и смотрела на хмурое небо. Хвойные шапки огромных сосен заслоняли его почти полностью. Сосны были такие большие, что Вика чувствовала себя возле них малюсенькой девочкой.

Он подошёл тихо. Впрочем, как всегда.

– Чаю тебе принёс. Зябко нынче.

– Спасибо, Иваныч, – благодарно отозвалась Вика и забрала железную кружку из рук низенького худого старичка в телогрейке нараспашку и в чёрной бейсболке набекрень.

– Ну, оставишь здесь потом.

– Постой!

– Чё?

– Забирай насовсем, – сказала Вика, протягивая старику чёрную сапёрную лопатку.

– Да ну?! Больше не придёшь, что ли?

– Может.

– Э-хе… – только и прокряхтел Иваныч, забрал подарок и бойко зашагал к себе в бытовку, стоящую чуть поодаль от могилы Виктора Поспелова.

– Не приду, – прошептала Вика чёрному камню. – Смысла больше нет. Осталась лишь привычка. Да и твоим костям это

вряд ли нужно.

Чашка приятно грела руки, а тёплый чай, казалось, добрался до глубины души. Стало хорошо.

Иваныч больше к ней не вышел, хоть Пятницкая и просидела ещё час неизвестно чего выжидая.

Кладбищенская калитка противно скрипнула на ветру, будто проклятье бросила вслед Вике. Тут же зазвонил телефон. Это было непривычно и неприятно, словно кто-то незваный ворвался в её личное пространство.

Она знала этот номер наизусть. Помедлив, сняла трубку, прятаться теперь было бессмысленно:

– Алло.

– Привет, – осторожно сказала Мария Новикова.

– Привет, Маш.

– В мессенджере появилось сообщение, что ты присоединилась к пользователям. Я решила не гадать: ты не ты – и позвонила.

– Я, как видишь. Вернее, слышишь.

– Хочешь встретиться?

Вика помедлила с ответом, пытаясь определиться с желаниями. Встретиться она хотела, а обсуждать что было – нет. Да что уж теперь, пора вылезать из своей норы.

– Давай. Где и когда?

– Может, сегодня? Я освобожусь после четырнадцати. Хочешь, покажу тебе наш центр развития, я как раз буду там?

– Что покажешь?

– Мы с твоей мамой открыли центр развития и учим людей чувствовать и использовать божественную энергию.

– Она тоже будет? – Вика похолодела.

– Нет.

– Хорошо. Тогда скинь адрес. Я буду там ровно в два.

– Договорились.

После услышанного Вике захотелось вернуться на кладбище, сесть возле могилки и застыть там каменным изваянием. Та, которая когда-то бросила её на произвол судьбы, отказавшись обучать магии, теперь учила первых встречных, да ещё на пару с её лучшей подругой. Невероятно больно. Не было ей места в этом мире. Просто не было… Зачем она только появилась на свет?!

Телефон завибрировал вновь. Алексей прислал картинку: чашка кофе в лучах рассветного солнца на фоне умопомрачительного вида на Москву-реку и Белый дом. И подпись: «То, что пропустила вредная девчонка». Сразу стало легче, морок развеялся, и Пятницкая пошла в сторону метро.

***

Центр развития находился недалеко от Тверского бульвара. Вывеска гласила: «Алеф-практика».

Пятницкая зашла внутрь и оказалась у лестницы, ведущей вниз. По её краям горели цветные лампочки. Их таинственный свет раскрашивал полумрак и завораживал. Вика улыбнулась, расслабила спину и спустилась по ступенькам. Она очутилась в помещении средних размеров, выкрашенном в приятный оранжевый цвет. Было уютно. Под потолком висела ажурная люстра из латуни, напоминающая о марокканских берегах. У стен стояли мягкие широкие лавки с серой обивкой и цветными подушками, на которых так и хотелось развалиться. В углах дымились курительные палочки, ублажая стихию воздуха и смиряя мысли. За деревянной стойкой, декорированной корягами, сидела милая девушка лет двадцати.

– Здравствуйте, – приветливо сказала она.

– Здравствуйте! Я к Марии Новиковой.

– Вы, вероятно, Виктория?

– Да.

– Она ждёт вас в кафе, проходите. Прямо по коридору слева от меня.

Вика кивнула в знак благодарности и пошла в указанном направлении. Здесь использовался всё тот же приём: свет в длинном проходе лучился из пола. Почему-то возникла ассоциация с пещерой на четвёртом плане бытия, где Пятницкая однажды породнилась со своим тотемом.

Кафе было оформлено в мягко-синих тонах, простая белая деревянная мебель и жёлтые лампы-звёзды под голубым

потолком служили ненавязчивым акцентом. Цветные витражи пропускали приглушённый свет. Вика вспомнила, что помещение подвальное, и поняла, что источник света искусственный.

Маша улыбнулась ей и жестом пригласила присесть.

– Будешь чай? Рецепты твоей мамы. Посмотри чайную карту.

– Лучше кофе, – сказала Вика и, боясь неловкой паузы, тут же спросила: – «Алеф-практика»? Иврит, конечно, язык близкий к Богу, но мы всё же в России.

– Каббала в моде.

– Ага, и вы, чтобы оставаться в вечном тренде, решили учесть в интерьере великое множество стилей?

– Скучала по твоим комментариям, – тепло сказала Мария. – Это Пётр фантазировал. Он маркетолог.

– Твой новый?

– Уже полтора года вместе. Он взял на себя поиск помещения и ремонт. Придумывал всякие фишечки, чтобы создать располагающую атмосферу для трансформаций.

– С атмосферой получилось, – согласилась Вика. – А вот насчёт трансформаций не знаю.

– Лекторий у нас белый и светлый. Он этажом выше. Хочешь, покажу?

– Нет. Лучше кофе.

– Точно, забыла. Сейчас.

И Новикова скрылась на пару минут за распашными две-

рями.

– Пойдёшь к нам преподавателем? – спросила она, подавая кофе. – Будет очень кстати.

– Нет. Смущает меня ваша затея с массовым обучением.

– А ты приходи на лекцию, сама увидишь – это работает.

– Не вижу я, Маш, – призналась Виктория после паузы. – Ничего не вижу: ни планы бытия, ни ангелов, ни божественную энергию. Как отрезало. Ничего не вижу и не чувствую.

– Не знала, что так бывает, – ахнула Маша.

– Это уже неважно.

– А что важно?

– Что больше не болит.

В проходе показалась Анастасия Георгиевна. Вика замерла с неестественно прямой спиной. Лёгкие сжались. Она предупреждающе подняла руку: не подходи. Мать молча развернулась и скрылась в темноте.

– Зачем ты так с ней? Хотя бы поговорила.

– Потому что это как раз ещё болит. Ладно, пойду я…

– Может, вам всё же поговорить, чтобы боль отпустила и её, и тебя?

Вика бросила злой взгляд на Новикову.

– Моя подруга Маша сделала бы вид, что она на моей стороне.

– Моя подруга Вика пришла бы на мою свадьбу, – парировала Мария.

– Я не знала, извини, – холодно ответила Пятницкая.

– Ты думала только о себе и наплевала на весь мир.

– Я думала о Викторе. И хотела найти его хотя бы на четвёртом плане бытия.

– Ты и без того его там искала.

– Думала, недостаточно ищу.

– И что? – совладав с собой, спокойно спросила Маша.

– И его не нашла, и дар потеряла.

– Как потеряла?

– А как тут не потерять, если в это мироустройство я больше не верю. Ну нет его на четвёртом плане бытия! – повысила голос Вика.

– А на пятом?

– Не говори ерунды, он же не вознесённый мастер, не святой, не…

– Так пробовала там искать? – перебила Новикова.

– Нет. Пробовала с его душой поговорить.

– И что?

– Ничего. Она не вышла со мной на связь.

– Хочешь, я попробую?

– Попробуй.

– А ты попробуешь прийти на наши лекции?

– Баш на баш, – в Пятницкой вмиг проснулись банковские замашки.

– Я схожу на пятый план без всяких условий.

– Сходи. И я пойду. Много всего. Нужно переварить.

Вика вышла, так и не пригубив кофе.

Она брела от Тверского бульвара в сторону Арбата, надеясь, что свежий воздух приведёт её в чувство. Пусть метро доставит её в привычное измерение, она закроет свою дверь на замок и не выйдет из квартиры ещё пару лет. Чёртов мир боли нанёс очередной удар под дых. Вике не было стыдно, что она не вкусила салатов на свадьбе подруги, ей было больно, что Маша, у которой всё складывалось хорошо, не приняла её попыток выбраться из депрессии. Виктория давно бы убила себя, если бы любимый был по ту сторону жизни. А в данных обстоятельствах казалось бессмысленным менять один одинокий ад на другой. Про ненависть к той, что породила её, Пятницкая и думать не хотела. Просто позволяла противоестественной конструкции из злобы и протеста существовать внутри себя.

Завибрировал телефон. Вика машинально взглянула на экран – привычка быстро вернулась. Смолин прислал очередное фото. Через стакан с белым вином вырисовывались снежные горы. «Вид из моего окна. Решайся!»

И она решилась. Просто отбросила прочь все мысли и превратилась в человека действия: посмотреть время рейса и аэропорт, забрать из дома паспорт, вещи, быть вовремя на посадке.

У неё не было времени нервничать, а вот Смолина она заставила поволноваться – в самолёт она зашла последней и

уселась в кресло под звуки из селектора: «Двери в положение ARM».

– Ты в джинсах, – с видимым спокойствием упрекнул он.

– Ну купишь мне ещё пару платьев, если тебе надо, – непринуждённо улыбнулась Вика.

– Дерзкая.

– Было у кого учиться, – хмыкнула она. – Колись: нервничал же и подсчитывал убытки? Билет в бизнес, зарегистрировал меня заранее…

– Верил и надеялся, что мне зачтётся.

– Так уже зачлось. Я лечу с тобой.

– Как же я по тебе скучал!

– А я – по виски. Когда начнут разносить? Давай кнопочку нажмём и вызовем стюардессу?

– Вика! Ты же говорила, что только вино?!

– Не мешай мне расслабляться, тебе же лучше.

– Кого ты обманываешь? У тебя две стадии: трезвая и блюющая.

– Началось… – проворчала Вика и тут же улыбнулась подошедшей стюардессе.

Глава 4

Поезд вёз Пятницкую и Смолина из Женевского аэропорта в Лозанну. Идиллические картинки швейцарской провинции радовали взор лишь на станциях. В остальное время за окнами мелькали фонари.

– Через двадцать минут прибудем на вокзал.

– Удобно, меньше часа в пути.

– Очень удобно! Я езжу так на работу. Выхожу в центре Женевы. Там до офиса пять минут пешком. И в Лозанне пять минут до вокзала. По дороге читаю новости и листаю свой планер.

– Невероятно! Ты ездишь на работу на электричке.

– Невероятно, что ты грозилась пить виски, а не осилила и одного стакана.

– Вино мне всё-таки ближе, – отшутилась Вика. – Почему Лозанна, если работаешь в Женеве?

– Женева – неуютный город. Словно стоит на другом озере. Останешься подольше, свожу тебя туда – и сама поймёшь.

Виктория улыбнулась, но воздержалась от комментариев. Не знала, как отреагировать. Ещё в самолёте под воздействием виски она ощутила расстройство множественной личности. То она действовала как та, которая когда-то встречалась с Алексеем, то как руководитель подразделения банка,

то как вдова, как жена Виктора. Личности брали главенство над ней в произвольном порядке и не давали расслабиться – приходилось контролировать своё поведение сверх всякой меры. Испытывать стыд, радость, азарт и боль практически одновременно – это ненормально. Сидеть одной в квартире было куда проще, чем выйти в мир людей, которые тоже что-то думают, чего-то хотят и куда-то идут. Но при всём желании оставаться незаметной у неё это не вышло.

– Ты отказался от машины?

– Здесь – да. Уровень комфорта несопоставим с количеством проблем и затрат. Мне же не нужно ездить во Францию за продуктами, – усмехнулся Алексей.

– О чём ты? – не поняла Вика.

– Это местное развлечение: поехать в выходные за покупками во французские супермаркеты, где цены ниже. Я не заморачиваюсь.

– Ты дружишь с местными?

– Больше с такими же приезжими, как и я. Их много. И русских много. Кстати, взял на завтрашний вечер билеты на концерт какого-то крутого русского пианиста.

– Пианиста? – не поверила Пятницкая.

– Это же тусовка. Почувствуй себя героиней старого романа, когда люди ходили в театры, чтобы себя показать и на других посмотреть.

– Странная аллегория. В романе, который сразу припоминается под стук колёс, всё заканчивается плохо для героини.

– Брось, эти поезда почти бесшумные.

– И всё же…

– Вика, я тебя не тороплю и готов ждать. Оставь ненужные волнения.

– Спасибо.

– Я хочу, чтобы ты расслабилась и насладилась красивым городом в хорошей компании.

Вика улыбнулась: Алексей не мог не ввернуть что-то восхваляющее его самого. Интересно, почему ей это всегда бросалось в глаза? Восторгая, раздражая, маня и утомляя одновременно. Она пристально посмотрела на Смолина, тот улыбнулся в ответ, только вот она вовсе не ловила его улыбку, она зацепилась за свой немой вопрос: что ей импонирует в его уверенности в себе? Быть может, то, что в ней самой этого нет? Сколько бы она ни копировала чужие умения и навыки, самоуверенности так и не прибавилось. Умер Виктор, завершилась её карьера в банке, дар исчез, она осталась без ориентиров и опор, без слов одобрения и даже критики – какая уж тут уверенность в себе? Как же непосильна свобода, когда ты ничего из себя не представляешь, когда даже не можешь родить цель для продолжения пути…

Поезд остановился, и это спасло Пятницкую от ещё более глубокого погружения в тёмные мысли.

***

Вика сидела в кресле, поджав под себя ноги, и смотрела в окно. Панораму заволокло туманом.

– Раньше ты бы надела одну мою футболку, без моих штанов… – Алексей подал ей бокал с красным вином и сел на диван, стоящий впритык к креслу.

– Ты обещал красивый вид из окна. И не торопить.

– Погода считывает твоё настроение, – усмехнулся Смолин. – Ладно. Конечно, обещал. Я съезжу завтра на работу на пару часов и вернусь. Могу оставить вторые ключи, вдруг тебе захочется прогуляться. Хотя еда, вино – всё есть дома.

Пятницкая кивнула и спросила:

– Ты не помнишь, почему я пошла учиться на финансового менеджера?

– Помню. Ты разве нет?

– Нет.

– Так на спор же. Ты всегда завидовала, что я круче тебя, а ведь мы тогда с тобой ещё даже не встречались.

– А-а-а, Смолин! – всплеснула руками Вика. – Какой ты!..

– Да, так и было, – продолжил он, не реагируя на её эмоциональный всплеск. – Ты вдруг пришла, начала расспрашивать про учёбу, про возможные перспективы после и про зарплату, если ты выберешь профессию, как у меня. Что-то

мямлила про тяжёлый труд врачей и ординатуру, что родители не очень-то и рады… Ну я и сказал, что ты просто не потянешь экономику, что это не твоё. Вот ты и зарубилась: подала документы не в мед, а в вышку. И мало того что поступила, так ещё и с красным дипломом окончила.

– Угу, – хмыкнула Вика, понимая, что истинные причины нужно искать в её взаимоотношениях с родителями, а скорее с мамой. Смолин – так, пешка в игре.

Было больно. Она резко опустошила бокал вина и потребовала у Алексея добавки. Тот не стал возражать.

– Я до сих пор помню твою увесистую раскраску-атлас по анатомии. Как ты старательно раскрашивала кровеносную систему и строение глаза.

– Точно! Меня это завораживало. Я ведь и сейчас помню, что человеческий скелет состоит из 206 костей. Из них 85 – парных костей и 36 – непарных. У детей больше костей, а потом…

– Остановись, – запротестовал Смолин. – Я тебя понял. Теперь вдвойне странно, что ты не помнишь, как поступала.

– Да, это стёрлось из памяти.

– Ну нашу-то встречу забыть невозможно. Как ты вылила на меня кофе, а?! – театрально возмутился Алексей.

– Потому что ты – надутый индюк! Был и остаёшься. Нечего было лезть без очереди в кинозал, не замечая никого вокруг. Сам напоролся на мою руку со стаканчиком кофе.

– А потом?!

– А потом ты так орал, что мне ничего не оставалось, как вылить остатки тебе под ноги. Я свои кеды тогда тоже забрызгала.

– Я тебе подарил новые! – стрельнул глазами Алексей.

– Помню, Лёш. Стелла Маккартни. В то время я и представить не могла, что кеды могут стоить восемь тысяч.

– Я тоже перед тобой красовался. Доходы выросли позднее. Хорошее было время.

– Бы-ы-ыло-о… – протянула Виктория.

– Неужели ты ни о чём не жалеешь?

– Я человек, Лёш, конечно, мне есть о чём пожалеть. И всё же это было.

– Ну, кеды покупать тебе не буду, ты и так в кроссовках. Давай купим тебе завтра платье и туфли, чтобы было в чём идти на концерт.

– Давай, если тебе так хочется.

– Удивляешь меня всё больше и больше! Сейчас ты бы не вылила на меня кофе.

– Хочешь проверить? – хитро улыбнулась Вика.

– Нет.

***

Из-за тумана было темно, совсем без разницы – открыты

глаза или нет. Жаль, что даже это не помогало уснуть. Смолин спал в соседней комнате на диване, а Вике казалось, что она слышит его дыхание. Не одна. Она не одна. Так странно. Очень яркие ощущения. Усталость от прежних мук уступила место надежде: всё может снова стать хорошо, надо только дать этому случиться. Совсем рядом, всего лишь за стенкой, спит мужчина, которого она когда-то любила. Значит, было за что?!

«Кто сказал, что чувства невозможно возродить?! Бесспорно, он не Виктор. Витя… Нет тебя больше, Витя. Пора это признать. Пора принять, что раз тебя нет нигде и я не могу общаться хотя бы с твоим духом, то такова воля Бога – развести нас и в жизни, и после неё. А Лёша? Он раз за разом невзначай появляется на моём пути. Посмотри, Витя, ведь я доплакалась до седых волос, что же ты меня не отпускаешь? Или я тебя? Надо признать, что тебя нет. Признать это. Позволить себе снова полюбить. Пусть не сразу. Стоит хотя бы тело пожалеть, не видевшее ласки столько лет. Два с половиной года прошло. Больше, чем мы были женаты. Пора разрешить себе забыть тебя».

Дыхание застряло на мгновение и вышло с большой задержкой и хрипом. Хотелось откашляться, хотя горло было в порядке. Но боль не поддавалась на уговоры, она оставалась в сердце и колола острым лезвием.

«Не сегодня. Пусть Лёшка так и лежит на диване. Сегодня пора спать. А ты? Как же ты, Господи, ко мне жесток!»

***

«Вниз под горочку, не заблудишься!»

Лёша был прав. В Лозанне сложно было не найти Женевское озеро. Леман, как называют его местные.

Восхищаться Вика начала ещё на подходе к воде. Старинные здания не были похожи на сказочные домики, но и не давили помпезностью, не возвышались над людьми чопорными дворцами, а ненавязчиво заманивали в уют тихих улочек. Новые строения от них тоже не отставали и гармонично вписывались в урбанизированный ландшафт. Хотелось переобуться в удобные домашние тапочки и бродить по городу как по огромной квартире. Да и шагать по крутым склонам было бы комфортнее. Хорошо, что Вика была в кроссовках, и странно, что Смолин так хотел видеть её в туфлях.

– Алло! Вика, где ты?

– Там, где туман касается моих ног.

– Очень литературно. Но лучше скинь координаты.

– У меня нет интернета в роуминге.

– Ясно. Тогда опиши местность.

– Впереди – озеро. Позади – променад. Я сижу на парапете.

– Ви-ка! – остановил её Смолин.

– Рядом пришвартован корабль, а ещё одинокое дерево цветёт большими розовыми цветами.

– Понял. Сиди там. Скоро буду.

Вику так привлекал пейзаж, что скорость движения Смолина не имела никакого значения. Она всматривалась в дымку, словно в глубину себя.

«Есть ли смысл в моём горе? Отболело ли? Нет. Стало легче, когда я ушла от всех? Нет. Стало другим лучше без меня? Тоже нет. Хотел бы Витя, чтобы я всю жизнь провела в слезах? Не думаю. Или это ты, Бог, так решил? Но ты послал мне Лёшку. За что же я всё кляну судьбу, когда сама не принимаю её? Я хотела перестать исцелять. Перестала. Никто не требует от меня чудес. И стало пусто. Хотела бы я сказать: без Вити пусто. Но это лишь половина правды. Мне пусто без той части меня, от которой я бежала. Не только смерть мужа изуродовала душу, но и отсутствие радости от того, что чей-то путь может продолжаться без боли и с верой в чудо. Я потеряла веру. А вместе с ней и себя. И ведь даже не болит. Просто пусто. В лёгких нет воздуха. В сердце нет музыки. Только стук, чтобы поддерживать жизнеспособность. Ты послал мне Лёшку. Человека, которого я когда-то любила. А он до сих пор любит меня. Готов быть рядом. Поддерживать. Наверное, я имею право на счастье, хоть он и не Витя?»

От последнего осознания у Пятницкой появилась горечь во рту.

«Я ведь за что-то его любила. Смогу ли сейчас? Надо разрешить себе не сбегать как обычно, идти до конца, чтобы ничего не мешало ставить точку, когда история закончена. С Витей всё закончено. Клятвы недействительны. Смерть разлучила нас. Прости меня, милый, что не спасла, что выбрала неверный путь и потеряла тебя. Прости… А сама, могу ли я сама простить Бога за то, что он отнял тебя?! Господи, подай мне знак, что делать, если и в этом мире я не нахожу себе места, и на том свете меня не ждёт любимый муж. Мёртвый муж. А здесь меня искал Лёшка. Всё же есть в его сердце для меня место. Если ты не убил меня, значит, ещё есть варианты развития событий, чтобы я смогла выполнить своё предназначение и жить в счастье. Так укажи мне этот путь! Дай подсказку!»

– Красивое место, чтобы сидеть и ни о чём не думать… – Смолин сел рядом и обнял Пятницкую одной рукой. – У тебя такое умиротворённое лицо…

Вика промолчала. Подняла глаза и посмотрела на воду. Мгла рассеялась, открывая вид на заснеженные горы и деревушку внизу. В домиках загорелись огни. В Пятницкой зажглась надежда. Смолин взял её руку и поцеловал запястье. Один поцелуй сказал всё о его сильном желании обладать ей. Мурашки побежали по телу.

– Тебе неприятно? – всматриваясь в глаза Вики, спросил Алексей.

Она молчала. Ей было непривычно. Ей было страшно. Ей

было приятно.

– Я могу остановиться… – Смолин поцеловал её ещё раз.

– Да… – прошептала Вика.

– Да – остановиться или да – продолжать? – Алексей вновь поцеловал её запястье.

– Остановиться.

Пятницкая мягко высвободила свою руку из его захвата и на всякий случай подсунула её под ногу.

– Почему? – поинтересовался Алексей, вцепившись взглядом в противоположный берег.

– Я не знаю.

– Чего ты боишься? Мы так давно знаем друг друга.

– А мы знаем? Последнее, что помню, – ты занял место моего мужа в ГорБанке. Это было почти три года назад.

– Интересная формулировка, – подметил Смолин. – Я вчера лежал на неудобном диване, но мне было хорошо. Я знал, что ты рядом. Я много думал о нас. О наших вечных спорах. В этом что-то есть.

– Я изменилась.

– Брось. Ты всё такая же. А меланхолия пройдёт.

– А если нет?

– Тогда и будем думать. А сейчас мне хорошо с тобой смотреть на закат.

– Красиво, не поспоришь.

Вика хотела заплакать, а потом передумала и просто положила голову на плечо Алексея – она устала страдать. Пре-

красное озеро. Прекрасное место, чтобы утопить здесь свою печаль. Мысленно она отделила от себя все неприятные чувства и бросила их в воду. Казалось, что ничего не произошло. Только с небосклона испарились последние облака.

Закат выдавал всё новые и новые оттенки розового.

– Нам пора идти, если мы хотим купить тебе платье для концерта.

– Платье обязательно?

– Нет, – покачал головой Алексей. – Ты и так прекрасна.

– Тогда пойдём сразу на концерт.

– Как скажешь, – согласился он и положил руку на её колено.

Она не стала возражать.

***

– Прости, я не посмотрел программу концерта, – сказал Смолин, когда они выходили с Викторией из зала.

– Мы, русские, удивительные люди. Приехать в лучший город Европы, стоящий на умопомрачительно красивом озере, чтобы набиться в небольшое помещение и слушать реквиемы.

– Ты не хочешь возвращаться после антракта?

– Нет!

Они оба засмеялись в голос, смущая остальных зрителей. На них стали оборачиваться.

– Здесь ведь только наши, да?

– Да, почти. Ладно, идём. Дальше по плану было вино с красивым видом из окна.

– Кажется, я это обещание уже слышала.

– Туман рассеялся, не ёрничай.

Они медленно преодолевали очередной холм.

– Почти пришли.

– Отсюда совсем не видно озеро.

– Из квартиры будет видно, не переживай.

– А я переживаю.

– Только по этому поводу?

– Нет.

– Сколько у тебя было мужчин после Виктора?

– Нисколько.

– Удивляешь меня.

– Я должна была пойти по рукам, чтобы забыться?

– Разве нет?

– Видишь, мы совсем друг друга не знаем. Этого я и боюсь.

Смолин остановился, взял Викторию за руки и пристально посмотрел ей в глаза:

– Я тебя люблю. Это правда. Я больше не хочу носить маску хорошего друга. И у меня было достаточно времени и поводов понять, как я ошибался. Не уезжай. Оставайся. Закон-

чатся девяносто дней, что-нибудь придумаем с визой. У тебя всё равно нет никаких дел в Москве. Хочешь, всё будет не сегодня?

– Не знаю, чего хочу.

– Не решай сейчас. К тому же и не место.

Они пошли дальше. Смолин молчал. Пятницкая думала.

«Хочется сегодня. Телу очень хочется. Голова идёт кругом от одних прикосновений. Только иногда картинка сбивается: кажется, что это Виктор. Пора забыть. Пора. Сколько можно изводить саму себя? Я сделала всё, что в моих силах. Я же живая в конце концов!»

Алексей резко остановился, обнял Викторию и притянул к себе. Его губы замерли в миллиметре от её губ. Он не почувствовал сопротивление и прикоснулся к ним.

Глава 5

Пятницкая открыла глаза. Плотные шторы скрывали дневной свет. Вчера она так и не увидела вид из окна.

В спальню зашёл Алексей, опоясанный тёмно-синим полотенцем. В руках он нёс две большие чашки кофе. Поставил их на маленький круглый столик у окна, потом раздвинул шторы и сел в кресло рядом.

– Вот, – усмехнулся он, – смотри. Стоит остаться, чтобы видеть это каждый день, а?

– Впечатля-я-е-ет… – протянула Вика, вытянув шею.

Она закуталась в одеяло и перебралась из кровати в свободное кресло.

– Не капучино, но с молоком, – предупредил Лёша.

– Всё хорошо. Спасибо!

– Точно? У тебя вид, словно ты что-то натворила.

– Ну, во-первых, не я, а мы. А во-вторых, не цепляйся к моей утренней физиономии, ладно? Я ещё не проснулась. И не осознала, что произошло.

– Что тут осознавать? Ты остаёшься здесь со мной – и все дела.

– Ну да, ты, как обычно, всё за меня решил.

– А зачем тебе, как обычно, с этим решением спорить?

– Это констатация факта. Не спор.

– Снова споришь, – просиял Лёша. – Я не поеду сегодня на работу.

– Такими темпами скоро смотреть тебе из окон на московские пейзажи. Всё больше становится понятно, почему тебя сослали.

– Сегодня нет ничего важного. Остальное смогу решить по телефону.

«Телефон», – смутилась Вика. Она совсем забыла о его существовании.

– Я пойду в душ.

– Выпей со мной кофе, потом пойдёшь.

– Хорошо.

– Твоё полотенце – розовое.

– Ну да, какое же ещё? – усмехнулась Пятницкая, проводя рукой по лбу.

– Что?

– Хоть не розовые шорты с начёсом. Да уж, мы знаем друг друга.

Струи воды приятно били Пятницкую по голове. Тело было разряжено после ночи и наполнялось новой энергией. Жаль только, что мысли не были свежими.

«Виктор разбудил бы меня поцелуем, а не чашкой кофе. Хотя потом кофе… Зачем я снова их сравниваю? Ночью было хорошо. Бесполезно искать недостатки. Но приоритет ли это, когда принимаешь решение не возвращаться в Россию?

Квартиру мою можно сдать, закрыв обязательные расходы, здесь на себя всё возьмёт Лёша. Две проблемы – одним махом. Отчего всё кажется слишком гладким? Или я просто ищу повод не оставаться? Сомневаюсь, что чувства смогут вернуться? Я же больше не хочу быть одна. Одиночество бессмысленно. Оно не делает сильнее. Оно капсулирует страхи. Я боюсь чувствовать. Боюсь снова потерять любимого. Боюсь боли. Я боюсь жить. Уехать я всегда успею, а здесь такой красивый вид из окна…»

Пятницкая выключила воду. Полотенцем промокнула волосы и вытерла насухо тело. Нагнулась и с удивлением заметила перед глазами кудрявые пряди. Резко разогнулась и вытаращилась на своё отражение в зеркале – не померещилось: волосы игриво завились и стали казаться ещё короче.

«Значит, всё идёт правильно!»

Вика вышла из ванной. Алексей разговаривал по телефону, и она тоже потянулась к своему мобильнику. Двадцать сообщений ждало её там. И все – от одного абонента, словно тот истерично пытался с ней связаться. Но кто это? Кто-то из тех удивительных людей, которые любят писать по одному слову в сообщении? Или…?

Это была Лена Смолина. Пятницкая холодно читала её рваные тексты. Она силилась понять смысл, затерянный меж бранных слов и нелепых попыток психологического давления, и наконец-то осознала написанное: Елена и Алексей всё

ещё состояли в браке. И в отличие от Алексея Лена не считала их отношения завершёнными. Вику не тронули громкие обвинения в распутной жизни, а вот вопрос: зачем она рушит семью? – озадачил. Неожиданно ей на помощь пришёл опыт работы руководителем. Она отодвинула чувства в сторону, чтобы решить, что же ей важнее: честное имя или временный комфорт.

Вика переслала все сообщения Алексею и начала собирать вещи.

– Кто сделал эту фотку? – обрушился на неё гневный вопрос Смолина.

Лена прислала фотографию, на которой Вика и Алексей были запечатлены уходящими с концерта под ручку.

«Какой важный вопрос! – подумала Пятницкая. – Именно это и стоит сейчас обсудить».

– То, что она пишет, – бред! Истеричка! Ты-то хоть свои вещи оставь, Вика!

«Жуткое ощущение дежавю. Сейчас правильно спросить: «Когда ты собирался мне рассказать, что женат?» Только вот совсем неважно, что Лёша ответит. Стоит отдать ему должное: в этот раз он хотя бы не молчит. Я дура! Сколько ещё я буду влипать в одну и ту же историю?»

– Не уходи. Куда ты пойдёшь?

«Хороший вопрос. Пойду от тебя».

– Не знаю, Лёш.

– Тогда не уходи. Мы со всем разберёмся.

«Мы?»

– Разберись сам с собой.

– Да чёрт бы побрал её! Снова она во всё лезет!

«С собой, Лёшка, разберись. С собой. Дело же не в Лене».

– Ну куда ты пойдёшь? Господи, как ребёнок!

«Как ребёнок. Чувствую и знаю, чего хочу».

– Пойду проветрюсь. Нам обоим это не помешает.

Вика врала. Она больше не собиралась возвращаться. Хоть и не знала, куда пойдёт.

– Милая… – прильнул к ней Смолин.

Пятницкую ударило током от этого обращения. Так её называл только Витя. Только он! «Не смей меня так называть!» – кричала она внутри себя, осторожно высвобождаясь из объятий Алексея. Ей надо было поскорее уйти, чтобы боль не успела сковать всё тело.

– Я прогуляюсь и всё. Будем на связи.

– Давай вместе?

– Не сейчас.

– Ладно, я буду дома.

– Ага.

«Пожертвую зубной щёткой, кремом для лица и белой водолазкой. Главное – уйти. Не ввязаться в бесполезное выяснение отношений. Я больше не хочу войны. Хочу как с Витей – надёжный тыл. Какие же они разные, хоть и столько общего…»

Пятницкая на автомате побрела к озеру единственно знакомой дорогой. Каждый шаг вниз под горку забирал её уверенность в себе. Особенно тяжело стало, когда она поняла, что наличных евро у неё нет, а на карте – не более десяти тысяч рублей. Она забыла положить туда деньги, которые дал ей Смолин в Москве. На отель на сутки или двое хватит. А вот на обратный билет – вряд ли. Может, найдётся дешёвый стыковочный рейс? Как же посмотреть вылеты и купить билет без интернета?

Заблестело озеро под ярким утренним солнцем. На небе дрейфовали одиночные пушистые облака. Лазурную воду рассекали лодки под белыми парусами. В сторону Франции отходил паром. Вике тоже захотелось куда-нибудь отчалить. Здешний мир стал совсем невыносим, хоть и был невероятно красив.

«Вот бы не менять место, но изменить судьбу. Начать заново. Вернуться в прошлое и не проливать кофе на Лёшку, чтобы эти отношения никогда не начинались».

Она стояла на берегу растерянная и обессиленная. Мимо прошёл мужчина в сером костюме. Поравнявшись с Викой, он улыбнулся. И она отчего-то поплелась за ним, словно за пейсмейкером, держа дистанцию в пару метров.

Всё дальше оставались причал и пляжи. Всё грустнее становились размышления. Она никак не могла поверить в ре-

альность случившегося. И вдруг осталась совсем одна на узкой дорожке между озером и частными домами. Мужчина в сером исчез.

Вика спустилась к воде на маленький пляж, села на прохладный песок.

«Как же так, Господи?! Я поверила тебе, а ты меня снова предал. Нанёс удар. Что ты из меня вечно делаешь жертву?! Разве я не была для тебя хорошей? Жила мирно, людей лечила. Можно ли отнимать близких за попытки разобраться в себе?»

Вика споткнулась о собственный вопрос.

«И как, разобралась?»

За истеричным смехом последовал поток слёз.

«Смолин запутался? А я? Чего я хочу? Это, Господи, ты мне хотел показать? Как все мы похожи в своём непонимании целей и желаний? Можно было попроще? Или я такая твердолобая, что со мной только так? Мне невыносимо больно, понимаешь? В который раз предательская недосказанность. И всё началось с моей матери. Сколько лет она молчала, что обладает даром! Невыносимо. Невыносимо! Просто развей меня. К чёрту эту вечную жизнь на четвёртом плане бытия. Отсутствие дуальности меня не спасёт, когда нет любви в сердце. Мне больше некого любить, понимаешь?!»

Слёзы закончились. Изнеможение достигло своего пика.

«Ад на земле. Нас отравляют собственные мысли. И даже этот прекрасный вид не может их усмирить. Я схожу с ума.

Или уже сошла».

– Бух! – сказал годовалый малыш, плюхнувшись на попу возле неё.

Песок смягчил падение.

Вика посмотрела на мальчика и широко улыбнулась, не веря тому, что видит. Помогла ребёнку подняться.

– Виктория? – неуверенно спросила подошедшая женщина.

Вика кивнула, догадавшись, кто стоит перед ней.

– Вы понимаете, что это не Тимофей, хотя его душа в этом теле?

– Я так и запомнила вас – как человека, говорящего сразу по делу. Здравствуйте, я рада вас видеть.

– Здравствуйте, Елизавета, – смутилась Пятницкая, осознав, что забыла поздороваться.

– Сына зовут Александр. Имя распространено и здесь, и в России. Специально выбирали. Алекс очень похож на Тимофея. Иногда кажется, что это он.

Вика не успела ничего сказать в ответ: звонок Смолина помешал разговору. Она уставилась на экран телефона.

«Я снова смылась, – мысль прогремела как выстрел. – Опять не поговорили. Не обсудим случившееся – так и не узнаю что-то, не приму. И повторно окажусь в схожей круговерти».

– Извините, мне надо поговорить, – сказала Вика Елизавете и ответила на звонок: – Алло.

– Где ты? Я волнуюсь.

– Встретила знакомых, общаемся.

– Где вы? Пообщаемся вместе. Я подойду.

– Нет, не сейчас.

– Вика!

– Лёш, ты сделал мне больно. Дай прийти в себя, и мы поговорим без лишних эмоций.

– Я готов извиниться и всё объяснить.

– Готов… – улыбнулась Вика этому слову.

«Что же не сделал этого раньше?» – спросила она мысленно, а вслух сказала:

– Зато я сейчас не готова. Позднее, Лёш. Ты же видишь, я не скрываюсь. Поговорим, когда смогу.

– Я места себе не нахожу… Я тебя люблю! Возвращайся домой.

Фраза резанула Пятницкую, и она почувствовала новый прилив боли.

«Где мой дом?»

– Мы поговорим потом! – отрезала Вика и прервала разговор.

– У вас всё нормально? – спросила Елизавета.

– Нет. Скажем так: поругалась с мужчиной, который профинансировал эту поездку. Мне нужно купить билет в Москву и где-то остановиться, если не получится улететь сегодня. Не знаете, где есть бесплатный вайфай? У меня нет интернета в роуминге. И денег особо нет.

Лиза молчала. Пятницкая не могла понять по её виду, что скрывается за этим молчанием.

– Не берите в голову, – махнула Виктория. – Рада, что у вас всё хорошо, – погладила она по голове Алекса.

– Не спешите, я думаю. Мы живём в маленькой однокомнатной квартире: я, муж и сын – и поэтому не сможем вас приютить. Но, кажется, я знаю, кто сможет. Климов – удивительный человек. И ему будет не скучно, и вам приятно познакомиться. Пойдёмте. Мы как раз были у него в гостях.

Глава 6

Виктория любовалась видом на Леман, сидя на скамейке под большим цветущим деревом. С каждым порывом ветра её осыпало белыми лепестками. Со стороны это выглядело романтично, а на деле Пятницкой было холодно.

Позвонил Алексей. Она снова ответила, что не готова с ним разговаривать. Ей даже думать не хотелось о случившемся. Да и не получалось: она всё больше зацикливалась на том, как бы не заболеть из-за этого недружелюбного ветра.

Вика посмотрела сквозь решётки белого забора на озеро. Над водой начали собираться кучевые облака, что не мешало ей таинственно блестеть. Вновь подул ветер, осыпав Пятницкую лепестками. Она стряхнула их с макушки и опять взглянула на Леман сквозь чёрный забор.

«Что это? Я так перенервничала, что чёрное мне уже кажется белым. Забор точно чёрный».

Наконец на пороге дома показались Лиза с Алексом и поджарый мужчина лет сорока пяти. Средний рост, короткая стрижка, тёмный спортивный костюм и дутый бордовый жилет. Этого явления Виктория ждала почти десять минут, тело уже стало знобить.

Елизавета жестом показала ей, что всё в порядке и можно подойти. Мужчина был очень серьёзным – ни намёка на

улыбку. Вика поднялась со скамейки и пошла им навстречу.

– Виктория, это Роман Климов. Он сказал, что вы можете оставаться у него столько, сколько вам нужно. Саша совсем раскапризничался, пришлось его спешно покормить. Извините, что так долго. И нам уже пора, надо бежать домой на дневной сон. Если что – звоните. У Ромы есть мой номер.

– Хорошо, спасибо, – смущённо ответила Пятницкая. Ей было неуютно под пристальным взглядом мужчины.

– Твоя беглянка совсем замёрзла, что ты её сразу в дом не позвала? – наконец улыбнулся Роман, дружелюбно похлопав Елизавету по плечу. – Ладно, и вам пора, и нам. Что, Вик, пойдём в дом? Буду тебя отогревать чаем или чем покрепче, – пригласил он и, не дожидаясь ответа, пошёл в сторону белого двухэтажного дома. – Ничего, что я на «ты»? – бросил Климов, не оборачиваясь.

– Ничего, – пожала плечами Пятницкая, догоняя его.

Роман жестом пригласил её зайти в просторную кухню, усадил за огромный круглый стол, а сам взял чайник со свистком и пошёл ставить его на газовую плиту. Стол располагался возле панорамного окна, и можно было смотреть на Женевское озеро и заснеженные пики савойских Альп.

В тёплом доме Вике стало ещё хуже. Она подпёрла голову рукой, изо всех сил стараясь не сползти под стол.

– У вас есть вайфай? – почти на последнем издыхании спросила Пятницкая.

– Мы же договорились на «ты». Интернет есть. Только зачем он тебе сейчас?

– Хочу посмотреть билеты в Москву.

– Судя по твоему состоянию, в Москву ты полетишь не раньше, чем через неделю. Ты заболела.

– Ты доктор?

– Ага, доктор наук. Точнее профессор. Физик я.

– А мне похвастать нечем. Я безработная.

– А мне это и неважно. Лиза за тебя попросила, значит, ты хороший человек. Мне важно, чтобы ты выпила чай и легла в постель. Очень уж ты бледная.

– И чувствую себя как тень отца Гамлета.

– Жаждешь мести?

– Нет, хоть и повод есть, – грустно усмехнулась Вика.

– Точно беглянка. У меня глаз-алмаз, – порадовался Климов, наливая ей некрепкий чёрный чай в большую чашку.

Туда же он положил ложку мёда и две дольки лимона. Подумал – и сделал себе такой же напиток.

Вика ждала, пока чай чуть остынет, грея руки о чашку. Теперь и она понимала, что заболела. Ей уже не хотелось чая или полететь в Москву, она мечтала прилечь и закрыть глаза.

– Пойдём-ка я тебя провожу до постели. В который раз понимаю, что не зря снял дом с гостевой спальней. А чай и в кровати прекрасно пьётся. Не дёргайся ты, кружку я сам принесу. Пойдём, нам на второй этаж.

Климов заставил Вику выпить немного чая, и та уснула.

Это был странный сон, иногда похожий на забытьё, а то и морок. Кажется, Роман сидел рядом, негромко разговаривал с кем-то, называл её по имени, ходил, уходил и возвращался.

Когда Пятницкая очнулась, его не было в комнате. Солнце, закатившись за гору, позолотило небо. Как же было удивительно видеть небо, горы и озеро, не вставая с кровати! Она точно видела это в своих снах, а может, просто в рекламных роликах.

– Как ты? – спросил Климов, заходя в спальню.

– Мне так неудобно… – заёрзала Вика.

– Кровать неудобная? – не понял он.

– Неудобно, что я заболела и так стесняю тебя.

Роман пристально посмотрел на Вику:

– Ты можешь читать мысли?

– Нет, – тихо ответила она.

– Тогда не выдумывай лишнего. Я в последнее время как-то заскучал. И появилась ты. Я рад. Новые люди – всегда к изменениям.

– Разве?

– А разве нет? Новые люди – новые алгоритмы поведения. Буду общаться, наблюдать за тобой и узнаю то, чего раньше не знал, или получу подтверждение прежним мыслям.

– Ощущаю себя подопытным кроликом.

– Так и я для тебя такой же кролик. Или ты по другой причине общаешься с людьми?

– Не думала об этом. Мне казалось, это воля случая и чувств.

– Ты пустила всё на самотёк?

– Ты точно физик? – улыбнулась Пятницкая, пряча за этой реакцией неприятные ощущения тела.

Она ведь и правда сдалась, скрывшись ото всех в квартире, отказываясь от работы, телефона и встреч с близкими. Ей стало не по себе от этих мыслей.

– Физика в том числе изучает общие закономерности явлений. Вот ты и явилась, – усмехнулся Климов.

– Ага, получается я – закономерное явление в твоей жизни, а не новый человек. Скажи мне как физик, случайности не случайны?

– На самом деле получить реально случайное событие очень сложно, поскольку выбор вариантов всегда ограничен. Например, кажется, что встретить знакомого в большом городе маловероятно. Но если вы ходите в одни и те же места, то вероятность сильно возрастает. Как-то так.

Теперь встреча с Елизаветой казалась Вике меньшим чудом и более вероятным событием. Когда-то она сама активно агитировала её уехать в Швейцарию.

– Хочешь есть? Есть овощной салат, и могу пожарить стейки.

– Нет, не хочу. Но могу составить тебе компанию и выпить чаю. Мне немного лучше.

– Хотя бы так.

***

Стемнело. Фонарей на улице не было, и, только подключив фантазию, можно было догадаться, что за окном Женевское озеро. Климов жарил стейк на открытой кухне, доброжелательно поглядывая на Пятницкую. Та сидела за столом и пила тёплый чай, посасывая дольку лимона.

– У меня есть чеснок, – вдруг вспомнил он. – Сейчас дам тебе.

– Будем отгонять нечистую силу? Это дом с привидениями?

– Будешь лечить своё горло. Чесночный леденец хорошо справляется с этой задачей. Увлекаешься мистикой?

Вика смущённо пожала плечами, не зная, что ответить. Ей вдруг стало неловко отвечать на вопрос про сверхъестественные явления. Кто она? Одинокая, безработная и бездарная женщина, у которой всё в прошлом. И сейчас она не побирается только благодаря тому, что Виктор когда-то вложил деньги в безотзывные облигации с хорошими купонными выплатами. Остальные ценные бумаги и инвестиции просто прогорели в кризисный момент, который она, разумеется, упустила. Благо хоть додумалась погасить досрочно ипотеку. Именно тогда, посмотрев на свои банковские счета, Ви-

ка решила отрезать все связи с миром и выключила телефон, признав своё поражение на всех фронтах.

«Я была твоим солдатом, Господи. И ты меня так предал».

– Так что про мистику? – повторил Роман. – Лиза сказала, ты необычный человек.

– Я была необычным человеком. Сейчас такая же, как все. Две руки, две ноги и слабое здоровье.

– От простуды люди уже давно не умирают. Не преувеличивай своё горе. Сколько тебе лет?

– Двадцать девять.

– Мне пятьдесят семь, и я смело могу утверждать, что у тебя всё только начинается. Да и я в полном расцвете сил.

– Ого! Дала бы тебе минимум на десять лет меньше.

– В душе мне и вовсе тридцать, – покивал Климов.

– Как у тебя это получается?

– Однажды я решил радоваться каждому приятному обстоятельству и принимать неудачи как опыт.

– Что произошло, когда ты это решил?

– Я потерял свой бизнес. Ради него я оставил пост преподавателя в Лозаннском университете и стал сооснователем инновационной компании, но моё изобретение не завоевало рынок. Прорыва не случилось. Мы не покорили ни Европу, ни Америку.

– И что потом?

– Я открыл новый стартап и довожу до ума новое изобретение.

– Где ты нашёл силы, чтобы снова подняться?

– Внутри себя.

– А если их нет?

– Когда выздоровеешь, я покажу, где их взять. А пока лучше бы ты хоть что-то съела. Не пренебрегай внешними источниками силы, – подмигнул Роман.

– Готова поесть мёд. Он оказался у тебя очень вкусным.

– О! Давай я тебе сделаю бутерброд: белый хлеб с маслом и мёдом.

Пятницкая неуверенно посмотрела на Климова.

– Это местная фишка. Швейцарцы так завтракают. Но и вечером будет хорошо.

– Ну давай.

– Тебе не лучше, – констатировал Роман.

– Нет, – подтвердила Виктория.

– И бутерброд не доела.

– Очень странное сочетание: жирное и хрупкое с вязким и сладким.

– Дело привычки. И вкуснее, если масло чуть подтаявшее.

– Поверю тебе на слово и пойду спать.

– Иди, я сейчас сделаю ромашковый чай и принесу. Странно ты звучишь. Есть риск, что завтра голос пропадёт. Не удивляйся. Это жизненный опыт и трое детей.

– Детей? – ахнула Пятницкая.

– Вспомни, сколько мне лет. Они уже взрослые. И вообще

сейчас тебе пора в кровать.

– Девять вечера – самое оно. Сказку мне почитаешь? – пошутила Виктория.

– Учебник по физике.

– Там тоже много сказок с точки зрения обывателя. Писали бы их только попроще. Фотоны, к примеру, настоящие оборотни: то они ведут себя как частицы, то как световые волны.

– Ты была в школе хорошей девочкой, раз до сих пор помнишь принцип корпускулярно-волнового дуализма. Похвально.

– Да, хорошей девочкой… – задумчиво согласилась Вика.

– Раз ты сама это вспомнила, поупражняйся и переведи эту теорию на образ человека. Завтра расскажешь. Хотя лучше тебе просто поспать. Но ты же всё равно не уснёшь.

Вика улыбнулась и пошла наверх. Давно ей не было так уютно с кем-то. И не хотелось объяснять, что всё дело в возрасте Климова, в его мудрости или высоком интеллекте. Пятницкая окрестила это человечностью. Рома готов был передавать опыт без нравоучений, указывать на важное без излишних акцентов и просто делать вкусный чай для кого-то, забывая, что он статусный человек.

***

Климов был прав: Пятницкая не могла уснуть. Порой она проваливалась в тёмную мглу из-за поднявшейся температуры, но раз за разом всплывала окружённая мыслями.

Ей было и плохо, и хорошо одновременно. Плохо от предательства Смолина, от измены самой себе. Она же чувствовала, что идёт на сделку с собой, принимая ухаживания Алексея и каждый раз убеждая себя в правильности этого решения. Но ей было хорошо в доме Романа, радостно, что она познакомилась с таким невероятным человеком, да ещё на берегах изумительно красивого озера. Как бы она ещё сюда попала, если бы не Смолин?

«Вот он – дуализм фотона. Одновременно что-то может быть хорошим и плохим. Зависит от того, с какой стороны смотреть или кто наблюдает. Если я готова видеть хорошее, то буду благодарна Алексею за встречу с Климовым, если хочу видеть только плохое, то стану лишь злиться на его ложь. Но как фотон одновременно может быть и частицей, и волной, так и ситуации бывают хорошими и плохими в один и тот же момент. И любой отказ видеть обе позиции – отказ от истинного положения вещей. Поэтому мы можем впасть в депрессию или витать в облаках. Может, об этом и писал Пушкин: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»? И,

используя волю, остаёшься в эмоциональном нуле, то есть в покое. Равен ли покой принятию или он равноценен остановке? Как же страшно остановиться…»

Тут Пятницкую передёрнуло: до того мысль показалась кошмарной.

«Нет, ужасно признать, что я уже остановилась и даже хуже – падаю всё ниже и ниже в своих же глазах. И вместо того, чтобы насладиться видом звёздного неба из окна, всё ищу поводы себя пожурить. И не могу завершить именно этот процесс. Да, Роман, я пустила всё на самотёк…»

Кто-то окликнул её. Виктория посмотрела в сторону открытой двери, но никого не увидела. Очень хотелось найти этому простое объяснение, поэтому она сползла с постели и выглянула в коридор.

В доме было темно. Климов прикрыл дверь в свою спальню. Свет не горел.

«То заборы меняют цвет, то слышатся голоса… Может, однажды вернётся мой дар, и я снова смогу слышать ангелов или видеть духов? Но вот цвет забора? Как объяснить?»

Вика села на небольшой диванчик у окна, закутавшись в тёплое одеяло. В тёмной вышине по-прежнему висели яркие звезды. Было только двенадцать.

– Спокойной ночи, – снова произнёс какой-то тихий, но знакомый голос.

И снова никого не оказалось рядом.

– Ну да, – сама себе сказала Вика. – У меня галлюцина-

ции. Или всё-таки это дом с приведениями? А вообще мне это нравится. Чувствую себя необычной, как раньше. Нет, не буду думать, что я всё же сошла с ума от горя или это просто температура. Поговори со мной ещё.

– Забыл сказать: завтра в девять придут менять сетевой кабель! – донёсся крик издалека.

– Нет, лучше о любви, – засмеялась Вика, утыкаясь головой в одеяло, чтобы не разбудить Климова громкими звуками.

Но тут же закашлялась, возвращаясь мыслями в реальность. Собственная слабость вдруг показалась бессилием.

«Что бы я раньше подумала в этой ситуации о тех, кого исцеляла? Вялость, боль в горле и возможная потеря голоса. Какая мне от этого польза? Из-за слабости я осталась в Швейцарии. Рома говорил про неделю. Ладно, значит даю слово: неделю не рваться в Москву. Боль в горле? Сгусток-ёжик моих колючих слов. Я не кричала и не ругалась, когда мне было больно. Не выражала свои эмоции. И снова сбежала от Алексея. Не поговорила с ним. И теперь наказываю его отсутствием понимания – где я и когда позволю поговорить со мной. Кажется, я где-то читала, что молчание – самая жестокая форма психологического насилия. Вновь и вновь нет белого и чёрного. Я тоже делаю ему больно. А он всячески проявлял заботу обо мне».

Вика заставила себя встать, спуститься вниз на кухню, где остался рюкзак с вещами. Оказалось, что телефон разрядил-

ся. Взяв зарядку и мобильный, она поднялась в спальню. Прикрыла дверь, чтобы не мешать Роману. Закуталась в одеяло и принялась глубоко дышать, пока включался телефон.

Пришло сообщение, что Смолин звонил десять раз. Вика примостилась на полу у розетки и набрала его номер.

– Привет.

– Привет, – тихо ответил он.

– Со мной всё в порядке. Я у знакомого. Он тоже русский. У меня разрядился телефон. И я заболела.

– Это называется «в порядке»? – без эмоций спросил Смолин.

– Я жива и почти здорова. Только температура и слабость.

– Ты не вернёшься?

– Сегодня нет.

У Вики кольнуло сердце от этой фразы. Она дарила Алексею ложную надежду.

– Нет. Не вернусь, Лёш. Но смогу встретиться с тобой, когда выздоровею, если хочешь.

– Хочу. Ты даже не представляешь, как мне было с тобой хорошо и как мне сейчас плохо.

– Не представляю. Но мне тоже сейчас плохо.

– Тебя бесполезно уговаривать приехать или хотя бы дать адрес, откуда тебя забрать?

– Не надо, пожалуйста. Я обещаю позвонить завтра днём. А сейчас пойду спать.

– Хорошо. Я обещаю не приезжать сам, но скажи, у кого

ты. На всякий случай. Мне так будет спокойнее. Если ты будешь на связи, как обещала, я не буду тебя искать.

– Я у Романа Климова. Адрес не знаю.

– Мне этого достаточно, спасибо.

– Спокойной ночи, Лёш.

– Да, спокойной.

Мгновенного исцеления не произошло. Вика привалилась лбом к окну. Холод стекла был приятен для горячего тела. Пятницкая видела, что пришли сообщения и от Елены Смолиной. Она решила их не читать. Лене она ничего не должна. Пусть сами разбираются со своей семейной жизнью.

«Всё зависит от наблюдателя. Для Лёши я сейчас хорошая. Для Лены – плохая. И всё это в одних и тех же обстоятельствах».

***

– Вика! – бойко начал Роман, но тут же замер в дверях: – Ты уже встала?

– Да, Ром, доброе утро. По ощущениям я совершенно здорова, – ответила Пятницкая, поправляя складки покрывала на уже застеленной кровати.

– По виду тоже, – оценивающе посмотрел Климов. – Обычная, да необычная, – задумчиво отметил он. – Завтра-

кать будешь?

– Буду. А ты чего хотел?

– Собственно я и хотел предложить тебе позавтракать сейчас. Через час придёт ремонтник…

– Менять сетевой кабель? Интернет барахлит?

– Да, – подтвердил Роман, глядя Вике прямо в глаза.

– Мне кажется, это дом с привидениями. Иначе я не могу объяснить, откуда я это знаю. В девять же, да?

– Да, – с удивлением подтвердил Климов. – Как говорил Нильс Бор: «Ваша идея, конечно, безумна. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться верной». Это я про приведения. Ты будешь чай или кофе?

– Кофе с молоком.

– Прекрасное начало утра. А в десять придёт один молодой человек – Стас, мы беседуем с ним о физике. Он учится тут в университете. Заодно присматриваю за парнишкой по просьбе родителей, которые порой мотаются в Россию по делам. У него хроническая болезнь. Думал пока не знакомить вас, раз ты болеешь. На всякий случай.

– Я найду, чем заняться, пока тут будет Стас. Не переживай.

На счастье Пятницкой, у Климова оказался капучинатор. Вика отхлебнула кофе, молочная пенка коснулась нёба, и во рту стали лопаться воздушные пузырьки. Сразу вспомнилось, каково это – пить кофе для наслаждения, а не с целью

взбодриться. И это было величайшее утреннее открытие.

– Смотрю на тебя и удивляюсь: ты здорова. Ещё вчера это казалось невозможным.

– Я пошла на сделку с собой. Согласилась выполнить ряд условий, чтобы выздороветь.

– Интересно!

– Можно я поживу у тебя неделю? – немного волнуясь, попросила Пятницкая.

– Оставайся сколько нужно, я не испытываю стеснения по этому поводу.

– Одно из условий – быть пока здесь. Когда буду знать ответ на вопрос «зачем?» – расскажу. Может, для того чтобы понять, почему в этом доме я пару раз слышала чей-то голос.

– Получается, так ты узнала про ремонт сетевого кабеля?

– Так. Проверяешь, не сумасшедшая ли я?

– Что-то типа того, – покивал Роман.

– Сейчас поем и пойду встречусь с одним человеком. Заодно тебе не нужно будет переживать, что Стас от меня подхватит простуду.

– Я уже не волнуюсь по этому поводу. Ты точно здорова. Когда вернёшься? Около шести на ужин придут Елизавета с мужем и сыном.

– Прийти пораньше тебе помочь?

– Приходи не позднее пяти. Будем есть раклет и пить вино. Чтобы не утруждать себя готовкой.

– Хорошо.

Пятницкая вышла за калитку. Подмечая, что она именно чёрная. Перешла узкую бетонную дорожку и спустилась по небольшой каменной лесенке на серый песок у озера. Тёплый ветер приятно раздувал кудри, все облака с небосклона он уже разогнал.

Вика позвонила Смолину:

– Привет, я могу с тобой сегодня встретиться. Суббота. Тебе же не нужно на работу?

– Привет! Не нужно. Где и когда?

– Не знаю где. Я сейчас у озера. Могу подойти к парому. Буду там через полчаса, не раньше.

– Хорошо, я тоже там буду.

***

Было солнечно. Это выгодно отличало Лозанну от Москвы. На набережной прогуливались парочки, фланировали мамы с колясками и детьми, мелькали бегуны. Трава уже стала насыщенно-зелёной, а некоторые деревья радовали белыми и розовыми цветами. Пейзаж настолько умиротворял, что Вика спокойно шла на встречу с Алексеем.

Он подсел к ней на лавочку.

– Здесь недалеко хорошие ресторанчики при отелях. Пой-

дём?

– На улице так прекрасно, давай поговорим здесь.

– Там есть столики на улице.

– Я только что позавтракала. Ты хочешь есть?

– Нет, не хочу.

– Тогда нет смысла идти в кафе. Здесь тоже удобно и красиво.

Смолин замолчал.

– Ты соврал, что вы с Леной больше не вместе?

– Я импровизировал. Боялся тебя потерять. Неудачная попытка.

– Давай уже перестанем пытаться. Кроме боли, это ничего никому не приносит.

– Я тебя люблю.

– Я не уверена, что это любовь, Лёш. Я к тебе очень хорошо отношусь, нам может быть весело вместе и всегда есть что обсудить. С тобой умопомрачительный секс. Только это всё равно не любовь. Где есть любовь, нет места для лжи.

– Виктор тоже тебе врал.

– Лишь однажды. И больше никогда. С тобой иначе.

– Я тоже всё осознал. И готов исправить ситуацию.

– Это замечательно, только я сейчас предельно откровенна с тобой. Я тебя не люблю. У меня к тебе тёплые, нежные, но совсем другие чувства. Я до сих пор люблю Виктора.

– Ты всегда его будешь любить. Я готов это принять. Примет ли это кто-то ещё?

– Ты снова пытаешься меня убедить, понимаешь? Это не про любовь. Когда она есть, не нужно убеждать, хочется быть с человеком вопреки всему.

– Проблемы будут, не рисуй себе идиллических картин.

– Согласна, будут. Но мне захочется их решать, чтобы быть с человеком. А сейчас мне не хочется. Я готова быть одна.

– Я не понимаю тебя.

– И к этому я тоже готова.

– Что у тебя с Климовым?

– Ничего, хоть это к теме нашего разговора не имеет никакого отношения. Ты ищешь внешнего врага, Лёш. А его нет. Я знаю, как может быть, и на меньшее уже не согласна.

– Вика, Виктор умер. Вернись в реальность.

– Я это понимаю как никогда. Я прожила свою скорбь. Да, Витя уникален. И да, его больше никогда не будет в моей жизни. У меня осталась только память. При этом, в том числе благодаря тебе, ко мне пришло осознание, что я могу испытывать радость с кем-то ещё. Я имею право быть счастливой. Даже без Виктора.

– Так давай я сделаю тебя счастливой!

– Лёша, счастье рождается внутри. Оно не приходит извне. С тобой не так. Я правда не знаю, как это ещё объяснить.

– Не объясняй. Просто не гони меня…

Вике показалось, что в его левом глазу заблестела слеза.

Он смахнул её рукой.

– Не буду. Значит, будем решать это вместе, хоть я и не знаю пока как, – обняла его Вика.

– Я поговорю с Леной, даже если мы больше никогда не будем вместе как пара.

– Спасибо.

– Ты спешишь?

– Нет. До четырёх я свободна.

– Прогуляемся?

– Давай. Только сначала сфотографируй меня на фоне озера. Здесь так красиво! – Вика вскочила, на ходу передавая Алексею телефон.

Тот начал было тянуться за ним, а потом резко дёрнул Пятницкую за руку, усаживая к себе на колени.

– Берегись! – только и успел крикнуть он.

Мимо пронёсся велосипедист.

– Ты чуть не попала под колёса.

– Спасибо, – выдохнула Виктория и поднялась. – С кем не бывает… – махнула она рукой.

– Мне понравилось, – лукаво добавил Смолин.

– Кажется, кто-то сейчас пойдёт гулять один.

– Какие мы нежные…

– Ну тебя! – фыркнула Виктория. – Пойдём уже.

И они зашагали по набережной.

Глава 7

– Ты даже раньше. Голодная?

– Нет, – покачала головой Виктория, заходя в гостиную на первом этаже белого дома.

– Помирилась со своим мужчиной? – рассматривая её, спросил Роман.

– Поговорили. Останемся друзьями. И мне по душе такой исход.

– А глаза-то сияют.

– Потому что отпустило, – отмахнулась Пятницкая и расположилась на диване напротив Климова.

Тот сидел в кресле.

– Почему тебе нравится быть одной?

– Я больше двух лет как вдова. И у меня был очень хороший муж.

– Соболезную.

– Спасибо. А ты почему один?

– Поздно понял, что моей бывшей жене нужна была семья, а не я.

– Как это?

– Она хотела замуж, семью и детей. Я же появился в нужный момент и в нужное время. Когда дети подросли, стало слишком очевидно, что любви нет.

– Как же привязанность, общие ценности? Сколько вы прожили вместе?

– Чуть больше двадцати лет.

– А чувства? Теоретически страсть должна была трансформироваться… хм, – задумалась Вика, подбирая слова, – в любовь? Истинную любовь?

– Нечему было трансформироваться. Она не любила. Я потух. Так бывает. Ты до сих пор одна, значит, тоже понимаешь ценность чувств в отношениях.

– И ты всё это время был один? Тебе пятьдесят семь. Двадцать лет был в браке. Даже если предположить, что ты женился в двадцать пять, то ты должен быть лет десять как свободен.

– Свободен, – с задумчивой улыбкой произнёс Климов и, чуть помолчав, пояснил: – Она испугалась переезжать из России в Швейцарию.

– Тоже не любила? – нахмурилась Пятницкая.

– Она испугалась всё изменить, а потом стало поздно. Вышла замуж за другого и родила. Так тоже бывает.

– Как-то стало грустно. Захотелось вина ещё до прихода гостей.

– Ты же моя гостья? Значит, уже можно. Пойду принесу. Красное?

– Да.

– Ты пока достань бокалы из серванта. Любые на твой вкус.

Зазвонил видеодомофон. Климов открыл дверь, ничего не спросив, и проследовал за вином на кухню.

– Как хорошо меня здесь встречают – с вином! Привет, дружище! – услышала Пятницкая знакомый мужской голос.

Этого человека она никак не ожидала здесь увидеть, поэтому застыла у серванта, не решаясь взять третий бокал.

– Давай я останусь у тебя сегодня, всё равно рано не разойдёмся. А завтра махнём с тобой кататься на лыжах. Я поэтому и приехал на две недели раньше. Посмотрел, что снег ещё лежит в горах. И только на следующей неделе грозят, что будет аномальное потепление. Что тут за брошюра? Про какие-то модели мышления. «Рассмотрены варианты физических теорий с отсутствием абсолютного времени и с наличием дополнительных миров». Н-да-а-а…

Пятницкая не выдержала и развернулась к мужчинам, гремя тремя бокалами.

– Это мы со Стасом обсуждаем, – пояснил Климов. – Вы лучше познакомьтесь: это Виктория, а это Иван… – начал было он.

– Да ладно! – прервал его Михайлов. – Вика! Не ожидал, но рад невероятно.

Иван поднялся и пошёл обнимать Викторию.

– Как ты? Я по твоему совету почти выпал из московской жизни. Ты не звонила – значит, всё хорошо?

– Давай всё потом расскажу, мы тут решили с Ромой выпить вина. Начнём лучше с приятного.

– Добро!

***

Для раклета нужны правильный сыр с одноимённым названием, пара банок корнишонов с маринованным лучком и мелкая картошка в мундире. Теперь-то Пятницкая это знала.

На середину кухонного стола Климов водрузил раклетницу: большой прямоугольный электрический гриль, который сверху и снизу плавил сыр на индивидуальных мини-сковородках. В правильный момент, который Виктория никак не могла уловить, чем забавляла остальных, нужно было быстро достать сковородочку, специальной лопаткой соскоблить с неё расплавившийся сыр на тарелку, где уже лежал гарнир: картошка, лук да маринованные огурчики, – и спешно съесть всё это, пока сыр не затвердел. Можно было посыпать всё это специями, только Вика и так не успевала. В итоге после второй сковородочки она решила передохнуть, выпить спокойно вина и понаблюдать за мастерством сотрапезников.

Елизавета добавляла к гарниру кусочки белого хлеба, а лук не ела. Иван макал в расплавленный сыр маленькие колбаски, найденные у Романа в холодильнике. А муж Лизы Сергей пил пиво вместо вина. Алекс в это время видел второй дневной сон в коляске на открытой веранде. Вечер начи-

нался хорошо, раскрашивая закатными красками гладь озёра Леман.

– Как Вера? – спросила Лиза.

– Она прекрасно. Это я скучаю. Вера на Гоа. В очередном своём йога-ретрите. Вернётся через три недели. Кормилица наша, – засмеялся Иван. – Никогда бы не подумал, что можно нормально зарабатывать на обучении йогой. А приезжайте к нам в конце апреля на недельку? Что скажешь, Сергей?

– Если начальник отпустит, – покивал муж Елизаветы.

– Ро-о-ом? – протянул Иван.

– Обсудим по датам. Не скажу навскидку. Есть вопросы, которые стоит решить до мая.

– Вы вместе работаете? – уточнила Пятницкая.

– Да, – одновременно подтвердили Сергей и Роман.

– А вы друг друга давно знаете? – обратилась Виктория уже к Ивану и Роману.

– Тебя ещё не было, – непривычно тепло сказал Михайлов. – Этот молодой да ранний физику мне преподавал.

– Недолго. Ваня быстро одумался и понял, что физтех ему ни к чему. И переехал в Москву экономику изучать.

– Земляки мы. Оба из Новосиба. Сначала не ладили, а потом поговорили по-мужски – и вот до сих пор всё разговариваем порой. Давайте выпьем за дружбу! Как бы ещё мы все здесь собрались?

Под звон чокающихся бокалов проснулся Алекс. Елиза-

вета и Сергей пошли с ним гулять и решили потом не возвращаться. Остальные переместились в гостиную.

– Помнишь, мы обсуждали с тобой тему неслучайных случайностей? – обратился к Виктории Роман. Он как обычно сидел в своём кресле, а Вика на диване – с той же стороны, что и прежде. – Я знал Ивана и Елизавету. Ты их тоже знала. Так что наше знакомство вполне закономерно.

– Но при этом наша встреча с Ваней – чистая случайность. Мы познакомились в кинотеатре. А могли бы и не познакомиться. Я тогда ещё была с мужем.

– Если мы не видим и не ощущаем силу притяжения, то это ещё не значит, что её нет. Я вполне допускаю наличие сил, которые люди для себя ещё не открыли. Ты знала, что математические системы с хаотическим поведением – детерминированные, то есть они подчиняются некоему строгому закону и в этом смысле являются упорядоченными. Вместе с тем, когда мы что-то вычисляем, мы используем параметр с некоей точностью, и чем масштабнее и сложнее вычисления, тем больше погрешность. Поэтому мы и получаем хаотические явления, ведь для нас хаос – это то, что мы не можем просчитать.

– То есть как «ещё была с мужем»? – вдруг опомнился Михайлов. – Не понял твою формулировку. Вы расстались?

– Он погиб два года назад.

Михайлов отставил бокал и откашлялся. Его взгляд испепелял Вику.

– Вас оставить вдвоём? – тактично спросил Климов.

– Нет. Мы лучше прогуляемся по берегу. Мне нужно подышать свежим воздухом. А Виктория составит мне компанию.

– Вик, дать тебе куртку потеплее? Вечером будет холодно у воды.

– Да, Ром, и шапку можно.

– Вань, это же она? – вдруг в дверях спросил Климов.

– Она, – сухо бросил Михайлов.

– Не, друзья, я так не играю. Почему вдруг я – это она? Мне кто-нибудь объяснит?

Но Климов не отреагировал на её вопрос и в задумчивости пошёл наверх, а Михайлов вышел, так что Пятницкой уже ничего не оставалось, как догонять Ивана.

***

– Ты чего молчишь?

– Дышу воздухом.

– Я уже начала замерзать.

– Не придумывай. У тебя куртка тёплая.

– И короткая. Пойдём обратно.

– Твой муж умер. Что ещё произошло, пока мы не общались? – вдруг остановившись, спросил Иван, стараясь не

смотреть на Викторию.

Он спустился с бетонной дорожки на небольшой песчаный берег внизу. Зачерпнул горсть мелких камней на линии прибоя и начал бросать их в озеро.

– Я ушла из банка. Сейчас без работы. Потеряла дар. Вроде всё.

Михайлов набрал ещё голышей.

– Ты снова молчишь.

– Считаю выдохи, чтобы не ругаться матом.

– Пойдём, посчитаешь в доме.

– Хочешь прилюдной порки?

– Хочу, чтобы ты по-дружески принял эту информацию. Вот и всё.

– А я друг?

– Чувствую подвох в вопросе.

– Если я друг, почему ты мне не позвонила? Я никогда не обладал даром предвидения. Откуда я мог знать, что у тебя случилось? Не звонишь, не пишешь – значит, всё хорошо.

Теперь замолчала Вика. Михайлов был прав. Это она закрылась в своём горе и отвернулась от друзей. От Маши тоже.

– Мы с Романом можем годами не переписываться и не созваниваться, но если что-что происходит, то мы обязательно на связи. Это и есть дружба для меня. А не поздравлять друг друга с праздниками.

– Извини, – прошептала Вика.

Она похлопала Ивана по плечу, тоже набрала камней и начала бросать их в Леман.

– Теперь понятно, почему ты седая. А почему с работы ушла?

– Как-то однажды проснулась и поняла, что всё, больше ничего не могу. Поначалу наоборот: бралась за все проекты, за любые дела, чтобы не думать о Викторе. В воскресенье выходила на работу. А когда закрыла ипотеку, что-то резко внутри изменилось. Я потеряла смысл. Чувствовала себя совсем чужой среди коллег. Ушла. Через пару месяцев поняла, что совершила ошибку. Стало совсем невыносимо и от самой себя, и от мыслей о Викторе.

– Почему не вернулась?

– Странно ушла. Мы с Николаем даже не попрощались и до сих пор не общаемся. Не нашла сил позвонить.

– Ты слишком много замкнула на себе, а потом сдалась. Могу его понять.

– Единственное, что мне хотелось тогда, – исчезнуть. Не умереть, а именно исчезнуть. И я исчезла. Отключила телефон. Перестала со всеми общаться. Читать новости.

– Помогло?

– Нет. Тот случай, когда думаешь, что уже достигла дна, но падаешь всё ниже и ниже. И, чтобы не чувствовать боли, я начала пить.

– Смотрю, поборола это пристрастие?

– Да, почти. Перестала чувствовать эффект. Что так пло-

хо, что этак, но от алкоголя ещё и тошнит. Выпиваю пару бокалов вина, чтобы уснуть.

– Попрошу Веру, пусть тебе из Индии травяной чай привезёт. Будешь его пить перед сном. Есть у них там замечательный сбор, успокаивает. На себе проверил.

– А ты что, переживал?

– Переживал. Тяжело было принять, что большая часть людей общалась со мной только из-за статуса. Первые полгода было ещё ничего, люди думали, что я вернусь. А когда поняли, что нет, что я уже не помощник в их делах, стали игнорировать. Как-то мерзко, когда ты поздравляешь кого-то с днём рождения, а он тебе не отвечает, хотя ещё год назад неделями мог добиваться встречи с тобой. Но я считаю, мне повезло. И спасибо тебе, что тогда настояла на моём отъезде. Теперь я знаю, кто мой друг, а кто нет. Это ценно. И бизнес мой стал процветать. Я начал больше доверять тем, кто со мной остался работать, а они стали делать это эффективнее. Ладно, давай решать твои проблемы, у меня-то их нет: жив, здоров, прекрасная жена, доходный бизнес, да ещё радуюсь испанскому солнцу. Москву-то солнце не часто балует визитами. Так чем тебе помочь?

– Не знаю, – пожала плечами Пятницкая. – Нет, всё же знаю. Пойдём обратно. Я замёрзла.

– Идём, – согласился Иван и протянул ей руку, чтобы помочь переступить с песка на дорожку.

Пятницкая сделала ответное движение навстречу, но тут

же оступилась и начала падать. Михайлов мгновенно отреагировал и поймал её. Голова Вики зависла в двадцати сантиметрах от большого булыжника, одиноко лежащего на песке.

Иван тяжело выдохнул, помог Виктории подняться и, промолчав про камень, чтобы не пугать свою спутницу, сказал:

– Так чем ещё я могу тебе помочь? Я подумаю, кто у меня остался в банковской сфере и куда тебя можно пристроить.

– Я не хочу в банк. Не моё это, – отряхиваясь, сказала Вика.

– Не зря дома сидела. И что хочешь?

– Не знаю.

– По тону понимаю, что знаешь. Рассказывай.

– В детстве мечтала стать врачом. Хирургом. Но это уже поздно.

– Почему? В России нет ограничений по возрасту при поступлении в вуз.

– Мне почти тридцать. Я закончу учиться лет в тридцать семь.

– Так ты хочешь или нет?

– У меня денег нет.

– Вот я и спрашиваю: чем тебе помочь?

– Но это безумная сумма будет.

– Для тебя – да, для меня – нет. Плюс выплаты растянуты по времени. Хочешь? Поступай.

– Мне нужно всё это переварить. Я нахожусь в шоковом состоянии.

– Не только же тебе людей удивлять.

– Дай мне пару дней, и я отвечу.

– Добро! А знаешь, я ведь не просто так приехал пораньше с Романом повидаться. Лиза позвонила, сказала, что тебя встретила и что у тебя что-то случилось.

– Спасибо Лизе. И спасибо, что приехал. Мне как-то легче на душе стало. Рада, что у меня есть близкие люди.

– Вот и славно.

***

Вика в нерешительности застыла в дверях гостиной: зайти посидеть с Романом и Иваном, выпить ещё вина или пойти спать?

– Поедешь завтра с нами в горы? – спросил Климов.

Иван в этот момент попытался протиснуться между Пятницкой и дверным косяком.

– Я не катаюсь на лыжах, – ответила она, делая шаг в комнату и освобождая проход Михайлову.

– Прогуляешься, а потом вместе пообедаем на свежем воздухе.

– Ладно, – согласилась Вика, вновь пятясь назад.

– Тогда подъём в семь. И… – замешкался Климов.

– Что, Ром?

– Ты можешь исцелить Стаса? Он толковый парень, если не будущий гений. Но с его болезнью… Он может умереть в любой момент.

Пятницкая уставилась в пол, не зная, что ответить. Ей даже не хотелось спросить, что за болезнь. Тело оцепенело от внутреннего холода, бесконечная грусть разлилась по венам, сердце пропустило стук. А где-то под оцепенением пульсировала мысль: нужно бежать отсюда.

«Хотела быть обычной? Вот. Будь».

– Ром, Вика потеряла дар, – тихо сказал Иван. – Она бы с радостью, но не сможет.

– Жаль, – искренне ответил Климов. – Извини за вопрос.

– Мне тоже жаль, – выдавила из себя Вика, стараясь сохранять голос спокойным. – Доброй ночи.

– Не забудь поставить будильник на семь! – крикнул ей вдогонку Михайлов.

Вика легла в кровать. Сначала она не поняла, что не так, а потом осознала, что не чувствует расслабления в постели. Положи её сейчас на лавку, эффект был бы тот же. Мышцы затвердели, как в ожидании очередного удара.

«Очередного? – подумала Виктория. – Когда я в последний раз расслаблялась? Разве что со Смолиным. Даже алкоголь не особо способствовал этому…»

Она стала глубоко дышать, ощущая, как сильно сдавлено её горло от языка до щитовидки. По телу побежали мураш-

ки, словно показывая, что оно ещё не потеряло чувствительность. Только стало зябко, даже под одеялом. И так печально от мысли, что снова и снова она замечает у себя реакцию «сбежать». Вспомнилась череда детских садов и школ.

«Сколько их было? Три сада и две школы. Тула. Ярославль. Я всегда куда-то бежала. Или это началось не с меня? Беглянка. Ты прав, Рома, прав. Я беглянка».

Дрожь усилилась, озноб тоже. Вика решила выпить чаю, чтобы согреться. Оделась, натянув на футболку ещё и толстовку, и спустилась вниз. Горло сдавило ещё больше, не хватало воздуха. И так не хотелось говорить ни с Иваном, ни с Романом… Наверное, страх этого и сжал ей горло ещё сильнее. Она поспешила выйти во двор, захватив куртку.

Добрела до лавочки под цветущим деревом. Опустилась на неё. Небо было звёздным.

«Звёзды ведь всегда там, это мы не всегда можем их видеть, порой не готовы даже поднять голову».

Вика посмотрела вдаль на озеро. Чёрный забор в темноте казался тёмно-серым. Хлопнула входная дверь дома. Пятницкая обернулась, но никого не увидела, поэтому вновь перевела взгляд на озеро. Забор стал казаться светлее.

«Свет луны? Хотя тогда забор, наоборот, стал бы совсем чёрным. Это непроста».

Вика быстро поднялась и пошла к калитке. Вышла за ограду, которая точно была белой. Остальной пейзаж оставался неизменным: озеро, дорожка, дерево поодаль. Она резко

обернулась, чтобы проверить цвет дома. Белый.

И тут в белую калитку зашёл Виктор Поспелов.

– Стой! – закричала Пятницкая, бросаясь к белому забору, но оступилась и упала на бетонную дорожку.

– Вика! – подбежал к ней Михайлов: в футболке, штанах и гостевых тапках. – Что с тобой? Ушиблась?

Он помог ей подняться.

– Нет, наверное, – пребывая в шоке, прошептала Пятницкая.

– Почему ты кричала? Кого-то увидела?

– Своего мужа.

– Это его дух?

– Вот так же, как сейчас я вижу, что Рома выходит из чёрной калитки, я видела, как мой муж заходил в неё. Только цвет калитки был белый.

– Что это значит?

– Я не знаю. У меня же больше нет дара.

– А может, уже есть? Попробуй.

Виктория мысленно взмыла ввысь, но ничего не случилось. Перед глазами была темнота. Она попробовала ритуальную магию, вскидывая руку и обращаясь к Луне. Ничего.

– Нет, способностей нет. Но я видела Витю, впервые со дня похорон. Вань, я же не могла сойти с ума? У меня же сейчас всё нормально.

– Всё нормально, – неоднозначно произнёс Иван.

И тут Пятницкую осенило, она побежала к Климову.

– Не сошла с ума, – вдогонку усмехнулся Михайлов.

– Ром, – с непривычным напором сказала Пятницкая, – что там написано в этой книжке про другие миры?

– Дополнительные, – немного смутился Роман, вопроса он явно не ожидал.

– И что про них?

– Модель с параллельными мирами не противоречит законам физики. Значит, она имеет право на существование. А что?

– А то, что я только что видела параллельный мир. Я думаю, в этом доме портал. Это началось ещё вчера. Я слышала его голос. Там, в другом мире, мой муж жив.

– У меня нет аргументов оспаривать то, что ты видела. Я буду только рад, если ты поможешь доказать теорию дополнительных миров. Однако тот мужчина – не твой муж. Иначе как бы ему оказаться в параллельном мире?

Пятницкая оперлась на забор, закрывая лицо руками. Как же больно в который раз потерять надежду!

– В понедельник утром придёт Стас. Ему нравится беседовать про иные миры. Вам всё же стоит познакомиться. А сейчас пойдёмте в дом. Здесь прохладно. И вообще завтра рано вставать.

– Да, – отрешённо согласилась Вика.

– Может, чай? – предложил Климов, пока они шли к дому. – Мне как-то привезли хороший травяной сбор аланских монахов. Успокаивает. На ночь самое то.

– Да, – не стала возражать Вика.

– Ну и я с вами, раз здесь больше ничего другого не наливают, – усмехнулся Иван.

– Завтра катаемся. Так что и нам с тобой пора перейти на чай.

– Ох, какие же вы, физики, нудные, прям как йоги…

Глава 8

Вика проснулась раньше будильника. Только начинало светать. Она спустилась вниз, мечтая о чашке кофе.

На кухне уже сидел Климов. Он странно посмотрел на неё.

– Что? – не выдержав взгляда, спросила Пятницкая вместо пожелания доброго утра.

– Думаю, в чём ты поедешь в горы? В своей курточке и кроссовках?

– Я могу и не ехать.

Роман прищурил глаз, оценивая Викторию, поджал нижнюю губу, выдохнул и сказал:

– Пойдём. Проверим мою теорию.

Он достал из кладовки под лестницей несколько коробок и начал их распаковывать. Белая шапочка с помпоном, голубой лыжный костюм с оранжевыми лампасами на штанах. Белая флиска и синие лыжные ботинки.

– Это её? – вдруг поняла Вика.

– Да. Примеряй. Ботинки на тридцать восьмой.

– Как-то я в них не влезаю, хотя у меня тридцать восемь.

– Как же не влезаешь? Влезаешь. Тут нужны усилия и сноровка, – начал помогать ей Климов.

– Пальцы упираются. Наверное, малы.

– А если чуть присесть?

– Ну если присесть, то ничего.

– Тогда в самый раз. Ещё расходишься.

– А зачем мне ботинки? Я же не катаюсь?

– Вот и попробуешь. Я лыжи тоже возьму. И всё лучше, чем в кроссовках по талому снегу ходить.

– Талому?

– Ага. Солнце уже тёплое. К обеду снег в горах превратится в кашу. Поэтому и едем рано, чтобы покататься с утра. Но для тебя это как раз хорошо: на таком снегу меньше скорость.

– Поверю на слово.

– Жаль, шлема нет. Ладно, на первый раз пойдёт. Ты же всё равно только плугом осилишь кататься.

Вика надела штаны и куртку. Костюм был ей чуть свободен, но сидел хорошо.

– На… – проглотил чьё-то имя Михайлов, спускаясь по лестнице. – А, Вика! – наконец опознал он Пятницкую в лыжном костюме. – Тебе идёт, – закивал он. – Я даже не подумал, что тебе не в чем ехать. Будем ставить тебя на лыжи! – обрадовался он.

– Меня начинает пугать твой энтузиазм, – смутилась Пятницкая.

– Не переживай, не ты первая.

Вике было не по себе: и волнующе, и страшно – и хорошо, что так, потому что это помогало не думать о вечернем приключении с Виктором.

***

Пятницкая стояла на горном склоне и с замиранием сердца смотрела вниз. Мимо промчался Роман, не сбавляя скорости на пригорке, почти по прямой траектории.

– Тебе так ещё рано, не засматривайся, – усмехнулся Михайлов. – Я бы мчался быстрее, с моим-то весом, – мечтательно сказал он. – Не люблю я учить людей кататься плугом, потом сложно их переучивать. Какая у тебя нога опорная?

– Левая.

– Тогда поставь лыжи вправо, почти параллельно склону и лишь чуть-чуть вниз, градусов на двадцать, и катись. Надавливай ногами на правые канты лыж, то есть на правые края. Мы не катаемся на прямых лыжах. А всегда чуть давим – то левее, то правее, в соответствии с той же стороной. Ну как на роликах или коньках, если ехать под горку. Мы управляем движением корпусом и коленями. Каталась?

– Да.

– Тогда проще. Делая дуги, ты гасишь скорость и можешь управлять ею, в том числе и движением в целом.

– Под горку на роликах у меня не очень получалось ездить, больше падать.

– Здесь ты одета и снег, если что – падать не так больно.

– Это ты типа успокоил? – нервно усмехнулась Вика.

– Да, – ободряюще похлопал её по плечу Иван. – У тебя всё получится. Если что – я рядом.

Совсем близко от них какой-то лыжник сделал вираж, чтобы притормозить чуть ниже по склону. Вика от неожиданности потеряла контроль, лыжи понесли её прямиком вниз. В испуге она завалилась на бок. При этом нога её вывернулась, и острый кант правой лыжи упёрся в правый бок. Так её протащило вниз метров двадцать почти у самых синих вешек.

Когда она остановилась, виновник падения мгновенно подъехал и протянул руку:

– Are you okay?

– Лёша, какого чёрта? – узнала она голос Смолина.

– Вика? – не поверил он. – Но как?

– Могу спросить то же самое? – ехидно поинтересовалась она.

Смолин помог ей подняться. Она схватилась за правый бок, но язвить не перестала:

– Это типа ты так обо мне волнуешься, катаясь на лыжах, да?

– Вика, – обеспокоенно начал Михайлов, подъезжая к ней, – дай посмотрю!

Он задрал её куртку и стал разглядывать ушибленный бок.

– Хорошо, что канты не наточены. Костюм не порван, значит, максимум, что будет, – это синяк. Хорошо, что не от-

крытая рана.

– Больно, – скривилась Вика.

– Тогда кофе, а потом продолжим. Ресторан недалеко. Можем пройти пешком. Видишь, тут метров сто… – Михайлов махнул рукой направо. – Чуть дальше от подъёмника.

– Кофе и ещё раз кофе. Не хочу я больше вставать на лыжи.

– Я с вами, – сообщил Смолин, поднимая маску на шлем. Из кармана куртки он достал солнечные очки и надел их.

– Алексей? – усмехнулся Михайлов. – Здравствуйте!

– Да, Иван Иванович, здравствуйте! Рад вас видеть.

– Вы знакомы? – скривила лицо Пятницкая.

– Да, Иван Иванович – уважаемый клиент нашего банка, – подтвердил Смолин.

– Этот мир становится похожим на коммунальную квартиру с одной общей ванной. Я с ним тоже знакома, Вань, не удивляйся. Мы раньше даже встречались. Неудачно.

– Я бы так не сказал, – улыбнулся Алексей.

– Тсс! – огрызнулась Вика. – Мне нужен кофе. Оба молодцы, не бережёте меня. Нужны мне эти лыжи? Пусть даже и в Швейцарии! Как их снять?

– Сейчас, – подавляя смех, сказал Иван. – Давай на «ты»? И потом расскажешь о вас, – подмигнул он уже Алексею. – Давно я её такой возбуждённой не видел.

– Кофе! – потребовала Виктория, спускаясь вниз по склону. – А эти чёртовы лыжи сами несите!

Смолин и Михайлов переглянулись и засмеялись.

– Я возьму, – согласился Алексей.

– Ага, давай только я нашему другу напишу, где мы будем, и догоню.

***

– Что ты так неосторожно тормозил? – начал было Михайлов.

– Не мог и подумать, что в таком крутом костюме и без шлема стоит новичок, – пожал плечами Смолин.

– Н-да, плохо, что без шлема. Падала тут уже…

– Падала? – насторожился Лёша. – Вик, а давно это с тобой?

Пятницкая хотела отмахнуться, всё ещё дуясь, но вдруг задумалась.

– Не знаю. Тогда на набережной впервые, кажется.

Она стала подниматься, чтобы сходить в туалет, но клипса на ботинках зацепилась за лавку, и Вика полетела на пол. Её успел подхватить Климов, подходящий к столику.

– Спасибо, – испуганно поблагодарила его Пятницкая и села обратно, забыв, что хотела сделать.

– Не нужно тебе сегодня кататься, – покачал головой Иван. – Просто пей свой кофе.

– Ага, – согласилась она, шумно сглатывая.

– Я Роман, – сменил тему беседы Климов и протянул руку Смолину.

– Алексей, – представился тот, отвечая на рукопожатие.

– Чей вы знакомый или друг? – уточнил Роман.

– Общий, – вмешалась Пятницкая. – Мой бывший мужчина. Нынешний банкир Ивана. И все мы, такие россияне, сидим тут в Швейцарии.

– Это Франция, Порт дю Солей, – улыбнулся Климов.

– Вообще чудесно! Не удивлюсь, что и с тобой, Ром, у нас найдутся общие знакомые. Хоть телефонными книжками обменивайся, чтобы вычислить взаимосвязи.

Смолин скривился в улыбке. Михайлов же умилялся Викиному настрою.

– Я слишком давно живу в Лозанне, в которой ты впервые, так что навряд ли. И в России года три как не был. Нет уже повода.

– А здесь чем занимаетесь? – заинтересованно спросил Смолин.

– Инновациями в сфере компьютерных технологий. Я не ваш клиент, мне самому нужны инвестиции, не кредиты.

– Я не поэтому спросил, мне просто интересно. Как вам Швейцария?

– Мне – хорошо. Это уже мой дом.

– Вы сразу это поняли?

– Нет, лет через семь.

– Я год в Швейцарии. Мне нравится, но остаться навсегда я бы не хотел.

– Всё зависит от целей и смыслов вашего пребывания в стране. У меня здесь дети родились и выросли, мне интересно здесь работать и в целом нравится страна. Я могу спокойно видеть и положительные, и отрицательные стороны швейцарской действительности, не сравнивая их с российской.

– Ты совсем не скучаешь по России? – удивилась Вика.

– Если ты имеешь в виду слово «скучать» в значении «грустить», то нет, так я не скучаю. Но Россия – страна, в которой я родился и вырос. И я с теплом вспоминаю Новосибирск и Академгородок.

– Но ты не ездишь навестить своих друзей? – уточнила Вика.

– Мои друзья раскиданы по всему миру, а вот в Новосибе их как раз не осталось. Ты хоть на Ивана посмотри: даже он, величайший патриот, которого я знаю, живёт сейчас в Испании.

– Это временно, – заметил Иван. – Впрочем, мне там уже вполне комфортно.

– А я не знаю, смогла бы переехать или нет, – задумалась Пятницкая.

– Такие вопросы на пустом месте не решаются, только когда есть необходимость. Тебе сейчас бесполезно об этом размышлять, – сказал Климов.

– Тогда посоветуй мне что-нибудь местное, вкусное и ка-

лорийное, чтобы я наелась и точно ни о чём не думала.

– Возьми тартифлет, – закивал Роман. – Картошка, бекон, сливки и лук, запечённые под сыром. Невероятно вкусно и сытно.

– То что надо, спасибо!

***

Вечер был теплее предыдущих. И всё же на лавочке под цветущим деревом Вика куталась в плед. Смолин подошёл и сел рядом.

– Сидишь здесь в темноте одна, почему?

– Как-то неприятно видеть, как вы все сдружились. Болтаете как закадычные друзья.

– Почему?

– Ты словно влез в мой мир без спроса. И вроде как тебя и обвинить не в чем, так как это получилось случайно, но мне всё равно неприятно.

– Почему? – вновь искренне спросил Алексей.

– Мне было спокойно в этом доме, а теперь нет. Когда я смотрю на тебя, то иногда вспоминаю о Лене и её колких сообщениях в мой адрес. Вспоминаю, как снова обманулась. Мне так хотелось верить, что я смогу стать счастливой…

– Прости, – с чувством сказал он. – Хочешь, я уйду?

– Хочу, – кивнула Вика.

Смолин не пошевелился.

– Но ведь ты не уйдёшь, – грустно отметила она.

– Я не хочу, Вик, – всё также искреннее сказал он. – Мне тоже хорошо в этом доме. И рядом с тобой. Климов – невероятный человек. Да и Михайлов. Не мог и подумать. И я снова прошу тебя: не гони меня. Я ведь совсем один здесь. И ты права: в моей карьере пауза. Я женат, но не люблю свою жену, и у нас нет взаимопонимания. Лишь миллион обид друг на друга и мои финансовые обязательства по обеспечению её и сына. Я вижу, как переношу наши с ней проблемы на отношение к нему. Это невыносимо. И я трусливо сижу в Швейцарии и ничего не решаю.

Вика молчала и думала, что она тоже трусит начинать всё сначала. И ей просто везёт, что пока всё само волшебным образом разруливается.

– Я купил билеты в Москву. Лечу в следующее воскресенье. Хочешь, полетим вместе. Я куплю тебе билет. Не беспокойся о Лене, я с ней поговорил. И настоятельно рекомендовал не трогать тебя. А ещё договорился о встрече с шефом, поговорю с ним и выясню, возможно ли моё возвращение в Москву, а если да, то на какую позицию.

– Всё же не трусишь… – констатировала Вика и отвернула лицо в сторону, чтобы Смолин не увидел слёзы в её глазах.

Дикое чувство горечи обуяло её, она снова захотела испариться.

– Тебе очень идёт новая причёска, хоть мне и нравились твои длинные волосы. Очень идёт.

Вика прикрыла на секунду глаза, а когда открыла их снова, то увидела Виктора, сидевшего рядом так же, как Смолин, только по другую руку. Поспелов внимательно смотрел на неё, словно тоже видел. Пятницкая дёрнулась от неожиданности, и морок исчез. Вика разрыдалась.

– Милая, что я опять сделал не так? – испуганно затараторил Алексей и полез обниматься.

– Не надо, Лёш. Сейчас дело не в тебе, – отстранилась Вика. – Твой эгоцентризм во всём: то ты самый крутой, то самый виноватый. Вот вообще сейчас дело не в тебе.

– Снова видела? – внезапно спросил подошедший Климов.

– Да.

– Вы о чём?

– Я вижу Виктора. Кого-то, похожего на него. И это не призрак.

Смолин молча принял эту новость, пытаясь скрыть накатившую злость, но напряжённая шея выдала его.

– Ты помнишь, что чувствовала перед тем, как увидела Виктора? Это совпадает с тем, что ты испытывала в прошлые разы?

– Да, – немного подумав, сказала Пятницкая. – Я была сильно возбуждена. Эмоции разные, но сильные во всех случаях.

– Уже хорошо, значит, мы начинаем понимать, когда к тебе приходят видения, и можно будет провести эксперимент.

– Хочешь меня разозлить или растревожить?

– Или рассмешить, – пожал плечами Роман. – Возбуждение бывает разное.

– Сексуальное тоже, – колко вставил Алексей. – Ты только здесь начала видеть Виктора или ещё где-то?

– Здесь, – машинально ответила Виктория, лишь позже осознав подтекст вопроса. – В этом доме и его окрестностях. Всё. И уже после событий, происшедших с нами.

– Ясно.

– Не особо пока ясно, – не согласился Климов. – И вообще пора нам расходиться, завтра будний день. Стас придёт в девять.

– Пора, – поддакнула Виктория.

– Так, я собрал вещи, пока вас не было, – деловито сообщил Иван, когда все вернулись в гостиную. – Забронировал отель ближе к станции метро, не хочется мне на диване вторую ночь спать. Ты, Лёш, не садись, вместе сейчас пойдём, поболтаем. А тебя, Вик, я завтра жду в одиннадцать в баре «Шато Уши», пойдём гулять, пока все работать будут.

– Где? – не поняла Вика.

– Я тебе завтра покажу на карте, – махнул рукой Роман. – Пусть идут.

– Ладно.

– Ты хочешь спать? – спросил Климов, когда они с Викой остались вдвоём.

– Нет.

– Тогда чай?

– Давай. Твой аланский.

Вика грела руки о чашку с чаем и думала, что зря злится на судьбу и Бога. Что бы ни случилось, рядом всегда оказывается человек, с которым она может обсудить разные темы и выпить вкусного чаю. Главное для неё – не закрываться в самой себе.

– Ты понимаешь свою уникальность? Что ты – катализатор различных процессов? Как только ты появляешься, мир словно оживает и трансформируется. Предчувствую, что и в моей жизни что-то изменится с твоим появлением.

– Катализаторы ускоряют реакцию, но не расходуются в процессе этой реакции.

– Ты поняла, о чём я, – довольно закивал Роман. – И ты знаешь, что можешь всегда восполнить свои ресурсы. Посмотри, где мы всё это обсуждаем, кто рядом с тобой, насколько эти люди готовы тебе помочь.

– Да, моё дно для многих было бы раем. Но я не могу себя сравнивать с другими. Тогда мне придётся отрицать свои чувства.

– Я и не предлагал тебе этого. А вот испытывать благодар-

ность за то, что есть, вполне можно.

– Как у тебя это происходит?

– У меня автоматически. Каждый вечер перед сном я напоминаю себе, что хорошего было сегодня. Тем самым перевожу внимание на плюс, а не на минус и сплю спокойнее. Это дело привычки. Попробуешь?

– А откуда ты знаешь, что я так не делаю?

– По твоему лицу. Очень оно напряжённое.

– Ты прав. Когда я вышла из самоизоляции, моими основными эмоциями стали страх и злость.

– Это нормально. Базовые чувства, запускающие процессы. Без злости человек не сможет защитить себя или добыть еду. Без страха погибнет, не соблюдая меры безопасности.

– Разве не любовь – главная энергия нашего мира?

– Любовь прекрасна. Однако она не всем доступна. А злость всем. И не всегда ты можешь любовью ответить на злость, направленную на тебя. Может, только когда твои сверхспособности вернутся к тебе. А пока ты человек, не стоит отрекаться от злости и страха. Представь, что на тебя идёт разъярённый медведь, что ты станешь делать? Любить его, или убегать, или, например, стрелять в него? И человек может быть слеп в своей ярости так, что ему будет не до твоей любви и понимания.

– Никогда не думала об этом с такой стороны. Слишком мало общалась с людьми, когда стала обычной.

– Потому и говорю с тобой об этом.

– Спасибо.

– В тебе много злости, Вик. И если научиться её использовать себе во благо и экологично, направляя туда, куда тебе нужно, то и миру будет хорошо. А пока ты своей злостью разрушаешь саму себя и становишься обессиленной.

– Я понаблюдаю за этим, – пообещала Пятницкая.

– Я рад, что ты меня услышала.

***

Виктории не спалось. Она села у окна, закутавшись в одеяло. Небо было чистым и звёздным, а луна была настолько яркой, что освещала лужайку у дома. На лавочке под деревом сидели Виктор и женщина, невероятно похожая на Пятницкую. Волосы у неё были длинные, как когда-то у Вики. Поспелов обнимал её за талию, а она положила голову ему на плечо.

У Пятницкой сдавило лёгкие. В своём окоченении она даже не могла закрыть глаза, чтобы перестать видеть то, что доставляло ей невыносимую боль. Зависть смешалась с горечью утраты, и с удвоенной силой эти чувства разогнали кровь. В висках запульсировало.

Виктор поцеловал ту другую Викторию в макушку и обернулся. Казалось, что он смотрит прямо на Пятницкую. От-

водит взгляд, а после снова смотрит. Может, просто на окно? По его лицу невозможно было что-то понять.

Вика наконец смогла выдохнуть и закрыть глаза. Она сделала ещё пару шумных вдохов и выдохов и вновь посмотрела на улицу. Пусто. Теперь кольнуло сердце. Она закрыла лицо руками и заплакала, до конца не понимая, почему именно плачет. Прямо так, обессиленная, она и уснула в кресле.

Глава 9

– Я вчера вспомнил твой рассказ про холоны, – услышала Виктория чью-то увлечённую речь, когда спускалась по лестнице. – И мне видится в этом объяснение тому, что происходит. Гипотетически, конечно.

Пятницкая остановилась, размышляя, стоит ли ей прерывать разговор своим появлением.

– Параллельные вселенные – это холоны Космоса. Ну ты понимаешь, я сейчас говорю не про физический космос, а про Космос как мироздание. Давай предположим, что вселенные, а это ведь свойственно холонам, начали разрушаться из-за того, что по каким-то причинам потеряли способность поддерживать свою деятельность и целостность. В общем, начался процесс их распада – разложения на подхолоны. И всё это размывает границы в точке распада, поэтому и происходит наложение одной вселенной на другую.

Тут Виктория всё же решилась пройти на кухню, осознавая, что без пояснений ей не понять того, что говорит человек.

– Доброе утро, – появилась в дверном проёме Пятницкая. – Меня зовут Вика. Вы, предполагаю, Стас. А кто такие холоны?

– Стас, – представился худощавый темноволосый парень

лет двадцати и вопросительно посмотрел на Романа.

– Хочешь, сам объясни. Мы здесь на «ты», Вик. А ещё мне было лень сегодня готовить, так что либо сама, либо мюсли с молоком. А кофе я сейчас сварю.

– Могу и сама, кто-то что-то хочет?

– Мы – нет, – отмахнулся Климов.

– Ну тогда и я поленюсь. Холоны важнее.

– Термин «холон» ввёл Артур Кёстлер. Так он обозначил то, что может быть целостной единицей само по себе и одновременно частью другого целого. Например, сердце в моём теле выполняет определённые функции, которые другие органы не выполняют. Это целостный орган. При этом без моего тела, без общности с ним, оно долго существовать не сможет, как и я без сердца. Я умру, тело начнёт разлагаться, то есть распадаться на частицы, на подхолоны. И из этой биомассы возродится нечто новое. Впрочем, это тоже будут холоны. Потому как всё – холоны. И атомы, и наша планета, и вселенная, являющаяся только частью Космоса. Всё состоит из холонов.

Виктория глотала горячий кофе и думала, как просто этот человек с неизлечимой болезнью говорит о смерти и небытие. И не могла понять: это первая стадия проживания горя – отрицание или последняя – принятие?

Однако и разговор был крайне любопытным.

– Получается, и в этой вселенной, и в той что-то пошло не по сценарию, дало сбой. Но почему другую вселенную вижу

только я? По твоей теории я – повреждённый холон, которому суждено исчезнуть?

– Не только ты, – наморщил лоб Климов. – И в той вселенной должно что-то идти не так. А там ты видишь Виктора. А ещё ты видишь другую вселенную только в этом доме. На территории этого дома, – поправил себя Роман. – Значит, добавляем ещё один фактор: место.

– И что по этому поводу говорят холоны? – нахмурилась Пятницкая.

– Не факт, что дело только в них, – ответил Роман. – Я вообще считаю, что более важно наблюдать и изучать сам факт взаимодействия двух вселенных. Особенно, если всё идёт к разрушению, то есть это процесс финальный. Можно не успеть его изучить, если это завершится быстро, а мы увязнем в деталях.

– Не хочешь ли ты сказать, – к Вике вдруг пришло неприятное осознание, – что я могу умереть как испорченный холон и всё прекратится?

– Да, – подтвердил Стас. – Одно из свойств холона – растворяться, если холон не выполняет свои функции.

Теперь падения уже не казались Вике невинными случайностями. Допросилась, чтобы развеяли. И это в тот момент, когда она вдруг решила вернуться к нормальной жизни.

– Будем тебя беречь и наблюдать дальше за событиями, – вздохнул Климов. – И оставим на сегодня. Это надо обдумать. Стас, твои родители когда приезжают? В среду?

– Не уверен. У них какая-то заминка в делах. Может, придётся ещё на неделю остаться. Поймут сегодня.

– Что если тогда тебе пожить у меня? Пусть на диване, но всё спокойнее. Слишком уж много ты пьёшь воды. Сушит рот?

– Да нет. Рисовым пудингом сегодня себя побаловал. Не переживай, я очень редко и чуть-чуть.

– Ладно, если что, предложение в силе.

***

«Шато Уши» оказался отелем в старом замке, подвергшемся реновации. Но Пятницкая не смогла восхититься современным интерьером в средневековых стенах, как было написано в описании на гугл-карте, потому что Иван сидел в баре на открытой веранде.

– Белое вино в одиннадцать утра? – одобрительно закивала Виктория, плюхаясь в плетёное кресло с мягкими подушками напротив Михайлова. – Прекрасная замена кофе.

Она закуталась в плед.

– Красиво здесь, – начал Иван после долгой паузы.

Вика уже успела осушить бокал вина. И он налил ей снова из небольшого кувшинчика.

Сумрачное небо и тонкий слой тумана, застеливший Ле-

ман, добавляли таинственности моменту.

– Ты посмотрела программы медвузов? Выбрала что-то?

– Два дня прошло.

Иван неодобрительно взглянул на Викторию.

– Это были выходные! – театрально возмутилась она.

– Чего ты тянешь?

– Зачем ты давишь?

– Вот и поговорили, – тихо произнёс Иван и замолчал, разглядывая бокал с вином. – В гору идти тяжело. Под горку, конечно, проще, только вот больнее, когда кубарем.

– Красивая аллегория, но сейчас я просто сижу и к тому же вместе с тобой.

– Так не бывает. Этот мир в постоянном движении. Как минимум твоё время уходит.

– Оставь маркетологам красивые слова, я не вижу смысла в безудержной гонке к неясным целям. В противовес всегда найдётся миллион цитат. Например, кто понял жизнь, тот не спешит. События могут происходить не только на физическом плане. Мы думаем, так что на ментальном плане мы вполне движемся.

– Типа философия. Вопрос: куда?

– Вот и дай мне время определить цель.

– Цель ясна. Хочешь быть врачом-хирургом – иди на лечебное дело. А после определишься с узкой специализацией. Не поймёшь за шесть лет обучения – всегда можно пройти послевузовскую подготовку ещё на кого-то.

– Ты подготовился.

– Да, смотрел цены на обучение. И я не отказываюсь от своих слов, даже если ты поступишь в МГУ.

– Дай мне неделю подумать и определиться. Заодно посмотрю, какие дисциплины нужно будет подтянуть, – сухо ответила Вика.

– Добро, – порадовался Михайлов, а потом вдруг добавил: – Я снова давлю на тебя?

– Да.

– Я переживаю за тебя. И сильно. Поэтому так получается.

Он неуклюже поднялся, подошёл к Виктории и, наклонившись, обнял её.

– Я понимаю, – по-дружески похлопала его Вика по спине, приобняв в ответ.

Иван вернулся на место. Вика смотрела на туман, всё выше и выше поднимающийся над озером.

– Я говорил вчера со Смолиным. На первый взгляд он отличный парень. Что с ним не так?

– Для тебя всё будет так.

– А для тебя?

– У него бывают проблемы с выбором. Порой никак не может определиться.

– Ну… И у тебя тоже такие проблемы.

– Он неверный.

– О, ты в этом смысле? Да, для семейной жизни не лучшая тема.

– Для семейной жизни?

– Тебе бы пошло на пользу не жить одной.

– Не знаю, что ты задумал, но я только по любви.

– До сих пор любишь Виктора?

– Угу…

– Эх, к чёрту эти разговоры! Ты знаешь, я в них не силён. Давай лучше о твоей мотивации для обучения.

– Не давай. Мы договорились, что у меня есть неделя.

– Не потеряла хватку, – улыбнулся Иван.

– Это в крови.

***

К вечеру туман рассеялся. Потеплело. Вышла яркая луна. Виктория Пятницкая с длинными волосами зашла в дом, Вика спряталась за большим столбом на веранде, словно та могла её увидеть. Поспелов остался сидеть один на лавочке под цветущим деревом.

Вдруг он резко обернулся. Вика машинально отпрянула за столб, смущаясь, что буравила его взглядом.

– Милая, – услышала она.

Все мышцы сжало от слов, сказанных не ей, и одновременно приятно заныл низ живота от ласки, вложенной в эти звуки.

– Это ты. Я знаю.

Дыхание замерло.

– Не исчезай. Я чувствую запах твоих духов, милая.

Это он! Он! В висках пульсировало, и уже не было сил остановить порыв выйти из укрытия. Витя звал именно её. Улыбка растянула щёки. Вика мяла руки, скрещённые на груди.

– Милая?

– Витя… – она вышла из-за столба. На лице застыла улыбка. В глазах – слёзы.

– Это ты, – прошептал Поспелов, почти не моргая. – Я перестал верить, что однажды увижу тебя.

– Я до сих пор не верю, – слёзы заструились из глаз Пятницкой. И так захотелось упасть в его объятия…

– Иди сюда, милая?

Она подошла, но не смогла прикоснуться.

– Мы друг для друга бестелесные.

– Всё равно. Хочу надышаться тобой, подойди ближе.

– И те духи разбились, – вздохнула Вика, подходя вплотную.

– Купила бы новые.

– Не было денег.

– Всё так плохо? – Виктор забеспокоился.

– Хорошо. Ты жив. Всё хорошо, – она вытерла слёзы.

– Жив, – улыбнулся Виктор. Хотел коснуться щеки Вики, но рука прошла сквозь неё. – Только тело не моё.

– Не отличить.

– Есть старый шрам на руке, которого не было у меня. Тот Виктор неудачно пилил брёвна.

– Это можно пережить.

– Теперь всё можно пережить. Только ты совсем седая.

– Да, милый… – Вика тоже протянула руку к его щеке, но не смогла коснуться. – Как я хочу тебя обнять…

– Витя! – послышался окрик другой Виктории.

– Вика! – тут же окликнул Пятницкую Смолин.

Вика испугалась, и её вернуло в прежний мир. Она упала на колени и закряхтела, запрокидывая голову. Не было сил сдерживать чувства. И эйфорию от того, что Виктор жив, и горечь, что он в другой вселенной, где она может быть лишь временно, бестелесно, да ещё снова этот Смолин всё испортил.

– Ты в порядке? – Алексей подбежал к ней и обнял.

Она поначалу даже не смогла найти силы, чтобы отстраниться и встать.

– Да что с тобой?! – вдруг зло зашипела Пятницкая на Смолина. – Отпусти меня.

Она оттолкнулась от его груди, но он ещё крепче обнял её, словно ребёнка, бьющегося в истерике.

– Пусти!

Он не слышал. Она оглянулась по сторонам, ища кого-нибудь, кто смог бы ей помочь. Может, на крики вышли Роман и Иван?

Они и правда вышли, только остолбенели на веранде, смотря чуть в сторону от Вики и Алексея.

Там стояли Виктория с длинными волосами и Виктор. А из дома вышел второй Климов. Романы переглянулись. Никто не решался начать разговор или движение.

Таинственная пауза заставила и Смолина ослабить хватку. Вика встала.

Длинноволосая Виктория бросила взгляд на Алексея, странно поёжилась, а после подошла к Пятницкой.

– Прости меня, – с чувством сказала она.

По телу Пятницкой заструилось бессилие. Мысли перекрыло непонимание. Она сделала глубокий выдох, на секунду закрыв глаза, чтобы собраться, а потом спросила:

– За что?

Отвечать было уже некому.

– Вы все тоже это видели?

– Да, – подтвердил Стас. – Услышал твой крик аж у себя в доме и успел на самое интересное.

Он стоял на дорожке недалеко от калитки.

– Не знаю, как вы, а я для начала хочу выпить.

– Вика! – одёрнул её Алексей.

– Не лезь! – зло бросила Пятницкая.

– Вика, – вдруг неодобрительно сказал Виктор, когда она поднималась мимо него на веранду по ступенькам.

– И ты цыц! Раньше тебя это не смущало. Злая я. Мне нужно расслабиться.

– Ты прав, мы бы подружились, – тепло сказала длинноволосая Виктория, стоящая рядом с Поспеловым, чуть прижавшись к нему.

– Не нужно тебе переставать злиться, тогда они не исчезнут, – покачал головой Роман, следом заходя в дом.

– Да, лучше я заработаю какой-нибудь инфаркт на нервной почве и помру, – огрызнулась Пятницкая.

И тут же зацепилась за ковёр на полу гостиной. Климов еле поймал её, летящую прямо головой в стеклянные дверцы серванта с бокалами.

– Я сам достану стаканы, – как можно спокойнее сказал Рома. – Лучше присядь.

– Прекрасная идея, – согласилась Пятницкая, пряча испуг, и села на диван.

Глубокий вдох и длинный-длинный выход с шипящим звуком «с». Так десять раз. Но расслабление не наступало.

– Ребят, я, конечно, ценю вашу крепкую мужскую дружбу, волшебным образом возникшую за пару дней. Но, может, вы все пойдёте по домам? Надоели мне ваши посиделки. Я бы сама ушла, но мне некуда. Или, Лёш, может, ты здесь поселишься, а я поживу одна в твоей квартире?

– Алексей, а ведь хорошая идея, – задумчиво произнёс Климов.

– Ты прав, Ром. Мы начинаем видеть вторую вселенную, когда Вика злится. Вам сейчас не видно, – продолжил Стас, – а я стою в дверях гостиной и вижу кухню. Они сейчас сидят

там и тоже разговаривают. Виктория, только с длинными волосами, ты, Ром, и какой-то мужчина.

– Это мой муж, – выдохнула Вика, закрывая глаза и откидываясь на диван.

– О, они исчезли.

– Откуда ты знаешь, что это твой Виктор? – спросил Смолин.

– Я с ним говорила, – соизволила пояснить Пятницкая.

– Появились, – улыбнулся Стас.

– Идите-ка все домой, – закатила глаза Вика.

– Алексей, ты сможешь остаться у нас на пару дней? – спросил Роман.

– А можно и я? – поспешил напомнить о себе Стас. – Ты мне утром предлагал.

– Я вам что, подопытная мышь? Не хочу я, чтобы он здесь жил.

– Ты же хочешь, чтобы мы разобрались в том, что происходит и как? – уточнил Роман.

– Милая, пойдём поговорим? – спросил Виктор, появившись в дверях.

– Пойдём, – согласилась Пятницкая, радуясь, что нашёлся повод выйти.

Вскочила, а уже потом изумилась произошедшему.

– Слышал тебя из кухни. Раз есть такая возможность, хочу ей воспользоваться. Выйдем на веранду?

– Алексей, а ты смотри на них из окна, чтобы поддержи-

вать нервное состояние у Вики, – сказал Климов.

– Ты серьёзно? – возмутилась она.

– Пока так, раз по-другому никак, – пожал плечами Климов.

– Так и я нервничать буду, – хмыкнул Смолин.

– Потерпишь, – бросил Михайлов. – Пусть люди порадуются хоть такой возможности побыть вместе.

– А мне остаться-то можно? – переспросил Стас.

– О боже, – закатила глаза Пятницкая, и они с Виктором вышли из дома.

Они присели на подвесной диван-качели на веранде. Поспелов неодобрительно посмотрел на Смолина, пялящегося на них из окна.

– Как ты?

– Да, я с ним спала. Это было дней пять назад и один раз. Он всё ещё женат, я этого не знала. Больше у меня никого не было. Я одна.

Смелость Пятницкой была напускной. Её горло сдавило, а спина округлилась, как под тяжестью груза. Поспелов уставился в пол.

– Ты же это хотел узнать? Не хочу врать, прости меня.

– Мне не за что тебя прощать. Для тебя я умер почти три года назад, – он стиснул зубы и начал разминать пальцы.

– Вы?.. – с болью выдавила из себя вопрос Виктория.

– Уже нет. Однако пробовали около двух месяцев. Мы в

хороших дружеских отношениях и на людях поддерживаем миф, что мы супружеская пара. Так оказалось проще.

– Два месяца! – не смогла сдержаться Пятницкая. – За это она просила прощения?

– Я не знаю, спроси у Виты потом сама. Зато теперь я точно знаю, что она не ты и что мне тебя никто не заменит. Никто, милая. Я до сих пор люблю тебя. У неё такая же внешность, но это второстепенно. Я люблю тебя как личность, как человека. Отдельную единицу. Блин, глупо звучит.

– Не поясняй. Я понимаю. Я тоже до сих пор люблю тебя.

Виктор с нежностью посмотрел на Вику, покусывая большой палец правой руки, словно хотел откусить несуществующие заусенцы.

– Почему ты нервничаешь?

– Ты не видишь мои мысли?

– Нет, я потеряла дар.

– Потому и нервничаю, – сказал Виктор. Он прикрыл глаза и потёр их рукой. – Ты вся седая. Что с тобой произошло?

– Вить, ты правда хочешь сейчас потратить наше время на разговоры о прошлом? Мне важнее понять, как сделать так, чтобы я смогла общаться с тобой без вот этого всего… – она показала на Алексея в окне. – Мне уже мало знать, что ты просто жив. Я, как истинная эгоистка, хочу быть с тобой.

– Получается, я тоже эгоист.

– Я не понимаю, как так случилось, что ты оказался там?

– Вита спасала своего Виктора, но случайно вернула в его

тело мой дух. Я не могу объяснить подробнее, тебе должно быть понятнее. Ты в этом разбираешься.

– Пока совсем непонятно. А где тогда его дух?

– Неизвестно. Она искала его на четвёртом плане бытия, но не нашла.

– Я тебя тоже там искала, а ты оказался в другой вселенной. Для меня вообще великое открытие, что они существуют.

– Мне думается, мы начинаем говорить о том, о чём должны говорить все вместе. И Ромку надо подключить, он физик.

– Наш Роман тоже физик. Ты кто там?

– Как и раньше. Тот же банк, такая же должность. Тут почти не пришлось привыкать.

– А она?

– Вита работает в больнице. Она хирург. Очень много работает. Минимум по две-три операции в день. Чудом удалось выбраться в отпуск. Получилось незапланированно, так что просто поехали к нашему другу Роме.

– С Климовым как вы познакомились?

– Он был женихом её лучшей подруги. Она дружила и с Машей, и с Наташей. И вот как раз Наташа должна была переехать в Швейцарию и выйти замуж за Рому. Но увы, попала в аварию со своим двоюродным братом. Оба насмерть. Это случилось сразу после моего появления.

– А в остальном как та вселенная?

– Очень похожа на нашу. Но всё равно всё иначе. Хотя я уже ассимилировался. Те мои родители даже не понимают, что я – это не я. А я всё чаще верю, что они мои родители. Не стал им говорить. Стало намного проще, когда Вита нашла способ записать мне память своего Виктора. Так в общем-то и начались наши попытки быть вместе. Только моя память о тебе оказалась сильнее.

– Ого! Какая она крутая колдунья! Вита, как ты её называешь, не применяет магию, когда лечит людей?

– Это для неё болезненная тема. Как для нас медикаменты против гомеопатии. Она считает, что проиграла эту войну и её дар мало кому нужен. Поэтому мы и уехали в Швейцарию. У неё случился срыв. Она хочет уйти из профессии. И её отправили в отпуск – отдохнуть и отбросить глупые мысли.

– Я больше не хочу говорить про неё, милый. Мне так тебя не хватало! – вдруг заплакала Вика.

– Милая, я ведь даже обнять тебя не могу, – в бессилии взмахнул руками Виктор и вдруг исчез.

Виктория зарыдала ещё сильнее.

***

Пятницкая бежала по больничному коридору, пытаясь на ходу запихнуть руку в рукав длинной куртки. Но тут с её но-

ги слетел белый шлёпок-крокс, и вместо того, чтобы поругать себя за то, что забыла переобуться в кроссовки, она подумала: «Какого чёрта я вообще бегу, если могу спасти его дистанционно? Только время потеряла».

Пятницкая привалилась к стене и взмыла на седьмой план бытия. Искупавшись там в энергии первоисточника, она мыслями устремилась обратно – только не в больницу на Шмитовском, где работала, а в одну из башен Москва-сити, где с Виктором случилась беда: балка, пробив окно, залетела в его кабинет.

Он лежал на полу недалеко от своего стола лицом вниз. Тамара сидела в дверях между приёмной и кабинетом и, качаясь, причитала: «Как же так? Где же вы все? Как же так?»

Кровь текла не только изо рта Поспелова. Вся задняя часть пиджака пропиталась ею. Не нужно было быть врачом, чтобы понять, что он умер мгновенно. Но отлетел ли дух? Он же должен быть где-то здесь, совсем недалеко. Ещё сорок дней дух может путешествовать между планами бытия. «Значит, делаю так: тело пусть оживляет божественная энергия, а я ищу дух и возвращаю его обратно». С первым действием было просто: подключившись к седьмому плану и к центру земли, Виктория замкнула на теле мужа два энергетических столба света от первоисточников.

«Милый, где ты?!» – мысленно закричала Пятницкая. Но ничего не случилось.

«Как мне тебя найти? Ты же должен быть где-то рядом?

Или это только теория? Любовь. Любовь всё побеждает. Людская или божественная? Что же мне делать, Господи? Любовь как магнит, как аркан, как лассо. Любовь. Энергия. Лассо. Кольцо. Магнит. Действуй! Ну и что, что глупо, просто действуй. Разве есть иные варианты? Нет!»

Вика вновь обдала себя из первоисточника и, как верёвку из бобины, начала тянуть из своего сердца энергию любви. На конце этой верёвки связала петлю, а потом, раскрутив лассо над головой, запустила ввысь. Первый бросок ничего не принёс. Может, лассо не долетело до четвёртого плана? Пятницкая попробовала ещё раз, вложив в бросок все свои силы. Лассо улетело дальше, чуть ли не на пятый план бытия, и – о чудо! – она его нашла. Без промедления Вика поместила дух Виктора в тело и финализировала процесс исцеления.

– Вик, плохо? – рассматривая её, спросил мужчина в белом халате.

– Моему мужу плохо. Мне нужно срочно отойти. Ненадолго. Прикроешь?

– Тебе же операцию проводить через три часа.

– Я вернусь.

– Точно?

– Если нет, заберу твоё дежурство. Ты же сегодня не оперируешь.

– Ладно, иди, прикрою.

– Спасибо.

Первым делом Виктория позвонила Тамаре:

– Он жив. Скорая приехала? Врачи?

– Нет.

– Иди к нему. Переодевай его во что угодно. У него всегда же на работе пара сменных костюмов. Есть?

– Да.

– Окровавленную одежду с глаз долой. На пол кинь салфетки или коврик. Не знаю, может, стол передвиньте, чтобы скрыть кровь, если есть. А та, что капала изо рта… Ну от неожиданности язык прикусил. В общем, ври как умеешь. Я скоро буду.

– Да. Да! Он встаёт.

– Вот и прекрасно.

Вика открыла глаза в темноте. Какой странный и познавательный сон, объясняющий, что случилось тогда… На мгновение ей показалось, что у неё вновь длинные волосы, а потом вдруг дошло, что это не её локоны, а той Виктории. Они обе вдруг совпали во сне клетка в клетку. Значит, это и её комната.

Вика вскочила и огляделась. Длинноволосая Виктория спала на кровати одна. «Всё же не вместе. Хорошо», – выдохнула Пятницкая, и морок исчез.

Только почему дух Вити был на пятом плане? Чем он такой особенный, что его забрали аж на пятый план бытия?

От мыслей улетучился сон. Пятницкая оделась и тихонечко пошла к лестнице вниз, стараясь не разбудить Романа и

Стаса – тому разрешили остаться, и он ютился на диванчике в спальне хозяина.

На диване внизу спал Смолин. Вика тихо прошмыгнула и мимо него. Она захватила из гостиной плед и вышла на веранду, чтобы покачаться на качелях и посмотреть на звёздное небо.

***

Виктор подошёл почти сразу. Вика удивилась, что видит его, хоть и не сердится в этот момент, а после осознала, что уже и сама не замечает, что злится постоянно. Сейчас она негодовала, что длинноволосая Виктория схватила не тот дух и даже разбираться не стала.

Виктор молча сел рядом. Хотел было взять её за руку, но по-прежнему не смог. Тогда он сильнее толкнул качели, и те взлетели, чуть поскрипывая.

– Сейчас Лёшу разбудим.

– Может, он тоже тогда разозлится, энергия усилится, и я смогу тебя коснуться?

Вика тихо захихикала.

– Он ведь тоже какой-то непростой. Раз постоянно оказывается рядом.

– А в вашей вселенной?

– Нет. Я там его не встречал.

– Значит, там он не занял твоё место в ГорБанке?

– Там я сам ушёл, как только поставили нового начальника. Знаешь, первое время, когда очнулся, не мог ничего понять. Казалось, что схожу с ума. И все мне врут. И это какая-то игра, которая вот-вот закончится. А она всё продолжалась и продолжалась. Чуть не ушёл с работы. Чуть не запил. Спасло, что Виту тоже нужно было поддерживать. Так ставил задачу за задачей, только чтобы не вспоминать о доме и о нас. Сначала я думал, это хорошо, а потом понял: не-е-ет. Это лишь повод не вспоминать о случившемся, не чувствовать, не проживать. Вита дико нервничала, что выдернула меня из другого мира. Начала работать на износ. До меня только через пару месяцев дошло. Пришлось заставлять её отказываться от вечных дежурств. Укладывать вовремя спать. Уговаривать есть. Ведь только кофе, кофе, кофе… Тут вы похожи. И как-то мы породнились с ней в общем горе. Стали разговаривать о чувствах и переживаниях. Она мне как сестра. А люблю я тебя. Так давно не произносил этого, что говорю чаще, чем ты.

– Я тоже тебя очень люблю, милый.

– Как Ваня? Скучаю.

– Я не знаю, милый, прости. Я провела год в одиночестве. Меня накрыло значительно позднее. И я сбежала ото всех. Потому и седая. В одиночестве горе не прожить.

– Милая… – сочувственно покачал он головой, но всё же

попросил: – Узнаешь для меня, как он? Может, фотки покажешь?

– Узнаю, но не в ближайшие пару дней, ладно? Я не в ресурсном состоянии. Душа болит, и часто хочется плакать.

– Плачь. Теперь я буду рядом. Ведь раз мы стали друг друга видеть, то это не просто так.

– Я пока не верю, хоть и хочу. У тебя там нет ребёнка?

– Нет. Я там никогда не был женат на Ольге. Она сразу вышла замуж за Петрова. И это у них родился сын Иван. И у него никогда не было проблем со здоровьем. А я сразу женился на Вите, когда она ещё училась в медицинском. Работал недалеко, ходили вместе в одну кофейню. Так и познакомились.

– Ты говоришь «я»?

– У меня его память. Я словно прожил до того случая две жизни. Только вот жизнь, где мы с тобой вместе, главнее.

– Если бы я поступила в мед, всё было бы иначе, – задумчиво произнесла Пятницкая.

– Ты разве хотела?

– Я не говорила никогда об этом. Не помнила до недавнего времени. Но да, хотела.

Виктор замялся, явно не решаясь что-то спросить, а потом задал другой вопрос:

– Ты вообще ни с кем не общалась целый год?

– Вообще, Вить. Если хочешь, иди спать. Я тут посижу. Мне сейчас не уснуть.

– Нет, не хочу. Теперь ты не одна. Я рядом.

Ей очень хотелось положить голову ему на плечо, но получилось лишь прислонить голову к подушке.

Глава 10

Пятницкая проснулась на качелях. Её голова лежала на коленях у Смолина.

– Ты не сдашься, да? – излишне тихо спросила она.

– Теперь точно нет. Я ещё больше понимаю, как ты мне нужна.

– Не я, – поднимаясь, сказала Вика. – Я всего лишь цель для тебя. Твоё долбаное эго упивается новой игрой.

– Ты не права.

– Оставь красивые слова для новых жертв.

– Ты не права.

– Ну так, возвращаясь к истокам, найди ту, которая будет права.

– Я тебя искал. Если бы я знал, где ты, ты бы не была одна этот год. Но ты ведь и от телефона избавилась. Я не мог тебя найти даже по GPS. Ни на тебя, ни на Виктора не было зарегистрировано ни одной квартиры. Родители не в курсе. Маша ничего не знает. Бывшая жена Вити Оля тоже. Как так можно было?!

– Подслушивал. Хм… Я не собираюсь перед тобой оправдываться. Между нами всё закончилось.

– Вик, он тебе сейчас нужен, – спокойно сказал Иван. – Я поговорю с Алексеем, и он просто будет рядом, не прибли-

жаясь к тебе ближе чем на метр. Идёт?

– Идёт, – сухо согласилась Вика, стиснув зубы.

Напротив стояла длинноволосая Вита: она с интересом наблюдала за происходящим, на автомате отхлёбывая из чашки горячий кофе с молоком.

– Он в душе, – ответила она на немой вопрос Пятницкой. – Давайте минут через тридцать все соберёмся в гостиной и обсудим ситуацию.

– Хорошо, – кивнула Вика, а потом язвительно добавила, глядя на Алексея: – Как раз тоже успею сходить в душ.

Он почтительно склонил голову:

– Да, сделай мне приятно. Люблю, когда у тебя мокрые волосы.

– Ваня, только ради тебя! – фыркнула Вика, уходя в дом.

***

– Лёш, скажи ей пару комплиментов, пусть они проявятся, – попросил Иван, прислонившись к серванту в гостиной.

Стас еле подавил смешок и чуть не упал с подлокотника кресла, на котором примостился возле Климова:

– Извините.

– Не надо, я и без того злая.

– Тогда где они? – не понял Михайлов.

– Идём уже! – закричал второй Роман из кухни. – Наш штаб обычно здесь, за круглым столом. Нас меньше, и мы можем себе это позволить.

– Там я твой друг? – подозрительно спросил Михайлов у второго Климова.

– Да. Как обычно торчишь в Москве, весь занятой. Приезжаешь раз в два года на выходные, чтобы напиться до беспамятства.

– А лыжи?

– Чаще не до лыж.

– Ты скажи ему, пусть побережёт себя.

– Тебе ли не знать себя. Разве услышишь? Только на смертном одре.

– Ну ты постарайся.

– Истинный управленец, – усмехнулся второй Роман и присел на подоконник.

Длинноволосая Виктория села рядом с Пятницкой на диване. Туда же плюхнулся Смолин. Поспелов присел на подлокотник дивана рядом с Викой.

– У меня практический интерес, – начал Роман. – Я учёный. И чем больше соберу данных о происходящем, тем лучше. А чего хотите вы? Вопрос больше адресован к Викам.

Длинноволосая Виктория отвела глаза в сторону, не сумев скрыть печаль.

– Я хочу быть со своим мужем, – спокойно сказала Пятницкая.

– Тогда давайте рассуждать, как это может быть в теории, – подхватил разговор второй Роман. – Получается, что дух Виктора должен оказаться в вашей вселенной. Только вот в чьём теле?

– А кто тогда останется в теле Виктора в вашей вселенной? – не понял Стас.

– Прекрасное замечание, юноша. Думаю, мне и в нашей вселенной стоит с вами подружиться по-соседски. Будет с кем беседовать за утренним кофе.

Стас довольно улыбнулся.

– Лёш, может, отдашь своё тело Виктору? – деловито предложил Иван.

– Нет! – в один голос запротестовали Вика и Смолин.

– Не буду я с ним жить, – заявила Пятницкая.

– Мне ещё развестись надо, и вообще у меня здесь сын, – возмутился Алексей.

– У меня тоже там сын остался, – заметил Виктор.

– У твоего сына и бывшей жены всё в порядке. Я с ней недавно общался, когда Вику в очередной раз искал. А вот у меня нет такого друга, кто возьмёт заботу о моих близких. Да и что я там буду делать один?

Длинноволосая Виктория согласно покивала на последние слова Алексея.

– А что если найти свежий труп и поместить туда дух Виктора? – предложил Стас.

– Звучит дико, – заметила Пятницкая.

– У любого трупа есть родственники и друзья, да и вообще прошлая жизнь, – подключилась к разговору Вита. – Нужна хорошо продуманная легенда, да и план дальнейших действий не помешает, чтобы Виктор смог вновь жениться на Вике и достичь текущего финансового положения. Или придётся ждать, когда умрёт какой-нибудь статусный банкир. Но родственников всё равно никуда не деть. Для меня же остаётся загадкой, где дух моего мужа. Возможно ли его вернуть?

– Мне кажется, он на пятом плане бытия. Когда ты бросала лассо, оно перелетело за пределы четвёртого плана. И если мой муж был там, то, может, и твой там же.

В глазах Виты застыл немой вопрос: «Откуда ты знаешь такие подробности?»

– Мы спим в одной комнате и соединились во сне, – пояснила Пятницкая. – Я тоже видела твой сон про то, как ты спасала Виктора. Ты часто его видишь?

– Чаще, чем хотелось бы.

– А что будет, если вы сейчас соединитесь? – заинтересованно спросил Стас.

– Точно подружимся, – закивал второй Роман.

– Попробуем? – вопросительно посмотрела Вита на Вику.

– Давай!

Они протянули друг к другу руки. Ладони вошли одна в другую.

– Я тебя чувствую, – удивлённо сказала Вика.

– И я. Странно так чувствую… Хочется соединиться и от-

толкнуться одновременно.

– Да.

– Так соединитесь! – скомандовал Климов.

И Вики повиновались.

– Я тебя считываю и ощущаю, – сказала длинноволосая Виктория.

– У меня так же. Это некомфортно, даже хочется разделиться, – согласилась Вика.

– Вита, ты можешь сейчас силой мысли зафиксировать себя в теле Вики? – спросил второй Климов.

– Могу, но нам явно тесно.

– И это больно, – дополнила Вика.

– А поменяться телами? – спросил Роман.

– То есть как? – не поняла Вика.

– Давай я силой мысли буду держать себя в твоём теле, а ты поддайся силе, которая нас расталкивает.

– Как-то мне страшно, Вита…

– Мне тоже, Вик.

– Ладно, давай.

Виктории вновь разделились.

– Мне тяжело держаться в теле Вики.

– Мне в целом нормально.

– Я прикладываю большие усилия, чтобы себя фиксировать. Хочется обратно в своё тело.

– А если разойтись по разным комнатам? Что тогда? – спросил Стас.

– Вик, давай выйдешь ты, мне уже и это будет тяжело.

– Конечно! – сказала Пятницкая и вышла.

– Легче, но, возможно, расстояние должно быть больше. И я всё, больше не могу.

Поспелов хотел подхватить падающую Виту в теле Виктории, но это у него не получилось. А получилось у Смолина.

– Не дёргайся. Эта женщина из нашей вселенной, – остановил его Алексей.

Вика быстро высвободилась из рук Смолина и отошла ближе к Виктору.

В дверном проёме показалась длинноволосая Виктория. Её шатало.

– Мне нужно прилечь. Я без сил.

– Я провожу тебя, – поспешил к ней Виктор.

И хотя Пятницкая понимала правильность его порыва, ей стало неприятно. И ком злости вновь подступил к горлу. Она плюхнулась на диван, тяжело выдохнув.

– Ревнуешь? – спросил Михайлов.

– Ты всё же решился на публичную порку?

– Прости, ты права. Некорректный вопрос.

– Вас нужно развести ещё дальше, – задумчиво сказал второй Роман. – Не по разным странам, конечно, но хотя бы по разным городам. Тогда, Виктория, у вас будет возможность немного побыть со своим мужем, как вы и хотели. Я подумаю, кто из моих приятелей может вас приютить или предоставить пустующий дом.

– Есть отели, зачем всё усложнять? – спросил Климов. – Там Виктор, как я понимаю, не бедствует, и они смогут выбрать красивое место для эдакого спонтанного медового месяца. А Вита поживёт у меня, чтобы ей не скучно было одной.

– Я тоже ещё поживу, ладно? – торопливо спросил Стас.

– Ладно, – с усмешкой согласился Роман.

– Хорошая идея, – тихо прошептала Вика. – Но всё же для начала нам нужно найти дух второго Виктора. Нельзя Виту оставлять в неведении. Пойду поговорю с ней.

– Ваша Виктория не целительница? – уже на лестнице донёсся до неё вопрос второго Климова.

– Нет. Она потеряла дар, – пояснил Иван.

– Интересно, – задумался второй Климов.

***

Длинноволосая Виктория лежала на кровати. Виктор сидел в кресле у окна.

– Можно? – спросила Пятницкая, заглянув в дверь.

– Да, заходи, – пригласила Вита.

Пятницкая присела на край постели.

– Давай пойдём на пятый план бытия и найдём дух твоего Виктора. Я сама не могу, потеряла дар, но ты сможешь пе-

ренести нас обоих в шаре. Ты хочешь его найти, и я хочу – объединимся и увеличим силу желания. Вызовем его душу на разговор.

– Ты смогла поговорить с душой своего Виктора?

– Нет. У меня не получилось.

– Такая же ерунда.

– Но мы не пробовали это вдвоём, от нас не убудет.

– У меня есть идея получше, – вдруг вмешался Виктор. – Полетим втроём на пятый план бытия, и я призову свою душу. Мне-то она не сможет отказать в разговоре.

– А ведь он прав! – Вита даже привстала. – Мне это и в голову не пришло.

Пятницкая удивлённо посмотрела на мужа.

– Я жил с двумя ведьмами, уже начинаю шарить в вашем деле, – усмехнулся он.

– С двумя ведьмами? – переспросила Вика.

– Я помню, милая, с волшебницами.

– Вик, мы не вместе, хоть так порой не кажется. Просто мы слишком долго делали вид, что мы супружеская пара. У тебя нет повода для ревности. Мне нужен мой мужчина, а он – точно твой.

Пятницкая шумно выдохнула и сказала:

– Мы не учли, что душа Виктора на нашем пятом плане бытия, а не на вашем. Куда нам лететь? И есть ли смысл разговаривать с твоей душой, Вить? У другого Виктора другая душа.

– Если всё взаимосвязано, а судя по вам, всё очень даже взаимосвязано, то какая разница, где искать ответ? И неважно, из какой вселенной будет это план бытия. Не получится в одном месте, будем пробовать в другом. Всего два варианта, – успокоил их Виктор. – Вита, ты когда будешь готова?

– Через пару часов.

– Тогда соберёмся здесь, – резюмировал Виктор.

– Ок, я пойду, – сухо сказала Вика.

– Вместе пойдём. А ты, Вита, отдыхай. И если что, зови. Теперь тут миллион людей, кто-нибудь точно откликнется. А может, чай принести?

– Кофе, – улыбнулась длинноволосая Виктория.

– Я за чай, – подмигнула Вика.

– Чай? – театрально удивился Виктор, когда они выходили из комнаты.

– Тебя так давно не было, милый. Я изменилась.

– Ну к таким изменениям я привыкну. Главное, чтобы любила.

– Люблю.

За тёплым разговором они и не заметили, как всхлипнула Вита, оставшаяся в одиночестве.

***

– Я держу пространство. Сделала белый шар во всю комнату. Вик, тебя там нет. Только Витя.

– Вероятно, потому что я в своей вселенной? Давай я совмещусь с тобой рукой, может, так получится?

– Да, вижу, только мне некомфортно. Тупая боль.

– Так же. Давай быстрее покинем физический мир, за его пределами уже не должно болеть.

– Пробую. Интересно, почему тогда во сне, когда мы с тобой случайно соединились, не было больно? – размышляла Вита, пока шар уносил троицу за пределы Галактики всё выше и выше.

– Во сне мы выходим из тела, поэтому не почувствовали. А я, как очнулась, сразу встала.

– Может, и так.

– Ты когда-нибудь думала, почему вспышек света много? И когда нужно на четвёртый план бытия, так и тянет нырнуть в первую попавшуюся. А что будет, если не поддаться порыву и нырнуть в другую?

– Можно попробовать в следующий раз. Хотя, кажется, до меня дошло. И если я права, то нам не придётся дополнительно путешествовать. Всё встанет на свои места уже на пятом плане бытия.

– Хочешь сохранить интригу?

– Какая интрига? Сама рассуди: вспышек множество, а золотистый слой один.

– Даже я уже догадался, – усмехнулся Виктор, – что пятый

план един для всех.

– Тогда получается, что у нас одна душа на все вселенные? – от удивления Вита замедлила движение шара.

– Не тормози, а то нас затянет на шестой план бытия. Ты же понимаешь, если изначально мы не побываем на седьмом плане, то будем в должниках у судьбы.

– Лечу я лечу, уж и удивиться нельзя. А что с тобой случилось? Как ты потеряла дар?

– Отреклась в сердцах, когда в очередной раз не нашла дух Вити на четвёртом плане. Хотя, если честно, не один раз отрекалась. Много чего думала, вот и додумалась до того, что однажды проснулась без способностей.

– Мне жаль.

– А мне то жаль, то не очень. Начинаю привыкать.

– Всё, приготовьтесь, залетаем на седьмой план бытия, и я сразу даю команду оказаться на пятом.

– Нам-то чего готовиться? Просто поддаться твоей воле, – пожал плечами Поспелов.

– Вита, ты посмотри на него, он как будто каждый день так путешествует.

– Храбрится. Я его не водила, только если ты?

– Нет. Не просил, – покачала головой Вика.

– Не отвлекайтесь, девушки, у нас великая миссия.

Все трое рассмеялись, залетая на седьмой план бытия.

***

– Я хочу облака, – сказала Вика.

И пустая белая комната сменилась синим небом, заполненным пышными облаками. Троица стояла на одном из них.

– И кресла для всех.

Тут же материализовались большие бесформенные кресла.

Вита недоумённо посмотрела на Викторию и отметила:

– Хм, а ведь четыре кресла. Значит, его душа придёт.

– Придёт, придёт, – уверил Виктор и, вскинув руки к небу, торжественно произнёс: – Душа моя, призываю тебя!

Вика с хохотом повалилась в ближайшее кресло:

– Ты бы ещё про сивку-бурку вспомнил. Мол, встань передо мной, как лист перед травой.

– Вы что втихую накурились? – всплеснула руками Вита.

– Ну это сложно, учитывая, что мы в разных вселенных. Когда мы вместе, так бывает.

– Да уж. Я и не предполагала, что он такой.

– Какой? – вдруг спросил другой Виктор, возникший рядом.

Вита от неожиданности плюхнулась в кресло. Поспелов улыбнулся, подал другому Виктору руку и тоже присел.

– Несерьёзный… – запоздало выдала длинноволосая Вик-

тория.

– Сколько серьёзности в игре в карты в три часа ночи перед защитой твоего диплома?

– Ты дух или душа? – вместо ответа спросила Вита.

– Душа, включающая дух.

Она потупила взгляд.

– Всё случилось как случилось и сейчас идёт правильно, – успокоил её другой Виктор.

– Почему твой дух оказался на пятом плане бытия? – поспешила уточнить Пятницкая.

– Таков был расчёт. Вам не нужно было встречаться. Вы бы снова ошиблись. А сейчас есть варианты, когда не ошибётесь.

– Варианты? – смутилась Вика.

– Вы же не думаете, что есть только две вселенные? – загадочно спросила душа Виктора.

– Душа одновременно проживает множество вариантов жизни одного человека, а после ещё и перерождается в другом теле? – спросил Виктор.

– Да.

– Ты – не он! – запротестовала длинноволосая Виктория.

Тогда другой Виктор подошёл, сел возле неё на корточки, взял за руки и спросил:

– Чего ты боишься? Признаться себе, что всё закончилось? Что твоё сердце открыто для новой любви? Так бывает. Давай отпустим друг друга, чтобы в текущей жизни ты

ещё раз смогла быть счастлива.

– Это невозможно.

– Не закрывайся от собственных чувств, ведь желание нового уже есть в тебе. Ты и сама это чувствуешь. Меньше всего на свете я хочу, чтобы ты страдала.

– Ты не вернёшься?

– Мне больше нет места в вашей вселенной.

– А в другой?

– И в другой. Я тоже заслужил покой.

– Я не могу…

– Позволить себе счастье – не значит обесценить былые чувства. Жить в любви – это нормально. Ненормально запрещать себе это.

Вита молча уткнулась в плечо другого Виктора.

– Оставьте нас наедине, – попросила она через некоторое время. – Это ведь возможно?

И Пятницкая с Поспеловым вдруг осознали себя в спальне на втором этаже в доме Климова.

– Как нам теперь взять и куда-то уехать? – озадаченно спросила Вика. – Он ведь к ней не вернётся. Она останется одна.

– Она и так чувствует себя одинокой. Дело не в том, уедем мы или нет. Я не заменю ей её мужа. А откажемся от своего шанса, будет плохо не только ей, но и нам.

– Это так грустно…

– Согласен.

Глава 11

Пятницкая смотрела на озеро. Роман дал ей туристический коврик, чтобы не холодно было сидеть на песке. Сегодня туман не спустился. Да и солнце куда-то подевалось. Но даже в сером цвете Леман смотрелся обворожительно.

– О, ты здесь, – буднично сказал Стас, спускаясь с дорожки на песок. – А я думаю: почему они исчезли? Вот решил сходить домой переодеться, пока ничего не происходит.

– Внутри меня сейчас очень тихо. Поэтому мы не видим вторую вселенную, – спокойно объяснила Виктория. – Так тихо, будто я долго-долго была в напряжении, а потом резко отпустило. Даже тело чуть покалывает, будто кровь возвращается в сосуды после онемения клеток, – разоткровенничалась она, сама удивляясь этому.

– Сяду? – уточнил Стас.

Вика кивнула.

– У меня было что-то похожее. Когда боль отступила. И когда я начал свыкаться с мыслью, что моя жизнь не так беспечна, как раньше, и вполне себе конечна.

– Ты про свою болезнь?

– Да.

– Что у тебя?

– Диабет и полинейропатия. Плохо, что я не чувствую, ко-

гда у меня снижается сахар. Если приступ случится ночью, то могу и не проснуться.

– Полинейропатия – это же поражение периферической нервной системы? По сути потеря чувствительности мышц ног. Что иногда сопровождается сильными болевыми симптомами.

– Да ты разбираешься в теме!

– Раньше любила почитать медицинские учебники вместо сказок на ночь.

– У меня второй вариант. С болевыми симптомами. И кстати, на органы это тоже влияет. Может, и дисфункция сердца случиться.

– Разве полинейропатия – не осложнение диабета при длительной болезни? Ты ещё так молод!

– Полинейропатия может развиваться на фоне хронической гипергликемии. А я, как говорил, скачки сахара не чувствую, вот и получилось, что сначала впал в кому, а потом уже узнал, что у меня и диабет, и полинейропатия в острой форме.

– И часто такие приступы?

– Один был полгода назад. Мне хватило. Резко пересмотрел взгляды на жизнь.

– И каков прогноз?

– А какой может быть прогноз, если диабет не лечится? Слежу за сахаром. Сижу на уколах. После приступа капали тиоктовую кислоту. Но сейчас уже не нужно, боли ушли.

Гнев волнами накатывал на Вику: она злилась, что не может помочь Стасу. И несовершенный мир казался ещё более недружелюбным. Подобные мысли были ей знакомы, и это злило ещё больше. Кажется, она забыла всё, что ей говорили ангелы и дух Тимофея.

– После случившегося я перечитал кучу литературы по этой теме. И с традиционными подходами, и нетрадиционными. И так разочаровался… Ну кто я такой, чтобы быть причиной своей болезни, которая передаётся по наследству? Я человек. У меня нет мании величия. В книгах наперебой пишут, что это болезнь от нехватки любви. Я думал о своих отношениях с родителями. Разве они меня недолюбили? Да вроде всё окей. А то, что работают много, ну а кто сейчас мало работает? Иногда конфликты были? А у кого их не бывает, особенно в подростковом возрасте? Нет девушки. Ну да, пока нет. Не встретил ещё. Вот и получается, что я – причина этой болезни в той же степени, что и причина того, что сегодня нет солнца.

– Мне жаль, что я больше не исцеляю людей.

– Мне тоже. И ведь от тебя это тоже не зависит.

– Думаю, зависит.

– Ты пуп земли? – засмеялся он.

Вика тоже усмехнулась, но немного грустно:

– Мне нравится твоя интерпретация. Она помогает избавиться от вины. А вина всегда токсична – как для разума, так и для тела.

– Вот и не будем ей упиваться. Я теперь на многое смотрю иначе. Стараюсь взять от сегодня всё, что могу. И уж точно на что я не хочу тратить время, так это на сожаления и грусть. Смотри, какое озеро сегодня красивое!

– Бесспорно!

***

В доме было непривычно пусто. Климов сидел на кухне за столом и смотрел в окно. Только мыслями он был явно не там.

– Виктор с Витой и другим мной уехали в Женеву погулять. Не дождались тебя. Хотели объяснить.

– Да и так понятно.

– Иван пошёл в отель собирать вещи. Зайдёт попрощаться ближе к вечеру, а после поедет домой. У него самолёт почти в час ночи. Говорит, есть дела, которые уже не ждут. А Стас пошёл переодеться и потерялся. Два часа уже нет. Думаю позвонить ему сейчас. Начинаю тревожиться.

– Не потерялся. Мы с ним болтали. Он только пошёл домой.

– Тогда всё в порядке. Лиза с Сашей ближе к вечеру придут. Одни. Сергея я в командировку отправил. Как раз все вместе проводим Ивана добрым ужином. Может, снова рак-

лет?

– Ром, как ты тут столько живёшь и до сих пор в форме? Я вот после раклетов и тартифлетов еле пуговку на штанах сегодня застегнула.

– А ведь точно, я тебе обещал рассказать про злость.

– А это как-то взаимосвязано?

– Ты любишь бег?

– Спокойно к нему отношусь. Раньше с Виктором бегали. Потом всё реже и реже. Сейчас уже год как перерыв.

– Давай-ка пробежим пару-тройку километров. Только поедем в парк, чтобы не убивать колени на бетонной дорожке вдоль берега.

– Хм, ты прав. Меня это предложение уже несколько напрягает и злит.

– Я вовсе не про это. Поговорим после.

– А где Лёша? Я так расслабилась, что и забыла про него.

– Поехал на работу. Вечером придёт с вещами, чтобы не ходить туда-сюда.

– То есть мне рано радоваться?

– Ты не слишком к нему строга?

– Строга? Разве ты всё про нас знаешь? У меня есть повод. И не один.

– Это конечно. Могу судить только по нашему общению. По ощущениям он хороший парень. Ну, любит тебя как умеет.

– А я его – нет. И не скрываю это. Не играю. Не вру. И

вообще считаю, что у меня есть право иметь чувства, отличные от его.

– С этим не поспоришь. И ты не переживай, я просто сказал. Никакого давления и сватовства. Это исключительно тебе решать.

***

Роман поставил машину на небольшой площадке у парка, больше похожего на негустой лес рядом с полем.

Заморосил дождик, но Климова это не остановило. Он выключил зажигание и спросил:

– Готова?

– Дождь, – смутилась Пятницкая.

– Не вспотеем, – неоднозначно сказал Роман и спокойно посмотрел на неё, ожидая ответных действий.

Голова Виктории стала похожа на жужжащий улей, переполненный мыслями от «какого чёрта?» до «чего ты испугалась?». В них не было безликой агрессии, была злость на дождь, на себя за лень и трусость и на Романа за дурацкое предложение, от которого она вовремя не отказалась. А сейчас вроде уже приехали. Вика посмотрела на свои голубые кроссовки с белоснежной подошвой как в последний раз, представляя лесные мокрые грунтовые дорожки. Взгрустну-

лось. Одежду ей было не так жалко, потому как она снова досталась ей от бывшей женщины Романа, да и стиральная машинка всё исправит. А кроссовки?

– Едем обратно?

Пятницкой вспомнились сцены и с Виктором, и с Алексеем, которые прошли под девизом: «Если хочешь, всё случится не сегодня». Но ведь это когда-то всё равно случится. Неужели она снова стала так труслива и слаба, что боится промокнуть под дождём?

– Нет, идём.

Дождь стал понемногу усиливаться. Вика натянула капюшон.

– Начинай в своём темпе, я подхвачу.

– Мне проще бежать за кем-то. Плюс я не знаю местность.

– Логично. Тогда дай знать, если буду бежать быстро. И включу погромче оповещение на часах, сколько мы пробежали, чтобы и тебе было слышно. Отсечка – полкилометра.

– Хорошо.

Первые пятьсот метров Викино тело не могло вспомнить движений, оно вообще отказывалось понимать, что происходит. Сбрасывая сопротивление, Пятницкая следовала за Климовым. Ближе к первому километру началась одышка, а дождь усилился. Холодным он не был, но заставил переключить внимание на себя: капюшон так и норовил слететь с головы. Пришлось на ходу туже завязывать верёвки и прятать их под куртку. Так промчался ещё один километр, а тело

вспомнило как дышать, поддерживая выбранный темп. На двух с половиной километрах тело стало каменеть и плохо слушаться. И лишь усилием воли Вика следовала за Климовым, который вроде и вовсе забыл о ней. Да ещё этот дождь, который залил водой ямки на дорожках! Вика то и дело заскакивала прямо в лужицы. Она уже готова была просить у Климова пощады, но тут очередная тропинка вывела их к знакомому полю, а метров через двести у леса стала проглядываться парковка с одинокой машиной Романа. На радостях у Пятницкой открылось второе дыхание: ура, эксперимент завершён!

Она облокотилась на машину и позволила себе дышать тяжело и глубоко.

– Что чувствуешь?

– Что могу свернуть горы и твою шею за эту пробежку, – улыбнулась Пятницкая. – Только вот чуть-чуть отдохну и переоденусь в сухое.

– А с какого чувства всё начиналось, помнишь?

– Со злости, – усмехнулась Вика. – Но нет, её сейчас нет. Есть прилив сил.

– Это твоё топливо, Вик. Злость – невероятная сила, особенно если её направить туда, куда нужно. Как сейчас, например. И главное – заставить себя двигаться к цели, даже если не знаешь верный маршрут.

– Начинаю понимать, спасибо.

– Вот и славно. Сейчас найду в багажнике что-нибудь нам

переодеться. Правда, там только мои вещи. Но это же лучше, чем ехать в мокром?

– Конечно. Жаль, что и кроссовки промокли…

– Тут уж извини, не помогу. Включу печку на обогрев, чтобы воздух дул вниз.

– Идёт.

***

Вечер оказался непривычно тёплым. Вика сидела с бокалом красного вина прямо на ступеньках веранды. Без куртки, закутанная лишь в плед. Алексей примостился рядом.

Роман и Елизавета играли в догонялки с Сашей.

– Ещё бокал напоследок – и в путь, – сказал Иван, присаживаясь рядом. – Что ты так смотришь?

– Нет, я не на тебя. Так, удивляюсь своим мыслям.

– Удиви и меня.

– Да нет, лезу не в своё дело.

– Теперь точно говори!

– Ага, – поддакнул Смолин.

– Только не говорите Роме, мне неудобно. Мне кажется, он как-то неоднозначно смотрит на Лизу.

– А, ты об этом… – отмахнулся Иван. – Она просто внешне очень похожа на кое-кого. А так у них ничего нет.

– На кого? На ту, которую вы не называете?

– Елизавета очень похожа на мою двоюродную сестру Наташу. И не только внешне, – неожиданно выдал Смолин. – Только Лиза старше.

Вика и Иван переглянулись. Теперь они оба были в замешательстве.

– С этого места поподробнее, – попросил Иван.

– У меня есть двоюродная сестра Наташа. Мы то очень близко общаемся, то нет. Периодами. Она встречалась с Климовым. Я это понял ещё в первый день. Видел их совместные фото. Отчасти на мне вина, что они расстались. Мне не нравилось, что у них большая разница в возрасте. Не был уверен, что это может быть серьёзно и правильно. А получилось, что я ошибся. У неё были искренние чувства, да и у него, как я теперь вижу. И в целом хороший он мужик.

– Наташа? Та, что в сиреневом платье была на моё двадцатилетие?

– Да.

Вика лишь закусила губу и нахмурила лоб.

– Так, – перешёл на деловой тон Иван. – И как дела у Наташи в замужестве?

– Она в разводе. Одна воспитывает дочь. Помогаю чем могу.

– Что говорит о Роме?

– Она вряд ли будет говорить со мной о нём. Говорю же, я был не прав.

– Ах, Лёшка-Лёшка, когда же ты исправишься? – вздохнула Виктория.

– Уже, Вик. И честно в этом признаюсь. Я готов поговорить с ней, если вдруг это будет нужно Роману.

– Ну так для начала поговори с ним, – хмыкнул Михайлов, залпом осушая бокал. – Интересно тут с вами, но я поехал. А потом мне доложишь. Номер есть. И всё, я в путь.

– Не смотри на меня так, – отмахнулся Смолин, заметив взгляд Пятницкой.

Он опустил голову и побрёл в дом.

– Вик, а что с твоим телефоном? – с вызовом спросил вернувшийся вдруг Смолин.

– Не знаю. Пару дней не доставала из сумки.

– Ну как так можно?!

– А можно перейти к сути?

– Маша звонила, нервничает. Не может с тобой связаться.

– Ага. А кто ещё тебе может позвонить с таким вопросом? – похолодела Пятницкая.

– Ты же знаешь, я всегда прекрасно общался с твоими родителями. Навещал их, пока тебя не было. Ну и с Петром мы подружились.

– С Машиным мужем?

– Да.

– И все они знают, что мы с тобой здесь и типа вместе?

– Знают.

– И им всем нормально, что ты ещё женат?

– Не переиначивай ситуацию. Они знают о моих чувствах к тебе.

– А что жене тогда не сообщил? А то всем можно знать, а ей – нет?

– Уже сообщил. И признал свою неправоту перед тобой. Так ты позвонишь Маше?

– Да. Только не сегодня.

– Разве так можно с людьми?

Пятницкая призадумалась. Как там говорят психологи? Взрослый человек – это тот, кто надевает шапку, когда холодно, невзирая на то, что об этом просит его мама.

– Я позвоню, как зарядится телефон.

– Возьми мой.

– Хорошо, – выдохнула Вика и увидела, как в белую калитку заходят Виктор, Вита и другой Роман.

Они шли прямиком к ней.

– Давайте проведём эксперимент завтра, если нет возражений, – предложил второй Климов и помахал первому.

Тот оставил изумлённую Лизу с сыном на руках и подошёл к остальным.

– Мы всё продумали, Вик. Я дам Виктору свою машину, и вы, как только ты поменяешься с Витой телами, сразу же уедете как можно дальше. Без остановок будете ехать до Теша. Там пересядете на поезд и доедете до Церматта. С отелями проблем нет, мы смотрели.

– Если ты «за», я забронирую номер прямо сейчас, – вмешался Витя.

– Конечно!

– Я соберу тебе сумку. Есть какие-то пожелания? – спросила длинноволосая Виктория.

– Нет. Просто пусть мне будет удобно. Прости, у меня с собой очень мало вещей. Всё в рюкзаке. Но если что, Роман может дать вещи своей бывшей девушки.

– Поняла. Не переживай. Мне проще, ведь никуда не нужно ехать.

– Спасибо тебе!

– Ты бы сделала то же самое.

– Наверное.

– Что? Я всё пропустил? – протараторил подбегающий Стас.

– Не пропустил, – улыбнулся Роман. – Всё будет завтра утром.

– Ну я остаюсь, как и вчера, да?

– Да.

***

Когда всеобщее возбуждение пошло на спад, Пятницкая спокойно набрала номер Маши. Да, именно сейчас ей не хотелось говорить, но подруга в этом точно не виновата.

– Привет, Маш! Алексей передал, что ты звонила. У меня сел телефон. Да и забыла я про него.

– Привет! Рада тебя слышать. Я хотела сказать, что поговорила с душой Виктора и она тебя ждёт.

– Когда тебе это удалось?

– Два дня назад. Во вторник.

Пятницкая отмотала длинную событийную ленту нескольких дней и поняла, что это произошло, когда она впервые поговорила с мужем. Ей было бы полезно знать об этом. Хотя что это она?! Ведь у неё уже нет возможности самостоятельно ходить на пятый план бытия. Это бы ничего не изменило. А впрочем, можно было и Машу попросить стать её проводником.

– Я тоже с ней говорила. Нашла человека, который отвёл меня на пятый план.

– Ох, я всё забываю, что ты потеряла дар. Если вдруг нужна будет моя помощь, то я готова. Звони в любое время.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Виктория.

– Что сказала тебе его душа?

– Это удивительная история. Нам не нужно было встречаться, и дух Вити был на пятом плане.

Пятницкая пока решила рассказать версию без параллельных вселенных, чтобы не пускаться в долгие объяснения.

– Почему?

– Мне только предстоит это узнать.

– Знаешь, мы придумали способ, как обучать всех людей путешествовать по планам бытия. Если будет желание, приходи на наши курсы. Считай, это моя личная просьба.

– Я буду иметь в виду, – вежливо сказала Вика, тяготясь этим предложением.

Стало надоедать, что все от неё чего-то хотят: то она должна срочно найти медицинский, то позвонить, то освоить былые навыки. И почему никто не спросит, готова ли она к этому? Нормально ли ей или в её море чувств ещё штормит?

– Когда ты обратно?

– Пока не знаю.

– Ладно, звони, если что.

***

Вика обнимала большущий стакан попкорна у входа в кинозал и не могла отвести глаз от Алексея. Он был невероятно

привлекателен в чёрном свитере с Горгоной на груди. И эти джинсы в обтяжку… Пятницкая опустила глаза, чувствуя, как воспламеняется от желания. Но сила притяжения оказалась сильнее, и она снова посмотрела на Смолина, нежась в своих ощущениях и одновременно стыдясь их.

– Посмотри, какой там парень чуть правее… – шепнула ей на ухо Маша.

– В чёрном?

– Не, в цветной рубашке.

– Алексей и Данила. И тот и другой – бабники. Нечего на них смотреть, – фыркнула Наташа, всплеснув руками. – И перестаньте вы на них пялиться! А то ещё подойдут.

– Ты их знаешь? – с интересом спросила Маша.

– Ага. Тот, что в чёрном, мой двоюродный брат.

Вика очнулась в постели и резко вскочила, поражаясь реальному возбуждению тела от увиденного сна.

– Чёрт! Приснится же такое… – пробубнила она, перебираясь с одеялом к окну. – Эх… Опять не высплюсь.

Глава 12

Справа и слева были горы, а между ними расстилалась широкая равнина, расчерченная ровно посредине дорогой. Пятницкая смотрела в окно авто, отвернувшись от Виктора. Её бил озноб. Не так она представляла себе это путешествие. У неё не было ощущения, что тело чужое. Не было страхов перед новой вселенной. Не возникало желания касаться мужа. И даже не находилось сил смотреть на него. Зато было невыносимое отвращение к себе самой и ко всем этим «не». Вика покрутила локон длинных тёмных волос, и из глаз полились слёзы.

Поспелов молча вёл машину, никак не реагируя на состояние Вики, но через какое-то время свернул на небольшую пустующую стоянку посреди поля.

– Поговори со мной. Поговори о том, что ты чувствуешь.

Вика ощутила рвотные позывы и попыталась выйти: она дёргала ручку, но та никак не поддавалась. Виктор спешно дотянулся до защёлки и помог открыть дверь. Пятницкая чуть не выпала из автомобиля, откашливаясь. Нагнула голову – и тошнота резко отступила. Вика закрыла глаза руками и села прямо на асфальт. Ветер раздувал её волосы. Подошёл Виктор, накинул ей на плечи куртку и присел на корточки рядом. Тогда снова вернулся озноб.

– Поговори со мной. Станет легче. Мне важно знать, что с тобой.

– Я не могу это произнести, – прошептала Вика.

– Я готов это услышать, что бы ты ни сказала.

– Я не могу…

– Тебе ли не знать, как невыносимо медленно неизвестность разрушает всё живое внутри? Поговори со мной.

– Мне противно.

– Продолжай.

– Не могу.

– Возьми меня за руку. Я рядом.

– Мне не хочется. Мне противно.

Вика начала качаться как маятник.

– Противно от твоего спокойствия. От ласки твоего голоса. Противно. Противно! – вдруг закричала она, глядя мужу прямо в глаза. – Ты меня бросил, – зашипела Пятницкая. – Оставил одну, а обещал быть рядом и защищать. Ты меня предал.

Виктор обнял её. Она стала вырываться.

– Ненавижу тебя! – закричала она и в бессилии застучала кулаками по его груди.

Он обнял её ещё сильнее.

– И ненавижу себя за эти мысли. Это всё невыносимо! – взвыла Пятницкая. – Я сдалась. Я ничто, – сказала она уже тише, а потом обмякла в руках у мужа и зарыдала, подвывая.

– Я рядом. Теперь я рядом.

– В другой вселенной?

– Мы ещё поборемся с судьбой за наше совместное будущее. Ты мне веришь?

– Нет, – вдруг усмехнулась Вика, будто протрезвев.

– Тогда ещё поненавидь меня, чтобы это прошло, а мы пока поедем. Едем, да?

– Да, – сказала Пятницкая и удивилась сама себе. – Мне стыдно, – выдавила она, скривила лицо и отвернулась.

– Я знаю, что ты чувствуешь. Но мне было проще. Я не оставался один. И ты теперь не одна.

– Я не верю.

– Не верь. Просто будь со мной и не молчи. У меня хватит сил пережить это с тобой, не волнуйся, – ответил он на испуганный взгляд Виктории и помог ей сесть в машину.

– Почему со мной так? – вздохнула она, растекаясь по креслу.

– Потому что ты нормальный человек, – ответил он и выехал на трассу. – Так бывает после тяжёлых событий.

***

В Теше Виктор и Виктория оставили машину на крытой парковке при вокзале и пересели на поезд. В вагоне они ехали одни.

– Межсезонье, – пояснил Витя. – Приятное время для путешествия в Церматт. Будет мало туристов. Хотя жаль, не все кафе будут открыты. А на склонах и вовсе закрыты.

– Вы часто ездили в Церматт?

– Да, бывало. Роман научил меня кататься на лыжах. И я втянулся.

– Почему мы пересели на поезд?

– О, ты же не знаешь. В этой деревне запрещено ездить на автомобилях. Она небольшая. Там только электромобили: такси или доставка грузов. Поэтому доехать в Церматт можно исключительно на поезде или на электромобиле.

– Сказочные места, – минут через пять сказала Вика. – Горная речушка, барашки на склонах, иногда мелькают деревянные домики. Хотя отчего-то вспоминаются ещё и инквизиторы. Тут такие зловеще-чёрные дома…

– Некоторые дома как раз времён процветания инквизиции. Здесь сохранились постройки шестнадцатого века. Это лиственница, которая почернела от времени и погоды. Эффектно выглядит.

– А эти крыши из тонких каменных плит? Как они устояли?

– Как раз под весом этих блинов дома более устойчивы.

– А эти каменные блины между сваями фундамента и домом – от мышей, что ли?

– Верно мыслишь.

– Откуда ты всё знаешь?

– Читал путеводитель от скуки. Церматт – очень маленькая деревня. Если не кататься на лыжах или не бродить по горам, быстро становится скучно. Как-то попали, что три дня валил снег, трассы были закрыты. А что ещё делать? Только болтать и читать.

Пятницкая молча рассматривала горный склон: местами он был укрыт сеткой, чтобы камни не сыпались на рельсы узкоколейки. Ей нечего было рассказать.

– Ты знала, что последнюю якобы ведьму осудили и казнили именно в Швейцарии?

– В Церматте?

– Нет. В Гларусе. Её звали Анна Гёльди. Это было в восемнадцатом веке. А в двадцать первом, спустя двести двадцать шесть лет, швейцарцы признали её жертвой судебной ошибки. Кстати, и массовые процессы по обвинению людей в колдовстве начались именно в этой стране в четырнадцатом веке.

– Печальная история. Даже жестокая и мрачная. Как и всё, что связано с инквизицией. Помнишь музей пыток в Праге? Сейчас говорю, а у самой зубы сводит.

– Не защищаю, но скажу, что там не всё ужасно было. Историки говорят об инквизиционной революции, ведь имен-

но тогда на судебных процессах появились перекрёстные допросы и наблюдения за подозреваемыми. То есть стало нужно доказать вину человека, а не его невиновность. Изначально сам подозреваемый оправдывался перед инквизицией.

– Но это не мешало им выносить обвинительные приговоры.

– Очень многое зависело от региона. И в Швейцарии тоже. Где-то и вовсе не было инквизиционных судов. И были оправдательные решения. И да, ты права, сложно не признать свою вину, будучи посаженной на стул ведьмы. А признание – царица доказательств.

– Это ты тоже всё читал от скуки?

– Нет. Пытался понять тебя и Виту.

– Получилось?

– Нет. Инквизиция – это больше про борьбу с инакомыслием в вопросах веры, про политику и козлов отпущения, а не про волшебство.

– Интересно, так же было и в нашей вселенной? А знаешь, раз уж мы всё равно говорим о неприятном в таком приятном месте, то хочу извиниться за свой эмоциональный всплеск.

– За что извиняться, Вик?

– Я такого наговорила, что внутри до сих пор трясёт.

– Милая, я не злюсь. Больше переживаю за тебя. А тебя ещё и трясёт… Теперь понятна твоя седина. В горе и отчаянии и не такое придёт в голову. А раз ты целомудренно сиде-

ла дома, значит, возникающим чувствам просто некуда было выйти. Теперь ты в безопасности, поэтому тебя ими накрывает. И я даже уверен, что это не в последний раз. Не беспокойся, я понимаю, что с тобой происходит.

– Откуда?

– Я всё же дошёл до психолога. Только в другой вселенной. Пару лет психотерапии не прошли даром и помогли принять текущее положение вещей. Тебе бы к нему походить. Интересно, в той вселенной этот человек тоже занимается психологией?

– Даже если и занимается, он может быть совсем другим, ведь я и Вита – разные.

– Да, лучше тогда к Фёдору.

– Придётся объяснять про параллельные вселенные.

– Он уже знает, что я из другого мира. Хватило одного показательного выступления Виты, чтобы Фёдор перестал подозревать у меня шизофрению.

– Удобно. Там нет запретов на подобные фокусы? Не настигнет Виту кара за самовольное применение силы?

– Она же никого не лечила. Только показала мироустройство.

– Поняла.

– Вита проще относится к своей силе. В её семье всегда можно было говорить о магии свободно.

– Повезло, – натянула улыбку Вика.

Поезд подъехал к платформе Церматта.

– Мы дойдём до отеля пешком. Здесь близко, – сказал Виктор, спуская чемоданчик по ступенькам на привокзальную площадь.

Туристов здесь встречало одинокое солнце, без свиты из облаков. Вкусный воздух будоражил сознание, хотелось улыбаться.

– Я знал, что ты оценишь это место.

– Ещё не успела, – усмехнулась Вика.

– Не, тут либо любовь с первого вздоха, либо просто очередное туристическое местечко с натёртым до блеска сурком на фонтане. Я уже вижу блеск в твоих глазах. И рад, что ты сначала попала сюда вне туристического сезона.

– Звучит так обнадеживающе… Приедем ещё?

– Без сомнений.

– В какой вселенной?

– Мне неважно. Лишь бы видеть, как сияют твои глаза.

– Это не мои глаза.

– Глаза как раз твои. Ни в чьих других я так не утопаю. Человек – не набор качеств и частей тела. Он всегда больше того, из чего состоит. Мне нравится наблюдать, какой ты бываешь разной. Теперь я знаю, что и седина тебе к лицу.

– Может, лучше закрасить?

– Хочешь – сделай. Я поддержу любой твой выбор.

– Я скучала, милый, по твоим чётким комментариям.

– Только по ним?

– Ну если ты меня всё же отведёшь в гостиницу, я инициирую ещё одну тему, по которой тоже очень скучала…

– Тогда в путь без промедлений! – скомандовал Виктор и широким жестом указал на дорогу, ведущую влево.

***

Солнце так расхрабрилось, что Вика и Виктор пошли гулять в одних толстовках. Но прогулка закончилась ровно через пять минут – они успели дойти лишь до пиццерии с итальянским названием и устроились там на веранде.

Витя так аппетитно хрустел пиццей пепперони, что Виктория отложила свою грибную и сказала:

– Я тебя люблю.

– А я тебя, – с набитым ртом поддакнул он. – Прости, я так голоден, что не могу ни о чём думать, а тем более говорить.

– Жуй, тебе идёт.

– В тебе всегда сочеталось несочетаемое, и сейчас это видится всё более отчётливо, – начал Поспелов, отхлёбывая пиво из только что принесённого бокала. – Иногда я вижу, что ты всецело умеешь наслаждаться текущим моментом, а порой кажется, что ты излишне поглощена мыслями о прошлом. Ты так и не расслабилась сейчас со мной. Словно ждёшь, что вот-вот я исчезну как сон. А я реален. Как мне

доказать тебе это?

– Я и расслабилась, и верю в твою реальность, и боюсь, что ты снова исчезнешь.

– А ещё? Чего ты боишься ещё?

Вика потупила взгляд.

– Милая…

– Боюсь снова сорваться на тебя.

– Знаешь, в чём парадокс? Если ты перестанешь отключать свои чувства, тогда настоящее для тебя будет именно сейчас, где мы вместе. Всё остальное – коллекция воспоминаний из прошлого. А будущего ещё нет. И да, я готов к твоим вспышкам гнева. Прости, что повторяюсь.

– Закажи мне тоже пива, – улыбнулась Вика. – Начнём расслабление с этого.

– Это, конечно, костыли. Хотя пока не стоит их убирать, вдруг окажутся несущей конструкцией. Подумаю, как организовать твоё общение с Фёдором. Пусть он разбирается.

– Не будет конфликта интересов? Ты к нему ходишь, и я пойду.

– Права. Может быть. Я как раз сейчас пошёл к другому психологу, потому как с Федей мы вдруг подружились. Какая ты у меня умная! Тогда найдём кого-то ещё по его совету.

– Хорошо, что мы друг друга нашли.

***

В окно номера заглядывала убывающая луна, заливая в комнату голубоватый мрак. Пятницкая лежала в объятиях мужа, страшась закрыть глаза, уснуть, а после проснуться одной в московской квартире, не понимая, какой сегодня день.

– Ты не спишь, – тихо сказал Витя.

– Нет, – грустно согласилась она.

– Мне кажется или я чувствую твой страх?

– Не кажется.

– Боишься проснуться в другом месте?

– Да.

– Что сейчас чувствует твоя кожа?

– Дрожь.

– А чувствует ли она мои объятия?

– Да.

– Ей тепло?

– Да, даже жарко. И сейчас мурашки побежали по телу.

– Не уходи в фантазии о том, что может быть, когда я касаюсь тебя. Только чувствуй, что сейчас. Есть ли давление моих рук на твою кожу? Приятно ли это?

Это было не совсем приятно, Вика отвыкла от того, что её кто-то обнимает. И ей было жарковато. Она заёрзала и приняла другую позу. Положила мужу голову на плечо, но

чуть отодвинулась от него нижней частью тела.

– Что ты чувствуешь в тех местах, которые соприкасаются с простыней? Удобен ли по жёсткости матрас?

Тут всё было в порядке. Матрас был в меру жёстким, а простыни – умеренно мягкими, без излишней шелковистости. А ещё они приятно пахли. И Витя тоже.

– Как ты ощущаешь кожей одеяло? – вернул он её из нахлынувших фантазий.

Тогда Виктория вытащила одну ногу из-под одеяла, чтобы уменьшить температуру тела.

– Слышишь ли ты стук моего сердца?

И она расслышала эти умиротворяющие звуки.

– Посмотри на окно. Как ты осознаешь его по форме и размеру?

Оно было огромным – во всю правую стену. И воспринималось светлым пятном на тёмном фоне.

– Как ты опишешь фонарь, свет которого проникает в номер?

Теперь Вика заметила, что не только луна освещает комнату. Та больше отвечала за цвет подсветки. А основную работу делал крючкообразный столб со сливовидным плафоном на конце загогулины.

Пятницкая прикрыла глаза, делая глубокий вдох и медленный выдох. И её голова плотнее прижалась к груди Виктора.

– Что сейчас с тобой, милая? Какие ощущения и осозна-

ния?

– Расслабилась и проваливаюсь в сон. Спасибо. Оказывается, я очень устала. Что ты сейчас сделал? Это немножечко напоминает чудо.

– Я помог тебе отделить сенсорные ощущения от ожиданий, которые в нашей голове, а не в текущей реальности.

– Ты мой герой, милый. Я тебя очень люблю, – из последних сил прошептала Пятницкая, окончательно переставая бороться со сном.

– А я тебя.

***

Грудь Виктора вдруг окаменела, и сосок неприятно впился в висок Вики. Она резко села и открыла глаза. Она находилась на небольшом скальном возвышении у маленького бирюзового озера, растекающегося на три ручья. Рядом шумел водопад. А очнулась она из-за малюсенького камушка, который вонзился ей в голову.

– Четвёртый план, – прошептала Вика.

Чуть в стороне что-то зашуршало. Она обернулась. Из леса вышел бобёр, по-мультяшному виляя задом. Подошёл и сел рядом. Потом появилась стройная пожилая женщина с длинными волосами по пояс. Седина убила кудри, оставив

кристально-белым волосам лишь волны. Вика сама на себе испытала этот эффект, только уничтожала его завораживающий результат, стягивая волосы в пучок. Вспомнила это и опять разбудила застаревшую боль, причиной которой был стыд за раннюю седину. Она всё ещё чувствовала свою вину от неумения проживать горе.

– Господи, какой-то замкнутый круг… Боль порождает боль. Что ж я не позволяю себе быть обычным человеком? Всё верю в свою сверхъестественность.

– Здравствуй, Вика. Рада возможности побеседовать с тобой, – заструился мягкий голос женщины.

– Привет, бабуль. Твой питомец? – кивнула Вика, указывая на бобра. – Тут кошечки не в почёте?

– Твой новый тотем.

– А что не так с медведицей? Она как-то посолиднее, – спросила Вика, взглянув на себя в гладь озера.

Оттуда ей подмигнуло отражение в обличье чёрной медведицы.

– У тебя будет два основных тотема. Хорошая идея, верно?

– Медведобобриха или бобромедведица? – пошутила Вика, приглушая своё волнение: новые тотемы не раздают просто так, значит, впереди ждут очередные приключения. – Зачем мне это?

– Бобры хорошо ладят и с водой, и с землёй. Соединение с этим тотемом добавит тебе понимание, как гармонич-

но использовать стихию воды, а значит, в сложных ситуациях принимать решения будет проще. Легче будет работать в команде. И будут силы доводить дело до конца.

– Что ты недоговариваешь? – покосилась Вика на бабушку.

Та еле заметно улыбнулась:

– Это усилит твой материнский инстинкт.

– Зачем?

– Хорошее время для рождения ребёнка.

– Ух ты! Ничего, что я немножечко вдова? Или ты подскажешь, как мне снова оказаться с живым мужем в одной вселенной?

– Скажу, что секрет в слове «отпустить».

– Как-то коробит меня от этого слова. И от необходимости вдруг рожать.

– Разве вдруг? Тебе ж не восемнадцать.

– Ну и мама меня родила лет в двадцать пять. Почему спешим? Теперь медицина на высоте, и в сорок родить можно.

– Ты боишься, я понимаю. Я тоже боялась. И твоя мама. В нашем роду должна родиться избранная – это непросто принять.

– То есть я уже не она? Уф, камень с плеч! И всё же с этого места поподробнее. А то мне мама забыла рассказать про наш славный род чародеек с героическим предназначением.

– В нашем роду родится целительница, которая изменит отношение людей к магии. У тебя и у других живых Вик-

торий из иных вселенных почти не осталось вариантов развития событий, когда кто-то из вас сможет исполнить данный замысел. Рождение девочки увеличит шансы и продолжит род. А то…

– Договаривай, раз начала, – настоятельно потребовала Виктория, когда бабушка оборвала предложение на полуслове.

– У тебя слишком часто проскакивают суицидальные мысли. Ты уже запустила программу самоуничтожения.

– Может, кто-то меня не хотел? И я всю жизнь живу с ощущением ненужности? А ещё пытаюсь доказать свою идеальность и важность. Изрядно опустошает, знаешь ли, жить с чувством, что ты какой-то уродец.

– Права, именно тебе было очень сложно. Прости свою маму. И меня.

– А тебя за что?

– Я сразу знала, что это не я избранная, а вот дочери слишком часто рассказывала красивые истории об избраннице судьбы из нашего рода. Она поверила, что у неё получится. Тоже не хотела спешить с материнством. А когда родила и начала понимать уровень твоей силы, не справляясь с её обузданием, на какое-то время и вовсе сникла.

– Поэтому она заблокировала мою память об обучении? Я училась тогда в первом классе, кажется.

– Помнишь, что ещё случилось в тот год? До этого?

– Ты умерла.

– Она не справилась с потоком чувств. Осталась без поддержки. И нашла наилучший вариант из возможных.

– Но в другой вселенной мать Виты справилась с этой задачей и не прервала обучение.

– Зато Вита не справилась с возложенной на неё ответственностью за весь род и выгорела. У вас один итог.

– А сколько нас таких Викторий?

– Всё меньше. Есть, например, и та, что не перенесла смерть мужа и тоже ушла.

– Так почему случилось некое соединение именно наших вселенных, раз их множество?

– Вы максимально похожи с Витой и близки к цели.

– Мой муж говорит, что мы совсем разные.

– Это с его точки зрения, а не с точки зрения всеобщего замысла. И да, он и должен так думать.

– Ну а ты чья бабушка – её или моя?

– Общая. Ваши вселенные образовались, когда моя дочь в одном случае решила заблокировать твою память, а в другом излишне ушла в материнство и обучение своей преемницы.

– Ты меня сейчас специально путаешь, чтобы я потеряла бдительность и бездумно согласилась на подселение этого бобра?

Тот, кажется, приветливо прошуршал хвостом.

– Это у вас, духов с четвёртого плана, фишка такая – путать живых в угоду своего замысла? Вроде как во благо рода? То есть ты не справилась, мама не справилась, а я вдруг

должна за всех ответить. Круто. Я запуталась в количестве четвёртых планов, которые ещё как-то должны быть соединены между собой, чтобы ты была и моей бабушкой, и бабушкой Виты. Про множество третьих планов даже думать не хочу.

– Это как матрёшка в матрёшке. Каждый вышестоящий план включает в себя нижестоящие. А матрёшек на одном уровне может быть множество, но не более чем на нижестоящем уровне.

– Остановись. Давай начистоту. Что хочешь за новый тотем? Я ж не сама сюда пришла через седьмой план, а по твоему приглашению. Значит, если соглашусь на бобра – останусь должна.

– Дай согласие на рождение дочери. Это единственное условие.

– Не пойдёт. Слишком высокая плата за то, о чём я не просила. Это нужно моему роду, а не мне лично. Довольно с меня жертвенных решений. У меня есть идея получше. Вот тебе волшебный камень, пробудивший меня на четвёртом плане бытия, бери – и мы в расчёте! – Пятницкая нагнулась и подняла камушек, из-за которого очнулась. – А если нет, то будь добра – оставь бобра себе. Сделки не будет. Я и сама справлюсь.

– Идёт, возьму камень, – заулыбалась бабушка. – Работа в банке пошла тебе на пользу.

– Это точно. И как мне с ним соединиться? Пойдём к ко-

стру?

– Нет. Прыгайте оба в воду, она вас соединит.

– Давай, родной, – подтолкнула Пятницкая бобра и сама тут же прыгнула в озеро.

Бирюза воды сомкнулась над ними и разошлась кругами.

Вика вынырнула через мгновение.

– А Вита? Ей тоже нужно соединиться с новым тотемом? – спросила Вика.

– Она уже здесь была и соединилась.

– И что ты у неё попросила взамен?

Пятницкая зачем-то бросила взгляд на своё отражение в воде и ужаснулась: она стала похожа на Змея Горыныча – в центре была её голова, а по бокам торчали головы медведя и бобра. От неожиданности Вика ушла под воду, а очнулась уже в постели с Виктором.

– Ну конечно, на самом интересном месте. Доверяй потом этим духам…

Пятницкая сидела у огромного окна и любовалась видом на деревенскую окраину и горы.

– Ты светишься, – хмыкнул Виктор, приоткрыв один глаз, а потом второй.

– Я отражаю свет луны. Луна отражает свет солнца. А уже оно светится.

– В этом есть какой-то сакральный смысл?

– Нет, просто факт. Ты уже думал, какие могут быть ва-

рианты, чтобы нам быть вместе?

– Нет.

Вика не на шутку удивилась.

– Если мы ставим задачу срочно решить проблему, то количество вариантов резко сокращается, если не сводится к одному решению, которое больше будет походить на рефлекторное поведение. Типа сейчас или никогда. Всё или ничего. А мы с тобой не врачи в реанимации. Нам жизнь жить. Думаю, нужно понаблюдать за ситуацией, выписать все возможные варианты. И уже после взвешивать все за и против. Да и обсуждать вместе с Витой как минимум.

– При любом раскладе вы с Витой не останетесь в одной вселенной. И может, надо думать, как тебя переместить к нам? Возможно, стоит задействовать Ивана, Алексея или даже Краснова, чтобы те поспрашивали, есть ли какие-то одинокие банкиры, которым особо нечего терять, кроме своей должности. Я не хочу, чтобы вы менялись местами с Алексеем.

– Тогда сразу вопрос. Готова ли ты к тому, что у меня будет иная внешность, пусть даже не Алексея?

Пятницкая поморщилась:

– Мне так нравится, как ты выглядишь. И твои кудри. Но я подумаю.

– Теперь понимаешь, о чём я? Нет смысла думать именно сейчас. Мало данных. Сейчас лучше поспать.

– Вот почему ты такой умный и спокойный, а я нет? По-

чему я не могу просто лечь и спать в твоих объятиях?

– Я не ты, а ты не я. А вот люблю я именно тебя. Ты ж не первый раз так сидишь в ночи и смотришь на луну, что не мешает тебе быть всё же умной и красивой. Вспомни хоть свои победы в банке. Может, с тобой посидеть?

– Нет, поспи. Пусть всё будет как обычно. Ты спишь, а я смотрю на луну и тебя.

– Завтра пойдём в горы. Не засиживайся, ладно?

– Скоро приду, – согласилась Вика, вытягивая руку.

Лунный свет, как щеночек, тут же свернулся у неё на руке в клубок.

– Её тело знает, как управлять магией. Действия столь автоматические, что я не успеваю вспомнить, что у меня в моей вселенной нет дара.

– Может, уже есть?

– Я проверяла. Нет.

– Переживаешь?

– Теперь нет.

– Тогда я всё же спать. Только перестань светиться, в глаза светит.

– Хорошо, милый.

***

Виктор и Виктория шли по горной тропе, длинными дугами петляющей по склону.

– Теперь ты рада, что я настоял на трекинговых кроссовках и не позволил тебе идти в обычных?

– До сих пор не понимаю. Ну лесная тропа наверх… и что? Мне в них жарко.

В тот же момент чуть сверху и слева пробежал какой-то мелкий зверёк, и на тропинку упали несколько камней: один шмякнулся на верхнюю часть правой кроссовки Вики, где заканчивалась шнуровка, отскочил и упал рядом. Пятницкая от неожиданности зацепилась носком другой кроссовки за торчащий посреди дороги корень дерева и, выставив руки вперёд, застыла на тропке, как бегун, приготовившийся к старту.

– Больно? – обеспокоенно спросил Виктор, спускаясь к Вике и присаживаясь рядом.

– Нет.

– А в обычной обуви было бы больно.

– Плотный носок, защита голеностопа. Я поняла. Больше не ною, что жарко.

– Чем выше будем подниматься, тем холоднее будет.

– Верю. Готова идти дальше.

– Можем не идти, это необязательно.

– Я видела в интернете фото Маттерхорна с горы, хочу посмотреть на это и в реальности, так что идём.

Виктор помог Вике встать, и они двинулись дальше, но он

то и дело оглядывался на неё.

– Вы ходили с Романом в горы? – наконец спросил он, заметив во взгляде Вики вопрос «что?».

– Только один раз. Недавно. Мы только познакомились.

– Ты уверенно и правильно идёшь по горной тропе.

– А есть секреты?

– Конечно. Чтобы ноги меньше уставали и было проще держать баланс, лучше ставить ступни не прямо, а каждый раз высматривая участок поровнее. Когда пойдём вниз, стоит спускаться на чуть согнутых в коленях ногах, чтобы уменьшить ударную нагрузку.

– Само как-то идётся, – пожала плечами Пятницкая.

– Мы с Витой периодически здесь бывали. Может, память тела?

– Может, – согласилась Вика, выходя следом за Виктором на поляну. – Летом здесь было бы чудесно при зелёной траве.

– Обернись, – вдруг сказал он, останавливаясь.

Меж расступившихся ёлок гордо возвышался пик Маттерхорна – одна из самых узнаваемых вершин Пеннинских Альп.

– Красиво! – выдохнула Пятницкая. – Шоколадку бы.

– Есть, – усмехнулся Витя. – У меня тоже такие ассоциации. А внизу виднеется деревня. Видишь?

– Точно!

– Есть забавная легенда о том, как образовался рог Маттерхорна. Много тысяч лет назад жил на свете великан Гар-

гантюа. Был он очень мощный, неуклюжий, добрый и невероятно любопытный. Однажды ему захотелось узнать, что находится за большой горной грядой в Италии. Поставил он одну ногу около Церматта в Швейцарии и уже хотел было перемахнуть через горы, да только поскользнулся на льду и рухнул. И так сильно упал, что и горы тоже обрушились. Остался лишь один горный пик между его ног, который потом назвали Маттерхорн.

– Прекрасная история под шоколад, – оценила Вика.

Лес закончился. Тропа шириной чуть более метра повела их вверх по скале. Справа был обрыв, огороженный железными кольями и натянутыми между ними стальными тросами.

– Странное чувство, что я здесь уже ходила, – сказала Вика спине Виктора. – Там дальше будет небольшая деревушка со старыми почерневшими домами.

– Есть такая. Немного не доходя до Суннегги, – подтвердил Виктор, остановившись и повернувшись к Вике. – Не сезон, там всё будет закрыто.

– Это неважно. Я про сам факт.

– Может, снова тело помнит?

– А как тело может помнить такое?

– На уровне ощущений.

– И как я интерпретирую ощущения в теле, что там впереди деревня? Не, тут больше картинки в голове.

– Ага, прошлая жизнь, – усмехнулся Витя и двинулся дальше.

– И всё же такое родное место… – тихо сказала Вика, разглядывая деревню внизу и горный пейзаж.

– Я почему-то тоже люблю это место. И первым делом всегда иду сюда, а не на озёра.

– Значит, всё же жили здесь в прошлой жизни вместе, – усмехнулась Вика.

– Не самый худший вариант, – хмыкнул Витя.

Глава 13

В воскресенье настала пора возвращаться. Надо было успеть в Лозанну до отъезда Смолина, чтобы Виктории смогли поменяться телами. В полдень Пятницкая и Поспелов уже выезжали с парковки Теша.

Вика мирно смотрела в окно на горные пейзажи. У неё было минимум два часа дороги с любимым в машине. А ещё можно было остановиться в каком-нибудь ресторанчике на обед. Спешить некуда, время до пяти у них есть.

Она прикрыла глаза и вдруг почувствовала, как её волосы раздувает ветер.

– Витя, ты открыл окно? – Вика посмотрела на мужа, но его не оказалось рядом.

Она сидела на скамейке под цветущим деревом у дома Климова. Тут же кто-то обнял её сзади и поцеловал в шею.

– Как же ты вкусно пахнешь… – с наслаждением протянул Алексей.

– Лёша, какого чёрта ты делаешь?

– Вика? – удивился тот.

– Что здесь произошло? – ошалело вытаращилась Пятницкая.

Впервые Алексей не спешил вступать в словесную перепалку, а просто с интересом рассматривал Вику.

– Что здесь произошло? – с вызовом повторила она и встряхнула волосами.

На лоб упала тёмная прядь.

– Вита покрасила мои волосы?

– Нет, – покачал головой Смолин.

Запал Вики начал ослабевать, превращаясь в горечь от резкого возвращения в родную вселенную.

– Что произошло, пока меня не было? – вновь спросила она, только уже намного тише.

– Вика?! – удивился и обрадовался ей Стас, выскочивший из дома. За ним шёл Климов. – Лёша тебе уже сказал? Вита меня исцелила. Уже сутки сахар в норме. Ем, что хочу. Завтра иду к врачу, чтобы получить его мнение о случившемся.

– Это здорово, – заставила себя улыбнуться Пятницкая.

– Она восстановила пигментацию твоих волос, – запоздало ответил Алексей.

– Что ещё? – совсем тихо спросила Вика.

– Вик, это не я. Она сама. Она первая меня поцеловала. Но я очень рад этому.

– Он говорит правду, – подтвердил Роман. – Алексей сначала старался избегать её, чуть домой не ушёл.

– Пойду подышу воздухом, – выдохнула Вика, поднимая глаза к небу, чтобы слёзы не полились по щекам.

Ей стало вдруг так невыносимо от того, что её двойник буквально за пару дней смогла изменить столько всего, а она сама успела лишь признаться мужу в своей ненависти

и немощности. Вика развернулась, стёрла слёзы и пошла к озеру.

В дверях дома появился второй Роман, показательно держа трубку телефона:

– Вита вновь в нашей вселенной. Сейчас с Виктором в машине, едут сюда. Часа через два будут.

– Да, – кивнул Климов. – К нам вернулась Вика.

– Есть понимание почему?

– Ещё не до разбирательств.

– Я побуду с ней, – сказал остальным Смолин и пошёл догонять Пятницкую.

Стас настиг их у воды. Передал им туристический коврик, чтобы не было холодно сидеть на песке.

– Вик, я не забыл всё, что между нами было и что я творил. При этом то, что произошло за эти два дня с Витой, перевернуло моё сознание.

– У вас уже всё произошло?

– Да, – мечтательно улыбнулся Лёша.

– Оставила вас на двое суток… – покачала головой Вика.

– Мы что, дети?

– Это вообще-то моё тело.

– А вы там с мужем за ручку держались в другой вселенной, да? – беззлобно парировал Смолин. – И хочу тебе напомнить, что у меня недавно с твоим телом тоже всё было. И с твоего согласия.

– С мужем, – эхом повторила Вика. – Теперь ты будешь скучать по ней, а не по мне, верно?

– Да. Кажется, теперь я точно попал.

– Сочувствую. Теперь межвселенская головоломка ещё больше усложнилась. И образовывать предстоит уже две пары.

– Почему ты оказалась здесь?

– Не знаю. Мы ехали с Витей в машине. Возвращались в Лозанну. Даже не говорили в тот момент ни о чём.

– Я отошёл от Виты на пять минут, чтобы поставить чайник. Хотели кофе выпить. Она сидела на лавочке одна.

– Приедут – будем разбираться, что тут.

– Ты как?

Вика вытянула руку, чтобы поймать солнечный свет. Выглядело это так, словно она недоверчиво проверяет, есть ли дождик.

– Уже как раньше.

– Это хорошо?

– Нормально. Я хочу побыть одна. Оставишь меня?

– Точно нормально?

– Да. Телефон свой можешь оставить? Мне бы в Россию позвонить.

– Ладно.

Пятницкая пару минут смотрела на телефон. Нет, она не взвешивала все за и против, явственно ощущая, что сейчас это верное решение. Только ей ещё было больно. И горло пе-

ресохло. Она пару раз надавила языком на слюнные железы и сглотнула слюну. Потом подвигала туда-сюда нижней челюстью и всё же набрала нужный номер.

– Привет, мам! Мне нужна твоя помощь.

– Привет! Рада тебя слышать. Чем я могу помочь?

– Проведи меня, пожалуйста, на пятый план. А там я уже сама. Мне нужно поговорить с моей душой.

– Хорошо, – согласилась Анастасия Георгиевна. – Ты звонишь с телефона Алексея. Вы ещё в Швейцарии? У вас всё хорошо? Он сейчас о тебе заботится?

– Можно и так сказать. Да, в Швейцарии. Важнее, что я нашла Витю. Только он в другой вселенной.

– Ох. Или ах. Я, увы, ничего не знаю о других вселенных.

– Ты можешь провести меня на пятый план, а это важнее. Я сейчас и этого не могу.

– Думаю, что это твоя личная установка – отказаться от дара. Не считаю, что дар могут забрать. А вот отказаться от него можно.

– Мам, мне очень нужно на пятый план сейчас. Остальное потом.

– Конечно. Сядь поудобнее… Я и правда рада, что ты позвонила.

– Я скоро буду готова поговорить с тобой, но не сейчас.

– Тогда просто сядь, чтобы ступни стояли на земле или на полу…

В этот раз всё было быстрее и проще. Вика сразу оказалась на одном из облаков пятого плана в бесформенном кресле. Напротив неё в таком же кресле сидела её душа в обличье Пятницкой, одетая в белое длинное платье.

– Что произошло? Почему я резко вернулась в свою вселенную, а Вита в свою? У меня странное ощущение, что у нас не столь много времени, чтобы решить эту головоломку.

– Ты права, не очень много. Скоро вселенные снова начнут расходиться. А вы ещё не всё успели сделать, что вам требуется по судьбе.

– Это просто данность или в этом есть человеческий фактор?

– Есть. Помнишь предположение Стаса и его сравнение вселенных и всех объектов с холонами? Всё верно. Вы с Витой – холоны, которые, разрушаясь, технически увеличивались в объёме на ментальных уровнях. Именно из-за этого ваши вселенные накладывались друг на друга. Временный эффект, пока процесс полного распада холона не завершится.

– То есть нам предстоит с Витой умереть? Мы типа распадаемся?

– Да, предстояло. И ваши вселенные совмещались, когда вы оказывались рядом, потому что ваши пути очень похожи.

– И что изменилось? Мне вроде как дух с четвёртого плана сказал, что у меня стоит программа самоуничтожения. Подозреваю, что Виту тоже терзали печальные мысли. Мы со-

всем близки к смерти?

– Нет. Вита удалила свою и твою программы самоликвидации. Она позволила себе начать влюбляться в Алексея, и её настрой изменился. Вита сделала это, когда Лёша пошёл готовить кофе, чтобы не терять время. Потому вы вновь поменялись местами. Ваши вселенные скоро начнут расходиться.

– Почему мы поменялись местами, а не застряли в чужих вселенных?

– Тебе же дали подсказку. Ключевое слово – отпустить. Но эту загадку вы должны разгадать сами. Всё, что ещё могу сказать: Вита знает, как и что можно менять.

– Уже хорошо, спасибо! – кивнула Вика и осознала себя сидящей на берегу Лемана.

Всё было не так уж и хорошо. Сколько времени оставалось для разделения вселенных? Что ей нужно было отпустить? Точно ли Вита знает, как что-то менять, если Виктория даже не понимает, а что собственно менять и с чего вдруг их пути похожи? Во всём этом ей только предстояло разобраться. И лучше не одной.

Смолин не выдержал и через полчаса пришёл к Виктории на берег, протянул ей чашку кофе и сел рядом.

– Сяду?

– Уже сел.

– Мне не хочется ехать в Москву.

– Это же на время.

– Когда я вернусь обратно, Вита поедет в Москву. Её отпуск скоро закончится.

– Когда?

– Через неделю.

– Ты улетаешь на целую неделю? – не поняла Вика.

– На три дня.

– Тогда не сгущай краски. Или ты без неё уже и трёх дней прожить не сможешь?

Лёша промолчал.

Вика пристально посмотрела на Алексея. В отличие от Виктора у него была идеальная фигура, хоть фотографируй на обложки журналов. И очень красивое лицо.

– А что если вам и правда поменяться с Витей местами? Профессии у вас одинаковые. О твоей семье мы позаботимся. Опыт у нас есть. Начнёшь всё почти с чистого листа с красавицей женой и при хорошей должности.

– Что ты мою жизнь очерняешь? Мне нечего перечёркивать, и сына я люблю. Может, это вам с Витой проще поменяться местами?

– Она врач, а я банкир. Ну вот как? Вы же с Витей даже в одном банке работали.

– Положим, ты уже не работаешь в банке. Тут проблемы нет.

– Вита согласна сидеть дома или заново учиться? А я? Я точно готова закончить своё безработное настоящее. И если

мы и правда очень с ней похожи, то она, сидя дома, сойдёт с ума. Посмотри, что со мной стало.

– Дай мне время подумать. Вы с Витей уже это обсуждали?

– Нет, не обсуждали. Я только сейчас узнала, что у нас мало времени, чтобы принять это решение. Скоро вселенные разойдутся.

– Когда?

– Увы, не знаю точных сроков. Высшие силы дали подсказку, но не более.

– Она очень хорошая, – тепло сказал Алексей, глядя вдаль. – И мы с ней совсем не спорим.

– Может, это конфетно-букетный период?

– Не порть момент, у нас с тобой точно было не так.

– Ты сам завёл этот разговор.

– Я же по-дружески поделился.

– Извини, ты прав. Хорошо, что тебе хорошо.

– Как у вас?

– Хорошо, – мечтательно улыбнулась Вика и тоже уставилась вдаль.

***

Все собрались в гостиной. Настроение было приподнятое.

Стас очень хотел ещё раз всем рассказать, как прекрасно он себя чувствует, и никак не мог усесться. Два Романа радовались удачному эксперименту с заменой Викторий, расположившись на большом подоконнике и перекидываясь какими-то соображениями по этой части. Лёша не спускал влюблённых глаз с Виты, которая таяла от нежности рядом с ним на диване. Виктор облюбовал кресло и с таинственным спокойствием разглядывал Пятницкую. А Вика в этот раз заняла место Ивана, стоя у серванта, будто в оппозиции к остальным.

Не дожидаясь особого приглашения, она коротко рассказала о своём визите на пятый план и подытожила: вселенные расходятся, и абсолютно непонятно, сколько осталось времени, чтобы воссоединить теперь уже две пары влюблённых.

Вита сделалась чернее тучи. Казалось, она даже перестала дышать.

– Вит, перестань, ты не знала и ни в чём не виновата, – то ли поддержал, то ли попытался оправдать её Алексей.

– Всё у меня случайно. Дух Вити я тоже дёрнула случайно, и что вышло?

– Вита, моя хорошая, – подошёл к ней Поспелов, присел рядом и взял за руки. – Помнишь, как по Эриксону? Мы всегда делаем наилучший выбор. Случилось то, что должно было случиться. Я в этом уверен.

– Помню, Вить, ты говорил. Вы меня извините, я скоро вернусь, – тяжело вздохнула длинноволосая Виктория, под-

нялась и вышла.

– О господи! – откинулся Смолин на спинку дивана, закатывая глаза.

– Лёш, мы похожи, тебе ли удивляться или привыкать? – упрекнула его Пятницкая.

– Да уж точно, мне не привыкать, что Вики вечно сбегают. Собираюсь с силами, чтобы пойти за ней.

– Я сама схожу. Это наша история, – покачала головой Вика.

В отличие от Вики Вита не пошла на озеро, а осталась на лавочке под цветущим деревом. «Так хоть попа не мёрзнет», – одобрила Пятницкая и присела рядом.

– Вит, я к тебе хорошо отношусь. В моей голове ни разу не было мыслей, что ты в чём-то виновата.

– Ты на меня совсем не злишься?

– Совсем.

– Я жила с твоим Виктором. Я видела, ты ревновала. Теперь я ещё и с твоим Алексеем.

– Да, поначалу я ревновала Витю к тебе. Но совсем не злилась и не винила в чём-то тебя или его. Это разные чувства. Ревнуют от неуверенности в себе. А Алексей точно не мой.

– Ты не уверена в себе? – удивилась Вита.

– Да-а-а… – многозначительно протянула Виктория. – Я не смогла спасти мужа, потеряла работу, дар. И это всё потому, что я решила, что целительство – это не моё. Я не хотела

больше исцелять. Я на тебя не злюсь. Я злюсь на свою мать, что она не учила меня магии. На Бога злюсь. Это похуже. С тобой хоть можно договориться. А как договориться с тем, кого отрицаешь?

– Невозможно отрицать того, кого нет, – тихо сказала Вита. – Я злюсь на себя. Вот у меня есть дар. Практически безграничный. Меня мама учила. Я её намного превзошла. Только что с того, что он есть? Знаешь, сколько людей выбирали операцию, а не исцеление? Я сбилась со счёта. В них нет веры. Лучше б я была только врачом, тогда всё было бы проще.

– А я даже не врач. Тебе правда нравится Алексей?

Вита странно улыбнулась.

– Нравится? – эхом повторила она. – Я грезила о нём половину своей юности, пока не встретила Витю. Он был двоюродным братом моей лучшей подруги. И я ей обещала не встречаться с этим дураком. Глупо обещать такое, правда?

– Ну-у-у… – пряча улыбку, протянула Вика. – Я понимаю, от чего тебя уберегала подруга.

– От чего?

– В юности он был самовлюблённым и целеустремлённым эгоистом, способным на измену.

– А сейчас?

– Я не знаю. Говорит, изменился.

– Он тебе врал?

– Нет. Недоговаривал. Но не врал.

– Значит, я могу ему верить?

– Не знаю. И я тут не смогу дать тебе совет. Это может быть только твоё решение. Я бы точно дождалась его развода. Но у вас нет этого времени. И это тяжело. Я тебе сочувствую.

– Мне давно не было так хорошо.

– Понимаю.

– Мне страшно. Я не хочу быть одна. А с ним я вроде как получила шанс осуществить то, на что не решилась раньше. В моей вселенной Алексей и моя подруга погибли.

– Сочувствую… Мне тоже страшно. Я предложила Лёше поменяться местами с Виктором. Как тебе идея? Тогда решать проблему с разводом не придётся. Он сказал, что подумает. С Витей я ещё не успела поговорить.

– Сначала у Лёши будет эйфория, но она быстро пройдёт. И начнётся долгий этап разочарований. И всё будет вроде так, да не так, и взбесить сможет просто другой свет светофора. А только после этого он начнёт приспосабливаться к изменениям. Ты не знаешь, на что его подписываешь.

– Другой свет светофора?

– У нас синий вместо зелёного.

– Оригинально, но не смертельно же.

– Не смертельно, что везде правостороннее движение, а на вилке пять зубцов. Всё это не смертельно. Витя говорил, почти нет отличий, кроме таких мелочей. Но иногда выводят из себя именно такие мелочи.

– Почему пять? – зацепилась Вика.

– Как пять пальцев на руке. Вот почему у вас четыре?

– И правда, почему? Наверное, я понимаю, о чём ты. Людей может бесить, что ты ешь левой рукой, а не правой, типа дитя дьявола, а тут пять зубцов на вилке.

– Твой Виктор всегда был немного нудным?

– Нудным? – удивилась Вика. – Наверное, ты о том, что он часто говорит прямо и по делу?

– Да, без лишних эпитетов.

– У него они внутри. Иногда так коснётся или посмотрит, что уже и говорить ничего не нужно.

– И тебе это нормально?

– Я же в банке работала на проектах. Привыкла всё понимать с полуслова. Нам, наоборот, было вместе очень комфортно. Твой Виктор был другим?

– Стал другим, пока были вместе.

– Тут тебе с Лёшей повезло. Ещё будешь просить, чтобы заткнулся.

И они засмеялись в два голоса, чем удивили своих мужчин, с интересом наблюдавших за их разговором в окно.

– Ладно, пора о деле, – посерьёзнела Пятницкая. – Ты можешь узнать, когда наши вселенные разойдутся настолько, что мы не сможем вот так сидеть и болтать?

– А ведь точно, я же могу. Теоретически.

– И как?

– Пойду на седьмой план и спрошу у Бога.

Так вот что за голоса Маша слышала тогда! Виктория вдруг припомнила старый разговор с подругой.

– И Он на всё тебе отвечает?

– И да и нет. Мы не всё готовы услышать. Иногда даёт прямой ответ, а иногда аллегориями или картинками.

– Ну да, а дальше сами, а то вам будет неинтересно играть в игру под названием «Жизнь».

– Что-то типа того, – кивнула Вита, прикрывая глаза. – Дело плохо. Всё случится уже завтра.

– Спроси, как мы можем остановить этот процесс? Или хотя бы растянуть?

– Спросила уже. Ответ тебе не понравится.

– Давай жги!

– Вас свяжет нить любви.

– Романтично с тобой Бог разговаривает, как ты и любишь, – нахмурилась Пятницкая, призадумавшись. – Нет, это явно не о них, – отмахнулась она, поглядев на Виктора и Алексея, чем смутила их ещё больше. – Иначе бы мы не оказались с тобой снова в своих вселенных. Будем размышлять. Что у нас есть любовь?

– Да всё, – хмыкнула Вита.

– Точно! Это он про энергию безусловной любви. Давай пришьём две вселенные друг к другу в какой-нибудь точке энергией из источника, сделав из неё что-то вроде нитки.

– Давай! – с азартом поддержала Вита.

– Только делать это тебе придётся одной. Я в этой вселен-

ной ничего не могу.

– Одной так одной. Не привыкать, – послушно согласилась длинноволосая Виктория, закрыв глаза. И почти сразу вернулась с вестью: – Нет. Одной не получается. Нужно перекидывать нить из одной вселенной в другую, а я не могу быть физически в двух мирах одновременно. Да и просто перемещаться туда-сюда. Витя сказал, ты можешь использовать дар в нашей вселенной.

– Могу.

– Давай снова поменяемся телами? Я перемещусь в твоё тело и вытолкну тебя. А ты, попав в моё тело, держи себя в нём силой мысли. Пусть нам будет очень некомфортно находиться рядом, но это же временно.

– Интересно, как ты понятие боли подменяешь понятием «некомфортно». Ладно, идёт! А ты сразу, как вытолкнешь меня, тяни нить из источника безусловной любви, что в центре Земли. А потом бросай мне. И сделай на конце нити не иглу, а шар. Так будет удобнее.

– Хорошо. И ты тоже через центр планеты нить закрепляй. А что будет точкой входа?

– Смотри, прекрасное цветущее дерево, давай его и сделаем. Точно не ошибёмся. Лавку перенести могут, камень сдвинуть. Но не будут же Романы такую красоту выкорчёвывать?

– Логично.

И Виктории одновременно закрыли глаза.

– Вика, что ты делаешь? – не на шутку удивилась Вита, вдруг сумев дотронуться до неё.

– Удерживаю себя силой мысли в твоём теле.

– Так оставь своё тело в своей вселенной, а не тащи его за собой!

– Ой, это я случайно. Всё исправила. Бывает же. Всё, шьём!

Со стороны их действия по сшиванию двух вселенных смотрелись завораживающе, жаль никто, кроме них самих, этого не видел.

– Думаю, хватит, – скомандовала Вита.

– Согласна, меняемся. А то уже невыносимо терпеть.

– Меняемся!

И Виктории открыли глаза, обнаружив себя в окружении мужчин, которых оставили ранее в гостиной.

– Что вы делали? – с интересом спросил Стас за всех. – Вы мерцали. Так прикольно.

– Пришили вселенные друг к другу.

– Прекрасный женский подход, – одобрил второй Роман. – У нас с тобой даже не было такого варианта, – обратился он к Роману.

– Да, – одобрительно хмыкнул тот. – Посмотрим, на какое время этого хватит. Где линия сшива? И сколько до этого оставалось времени до расхода вселенных?

– Разошлись бы завтра. Сшивали там, где дерево. В точке, – пояснила Вита.

– Лучше бы, конечно, не в точке, а по линии, – почесал голову Климов.

– Лучше оно лучше, – начала Вика, – только сил уже нет. А ещё, Лёш, возьми мне билет. Я лечу в Москву с тобой. Нужно проверить одну теорию.

Все с интересом посмотрели на Пятницкую.

– Нет. Пояснять не буду. Сама не уверена.

– Вит, может, и нам вернуться? – спросил Поспелов.

– Да, вполне.

– Только давайте не одним рейсом от греха подальше, – предложила Вика.

– Как я понял, вы не потеряли способность меняться местами, – сказал Смолин. – Так поменяйтесь снова. И Вита полетит сегодня со мной. А вы с Виктором прилетите завтра.

– А где вы переночуете? – вопросительно посмотрела на них Вика. – Ладно, – махнула она рукой, не давая Смолину ответить. – Я дам вам ключи от нашей квартиры.

– Лёша знает, где наша квартира? – смутился Виктор.

– Нет.

– Тогда и адрес им дай, – выдохнул Витя. – А там я купил квартиру в другом доме рядом.

– Ближе к реке? Три высотки? – мелькнула догадка у Виктории.

– Да.

– Они нам весь вид загородили.

– Там дома начали строить одновременно. Смог сразу оце-

нить ситуацию.

– Повезло.

– Ром, ты же гостей любишь, а мы тут все разъезжаемся, – издалека начал Алексей. – Пойдём поболтаем. Есть у меня почти личный вопрос. Хочу к тебе отправить двух человек…

И они скрылись с Романом в доме.

– Вы, надеюсь, сегодня у меня ещё погостите? – спросил второй Роман у Вики и Виктора.

– Конечно, – согласились они.

***

– Кого ты хочешь отправить к Роме? – вместо слов прощания спросила Пятницкая у Смолина, когда тот собирал вещи.

– Ты ж поняла, зачем спрашиваешь? Я исправляю свою ошибку.

– И что Рома?

– Ждёт и встретит.

– Ты как сам?

– Влюбился как мальчишка и не в тебя. Ты счастлива?

– Почти, – кивнула Вика и вышла.

В коридоре она встретила длинноволосую Викторию.

– Вита, в качестве проверки можешь посмотреть, где у Лё-

ши чувство любви в теле?

Та удивлённо посмотрела на Вику, пожала плечами, но всё же на мгновение прикрыла глаза:

– В сердце есть, а что? Когда-то было иначе?

– Да, немного иначе, – кивнула Вика, а после заглянула в комнату к Смолину и с улыбкой сказала: – Да, я счастлива!

Её слова смутили и Алексея, и его избранницу.

***

Темнело. Звёзды на небе становились всё ярче, как бы напоминая о вечном и прекрасном.

– Помнишь, как мы в том году легли спать прямо на лужайке на надувных матрасах? – непривычно-мечтательно спросил Витя у Романа из второй вселенной.

Они сидели на ступеньках веранды, отхлёбывая горячий чай из больших кружек.

– Помню, – рот Климова растянулся в улыбке. – Повторим летом?

– Да.

– Когда вас теперь ждать?

– Как обычно, через пару месяцев прилетим на выходные. Думаю, что так.

– Добро.

Вику слегка качало – и потому, что она сидела на качелях, и потому, что колебалась в нерешительности. Готова ли она как цыганская дочь за любимым в ночь? Всё ведь идёт к тому, что именно им с Витой предстоит поменяться местами. И если Вите придётся отказаться от работы по душе, отдалиться от любимых родителей и добрых друзей, то она-то что? Её уже и так почти все забыли за год отшельничества. Или она всех. Что так вливаться в новую жизнь, что этак… Только почему-то щемило в груди. И казалось, что Виктор всё решил, не посоветовавшись с ней. Хотя когда было иначе? И с чего её вдруг это стало волновать? А может, вовсе не это?

– Прости, милая, – обняли её холодные руки мужа. – Мы засиделись.

Вика приоткрыла глаза. За окном светало. Комнату заполнил стойкий запах виски.

– Полетим вечерним рейсом?

– Посмотрим с утра, – пробубнил Витя, утыкаясь носом в её волосы. – Как я скучал… Давай ты перейдёшь в нашу вселенную? Я тут всё наладил. Если хочешь, тоже дома сиди.

– Не хочу.

– А может, как раз в декрет? – мечтательно продолжил он, лаская её тело. – Теперь я ещё больше хочу, чтобы у нас были дети. Будем потом Ромке их на лето отправлять. Он тут совсем один.

– В нашей вселенной у Ромы есть дети.

– Тут тоже есть. Они в Америке остались. Не стали возвращаться, когда его бизнес прогорел, и семья распалась. Но ведь ты понимаешь, о чём я. Его невеста умерла за пару недель до свадьбы.

– Да, это то, что всегда будет с нами.

– Ты всё понимаешь, – ещё крепче обнял её Виктор. – А ещё его лучший сотрудник хочет вернуться в Россию.

– Сергей?

– Да.

– А что у него с личной жизнью?

– Один.

– В нашей вселенной он с Елизаветой. Мамой мальчика Тимофея, который умер. Помнишь?

– Тут не так. Ни Ромка, ни Сергей её даже не знают.

– Я перейду к вам, – вдруг ответила Вика. – Только не торопи события. Пока меня не отпустит.

– Это мы решим, – зевнул Витя и уснул.

Пятницкой было не до сна, но она не вставала, наслаждаясь объятиями любимого мужчины.

Глава 14

– Ты не против? – спросил Виктор, достав в самолёте ноутбук.

– Не против, – ответила Виктория и вытащила наушники из рюкзака.

– Точно? Ещё подумаешь, что я тебя разлюбил.

– Подумаю, что тебя подменили, если ты этого не сделаешь. Потому что ты уже вторые сутки совсем не работаешь.

– Я так предсказуем?

– За это я тебя тоже люблю.

И они заулыбались над понятной лишь им игрой слов.

Он держал её за руку. Она чуть отставала, разглядывая до мелочей аэропорт в другой вселенной. Потом был чёрный мерседес со светлым салоном. Хмурый водитель и Виктор, заполняющий эфир рабочими переговорами.

– Прости, милая, – периодически говорил он и тут же снова уходил с головой в телефонное общение.

Как же Вике было хорошо! Как же она скучала по таким мгновениям, когда могла наблюдать за мужем, напитываясь его бесконечной жизненной энергией… Кто-то бы в такой ситуации ныл, что на него не обращают внимания, а Вика наслаждалась и возбуждалась от происходящего. Иногда она

отвлекалась и смотрела в окно. Но то, что она видела там, порядком шокировало, и поэтому Пятницкая всё больше глядела на мужа.

– Я всё закончил, и вечер будет только наш, – выдохнул Виктор, заходя в квартиру и бросая телефон на столике в прихожей. – Проходи. Нравится?

Вика молча прошла в комнату и подошла к огромному окну, чтобы посмотреть, как переливается Москва-река в закатном солнце. Голова немного болела. Она поморщилась.

– Не нравится? – удивился Витя.

– Брось, такое не может не понравиться. Дом прям у реки.

– Тогда что?

– Я не вижу отличий во вселенных. Ну кроме синего светофора. Меня это пугает. Я всё жду подвоха.

– Не торопись, милая. Это ещё будет, – серьёзно сказал Витя.

Где-то затрезвонил мобильник.

– Твой телефон, – кивнул он на рюкзак.

– Но как? – Вика не спешила снимать трубку.

– Однажды это случится. Нет смысла тянуть.

Вика взяла в руки мобильный и показала мужу экран. На нём было написано: «Антон Высотников».

– Это твой коллега. Ответь. Просто так он не звонит. Значит, будет дозваниваться.

Пятницкая пару раз шумно выдохнула и ответила на зво-

нок, надеясь, что этот Антон не устроит ей экзамен по хирургии.

– Привет, Вик! Ты в Москве?

– Привет! Да.

– Какая удача! Тут один важный пациент завтра ложится в больницу, и у него пожелание, чтобы его оперировала ты и только ты. Даже Семёнову не удалось его переубедить, он крайне настойчив. И вообще из правительства Москвы.

– Кто такой Семёнов? – шёпотом спросила Вика у мужа.

– Ваш завотделением.

– А этого пациента случаем не Иван Михайлов зовут?

– Да! Ты его знаешь?

– Нет. В интернете мелькало, что у него проблемы со здоровьем, – нашлась Виктория.

Антон был озадачен таким ответом, но вдруг опомнился:

– Ладно, значит, ставлю в твой график операцию в среду на одиннадцать утра.

– А что хоть у него?

– Ты ж читала в прессе?

– Там не было подробностей.

– Стентирование. Завтра зайдёшь с ним побеседовать?

– Зайду после трёх, – на ходу придумывала Пятницкая.

– Добро! До завтра!

– Пока!

– Что такое «стентирование»? И стентирование чего? – смутилась Пятницкая.

– Ты кардиохирург. Так что операция на сердце.

– Звучит угрожающе для вашего Михайлова. Всё же это Вита – хирург, а не я.

– Это несложная операция. Минут на тридцать. Поставишь в коронарный сосуд каркас в проблемном месте, где тот сузился.

– Ага, да раз плюнуть, – замерла Пятницкая. – Ты откуда это знаешь?

– Почти три года жил с хирургом, сложно было не поговорить об этом. И мне было интересно, чем Вита занимается.

– Начинаю думать, что обсуждать загогулинку в презентации куда интереснее.

– Ты справишься.

– Я? Это смешно. Конечно, нет. Я не буду делать операцию, пусть Вита возвращается в своё тело и делает.

– Думаю, ей стоит записать тебе свою память. И пока вселенные не разошлись, вы потренируетесь делать операции вместе.

– Вить, ты бредишь? – отмахнулась Вика, потирая виски.

Головная боль была очень слабой, но какой-то настойчивой. Она прикрыла глаза.

– Ты так переживаешь? Или что-то другое? – свёл брови Виктор.

– И то, и это. Голова побаливает. Кажется, мы с Витой слишком близко друг к другу. Не настолько, чтобы поменять местами, но настолько, чтобы нам было неприятно от этой

близости.

– Наши дома рядом, – задумчиво произнёс Поспелов. – Обсудить бы эту тему.

– Сейчас обсудим. Судя по головной боли, они приближаются. Только у нас эти дома ещё не заселены. Или это хорошо? А знаешь, хорошо будет и вовсе другое. Я же в теле Виты, значит, могу использовать магию, – скороговоркой выдала Вика и закрыла глаза.

Странный холодок пробежал по спине Пятницкой. Она открыла глаза, осознавая, что стоит вне тела. Её окружал голый бетон, хорошо, хоть окно находилось на месте. Без него было бы страшно на двадцатом этаже недостроенного дома.

Тут резкая вспышка света сменила декорации, и Вика оказалась в обновлённой обстановке. Прямо перед её лицом висела плотная штора из бордового бархата с золотой вышивкой.

– Кто вы?! – вскрикнула какая-то женщина.

И Вика снова оказалась в гостиной рядом с Виктором, даже не успев испугаться. Муж подхватил её под мышки.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил он, заглядывая ей в глаза и не выпуская из рук.

– А что тут было со мной?

– Ты начала падать.

– Я была не здесь. И кажется, скоро в этом теле будет Вита…

Не успела она договорить, как осознала, что идёт по ули-

це, а Смолин держит её за руку.

– Лёш, это я, не Вита, – сказала Виктория, высвобождая свою ладонь.

– Почему? – неопределённо спросил он.

– Наверное, потому что мы оказались близко друг к другу. Хотя я точно не знаю. Может, потому что время вышло. Может, что-то нас держит в наших же вселенных, а в Москве связи прочнее. Вите тут операцию поставили в график.

– Она договорилась завтра встретиться с Машей.

– Моей?

– Твоей, конечно. Ты против? Почему бы им не подружиться? Мы говорили с Витой, это вам нужно меняться местами, тогда остальных это изменение почти не затронет.

– Она готова? Здесь я не врач.

– Она точно готова сделать перерыв.

– На шесть лет обучения? – удивилась Виктория.

– Маша предложила ей работу в центре. То есть тебе. Но мы хотели завтра ей всё рассказать о двух вселенных.

– Ты тоже знаешь об их центре развития личности?

– Знаю.

– Нам нужно дойти до той недостроенной высотки, – указала Вика рукой в сторону реки. – Надеюсь, Витя догадается спуститься с Витой вниз и выйти из дома.

– Не меняй тему разговора. Что ты думаешь об услышанном? Ты, кажется, расстроена?

Пятницкая остановилась и уставилась на проезжую часть,

массируя свой лоб.

– Я готова поменяться с Витой местами. И да, я расстроена, но совсем не по этому поводу.

– Тогда что?

– Мне казалось, что мне нет места в этой вселенной, теперь же я вижу, что это и правда так. И это грустно.

– Не говори ерунды.

– Лёш, сколько ты знаешь Виту? А уже реально влюбился. Готова поспорить, что и с Машей они очень быстро найдут общий язык. Меня же не было год, и этот мир не рухнул.

– Ты переиначиваешь факты.

– Ты хочешь понять, что со мной, или переубедить?

– Прости, – согласился Смолин.

– Я ни на кого не злюсь и никого не обвиняю. Но именно здесь и сейчас мне печально. Я имею право на это чувство. Просто потому, что оно есть. И я хочу его прожить. Хочешь меня поддержать – поддержи. Не можешь – тогда не спрашивай и не мешай.

– Помнишь, мы с тобой там работали? – показал Алексей в сторону Сити. – Теперь мой департамент разделили на два подразделения. У каждого руководителя этих подразделений зарплата почти такая же, как была у меня одного. Политика в ущерб эффективности. И тоже мир не рухнул.

– Ты речь репетируешь? Хочешь своё место обратно?

– Хочу. А что?

– Здорово, что ты знаешь, что хочешь, и готов за это бо-

роться. Когда встречаешься с Филатовым? Он же твой руководитель?

– Завтра в одиннадцать утра.

– Тогда желаю удачи.

– Спасибо, но ты снова перевела тему.

– В этот раз не я.

– Ты будешь с Виктором, и ты будешь врачом. Всё, как ты и желала. Разве не так?

– Да я фибрилляцию от предсердной тахикардии не отличу! Для меня всё это – сердце неправильно бьётся. Да, я помню, сколько в нём желудочков и клапанов, но разве я имею право оперировать? Я не отказываюсь от своих слов. Но мне нужно учиться.

– Я и этого не знаю. Так что ты крутая.

– Мне страшно.

– Вите тоже страшно. А я думаю, что вам обеим нужно в декрет.

– Не проси того, чего не знаешь. Там ещё и всплеск гормонов будет. Словно мало стресса сейчас.

– Ладно, тут вы с Виктором сами решайте. А я на развод сегодня подал.

– В один день? – не поверила Виктория.

– Да, договорились с Леной, что без имущественных споров. Там небольшой пакет документов в суд. Всё собрал и подал иск.

– Что пообещал Лене? Не смотри на меня так. Она слиш-

ком простая, чтобы быть альтруисткой. Это такие, как я, с заморочками, готовы уйти ночью в лес без шапки. Она — нет.

– Оставляю квартиру и открыл хороший вклад на имя сына.

– Ну на улице жить не будете. Вите по наследству останется хорошая квартира, пешком на работу ходить можно. Так что главное – порви их завтра всех и забери свою должность.

– Да, я тоже думал, что будет сложнее подать на развод.

– Знаешь, ты молодец! Я почти перестала верить, что ты сумеешь измениться.

– Я всегда был нормальный!

– Ладно, пойдём, нормальный парень, – дружески прохлопала его по плечу Вика. – Думаю, нас уже заждались.

Виктория и Алексей смотрели на недостроенный дом, обнесённый забором.

– Как-то я об этом не подумала, – расстроилась Вика.

– Мы здесь! – послышалось со стороны реки.

Случайный прохожий мимоходом бросил взгляд на противоположную часть дороги и, кажется, не понял, что там стояли духи, а не люди.

Смолин с Пятницкой дождались зелёного сигнала светофора и перешли проезжую часть. На счастье, набережная пустовала.

– Нам нужно место, где мы сможем спокойно встречаться, – сказал Виктор.

– У нас нет общих пустующих квартир, чтобы больше не посвящать никого в эту историю. Если только ваших родителей… – Смолин посмотрел на Вик.

– Нет, – не согласилась Пятницкая, чем удивила Виту. – Мне будет некомфортно.

– В вашей вселенной у Маши и твоей мамы есть центр развития личности? – спросил Алексей у длинноволосой Виктории.

– Нет.

– Надо снять квартиру, – однозначно заявила Вика.

– Почему не номер в гостинице? – не понял Лёша.

– Потому что нам сложно будет забронировать один и тот же номер, – понял Виктор. – Придётся упрашивать. А зачем? Квартира – хорошо. И можно снять прямо сейчас. Я посмотрю что-то подходящее для наших целей, – сказал он, тут же полез в телефон и открыл приложение по бронированию апартаментов. – И вы тоже сразу сможете проверить у себя, пустует квартира или нет.

– Идёт, – согласился Смолин.

– Чёрт, почему он смотрит? – тихо прошептала Вика, разглядывая через плечо Смолина мужчину в сером костюме.

Кажется, она его уже где-то видела. И почему он в одном костюме? Холодно ведь.

– Это же твой ангел, – не поняла Вита. – Ты и ангелов перестала видеть? – изумилась она.

– Он был на набережной в Лозанне, – сказала сама себе

Пятницкая. – Да, со дня смерти Вити не видела. Разозлилась на них.

– А за что? Они же ни при чём.

– Ты всегда такая правильная?

– Вика-Вика, притормози, – одёрнул её Смолин.

– Да нет, она права. Я чересчур правильная.

– Прости мою резкость. Думаю, моя вселенная тебе и правда очень подойдёт. Я была зла на весь мир. Вот и всё объяснение.

– Смотрите, я нашёл отличный вариант. Свободна квартира на Трубной, в которой мы с Викой жили когда-то. Сдаётся теперь посуточно. А хозяева переделали мой кабинет во вторую спальню.

– Зачем нам спальни? – не понял Смолин.

– Лёш, кто его знает, сколько мы времени там будем проводить. Пусть будут.

– Я тогда сама сейчас посмотрю, свободна ли эта квартира в нашей вселенной, – сказала Вика, погрузившись в телефон. – Да, тоже свободна. Тоже две спальни. Что, бронирую?

– Давай, – согласился Смолин.

– Лёш, ты только номер своей банковской карты дай, а то у меня денег нет.

Витя как-то странно посмотрел на Вику.

– Не переживай, Вить. Пока она будет здесь, я о ней позабочусь, – успокоил его Алексей.

– Спасибо, – кивнул Виктор. – Значит, созваниваемся с

хозяевами, забираем ключи и встречаемся уже там.

– Ага, только с перерывом во времени, чтобы не пугать хозяев квартиры нашим явлением. Когда мы с Витой очень близко, то вселенные становятся видимыми друг для друга метров на десять в диаметре.

– Надо поставить какой-нибудь купол как защиту, – хмыкнула Вита. – Это у Ромы было нормально: большой участок и свой дом. Здесь будет не так. Там у него только забор порой цвет менял. Представляю, как у людей в соседних квартирах будет обстановка меняться и типа приведения станут ходить.

– Может, трансформируем энергию из источника в непроницаемую плёнку и окутаем ей стены, пол и потолок общей квартиры? С командой, что то, что происходит в квартире, остаётся там и только там, не влияя на остальные вселенные в целом?

– Тема, – согласилась Вита.

– Только я до сих пор не могу здесь использовать магию. Давай снова местами поменяемся.

– Ну смоги уже. Ангелов же ты видишь. Значит, это исключительно твоё убеждение, что дар пропал.

– Ладно, я с этим разберусь. Но после. Сейчас давай меняться. Что, тебе не хочется побыть рядом с Лёшей?

– Давай-давай, – улыбнулась Вита.

Глава 15

– Удивительно, как эти вселенные совпадают. Здесь всё как и было тогда, только нет моего кабинета, – сказал Виктор с несвойственной ему улыбкой.

– Скучаешь по тому времени?

Пятницкая подошла к огромному подоконнику, на ходу захватив подушку с дивана, и присела как когда-то.

– Уже нет, – ответил он, сел рядом и притянул её к себе.

– А я – да. Там было вкусное ризотто и шабли.

– А я думал, ты скучаешь совсем о другом, – сверкнули его глаза. – У нас есть минут двадцать, пока не придут Вита и Лёша. Успеем?

– Успеем, – заговорщически сказала Вика.

И Виктор потянул её в их бывшую спальню.

***

– Что вы такие загадочные? – удивился Алексей, проходя в гостиную съёмной квартиры. – А неплохо вы тут жили!

– Да, мило, – согласилась Вита.

– Зря мы не выкупили эту квартиру, – пожалела Вика.

– Владелец заломил цену. Она того не стоила. И у нас сейчас хорошая квартира. Ты ещё оценишь. Моя работа и больница близко.

– Больница! – вспомнила Вика. – Вит, тебе в среду на одиннадцать операцию поставили. Завтра в пятнадцать нужно проведать пациента. Это друг Романа – Иван Михайлов. Ваши там немного нервничают, потому что он шишка из правительства Москвы.

Вита пристально посмотрела на Вику:

– Давай ты сама? А я подстрахую, если что. Нам нужно записать себе память друг друга.

– Ой, мы же защиту на стены не поставили! – хлопнула себя по лбу Пятницкая.

– Я сделала, как только зашла. Это быстро, – сказала Вита.

– В двух вселенных?

– Ой! – теперь опомнилась Вита.

– Сейчас сделаю, пока я в твоём теле.

– Оно уже совсем скоро станет твоим.

– Есть повод так думать? – удивилась Виктория.

– И да и нет. Предчувствие. И мне становится неуютно. Ты с Витей, я с Лёшей, а мы всё телами меняемся. Как-то это аморально, что ли.

Смолин с Поспеловым переглянулись.

– Сделай Михайлову операцию, напиши заявление по собственному, чтобы уволиться из больницы, и я готова.

– Звучит логично, только мы пока не знаем, как сделать так, чтобы поменяться вселенными навсегда.

– Сходим на седьмой план бытия и спросим у Бога. Раз мы здесь сидим, то это точно неслучайно. Или пусть вон тот серый скажет, – махнула она на молчаливого ангела.

– Вик, не торопись с увольнением. Сначала пусть Вита запишет тебе свою память. Ты сможешь быть врачом.

Пятницкая буравила мужа взглядом. Язык прилип к нёбу, а скулы свело. Она хотела выскочить из тела, чтобы не чувствовать панический страх от предложения.

– Сможешь, – повторил Виктор. – Для тебя это сейчас так же непостижимо, как для меня седьмой план бытия, на котором я не был.

– Без комментариев, – лишь сухо вдавила из себя Вика.

– Хорошее решение, а я схожу за ризотто и вином. Идёт? – подмигнул Витя.

– Да, – надулась Пятницкая.

– Как ты её… А меня она совсем не слушала! – всплеснул руками Алексей.

– Так я любя, – бросил Виктор, выходя из комнаты.

– Вик, ты заметила, что мы рядом и нам не больно? – лукаво начала Вита, вытаскивая Вику из злобных мыслей.

– И правда, как? – опомнилась Виктория.

– Подсоединила нас к источникам в центре Земли. Тебя – в моей вселенной, себя – в твоей. Всё оказалось просто.

– Круто! Спасибо. Вить! – крикнула Вика. – Ты ещё не

ушёл?

– Нет, – отозвался он.

– Купи еду на всех, пожалуйста. Я поняла, зачем во мне однажды активировались знания о телепортации. Я дёрну Виту и Лёшу в эту вселенную. По крайней мере попробую.

– Хорошая идея, милая, – похвалил он, заглянув в гостиную, и снова скрылся.

– Может, сначала активируем память? – предложила Вита.

– Не знаю, зачем ты так спешишь, но окей. Веди, – согласилась Вика.

– Вы меня все бросаете? – возмутился Смолин.

– Нас не будет пару мгновений, ты и не заметишь, – улыбнулась ему Вита, чмокнув в губы.

– Угу, – довольно хмыкнул Алексей.

***

В большом белом шаре две Виктории поднялись на седьмой план бытия, а через секунду оказались в фиолетово-розовом тумане. Пятницкая вытянула руку, но толком ничего не почувствовала, кроме увеличенной плотности воздуха. Вязкая атмосфера заставляла движения быть более плавными и медленными, при этом не требуя лишних усилий.

– Шестой план, – догадалась Вика.

– Да, план законов. Сейчас поднимемся над этим сумраком, чтобы сориентироваться, где библиотека с книгами судеб.

– Зачем?

– Найдём наши книги и допишем там новый закон о нашей памяти.

– Зачем куда-то идти? – не поняла Виктория и отодвинула пространство как шторку.

Там, в тёмной пустоте, одиноко висела книжная полка с двумя фолиантами. Вита удивлённо покосилась на Пятницкую. В глазах её застыл немой вопрос: «А так можно было?»

– Так ведь это ментальный план. Тут нет ни времени, ни пространства, ни даже духов, которые надумывают какую-то реальность. Надо лишь пожелать то, что нужно.

– Ты сама догадалась?

– Нет. Я впервые на шестом плане. Это однажды дух мальчика, который не дал мне согласие на исцеление, подсказал эту идею. Тогда мы с ним были на четвёртом плане. Ты уверена, что нам абсолютно все воспоминания друг друга нужны?

– А как ты будешь выбирать? Только медицину? Так, кроме неё, есть ещё взаимодействия с коллегами, дружеские связи, привычки и ритуалы.

– Ладно. Всё так всё. Пусть появятся золотые перьевые ручки, мы с тобой одновременно впишем себе историю друг друга, а после под фанфары и салют окажемся в твоей, то

есть почти уже моей вселенной.

– Давай под фанфары, – с усмешкой согласилась Вита.

Вику изрядно развеселила выдуманная процедура торжественной записи в книге судеб. Трубы и правда гудели, даже после возвращения в квартиру ещё какое-то время слышался туш. Вика живо забралась с ногами на подоконник и лишь после этого посмотрела на Виту. Та плакала.

– Вит, ты чего? – не поняла Пятницкая.

– Вита, солнышко, – забеспокоился Смолин и подбежал, чтобы обнять её. – Что там произошло? – покосился он на Викторию.

– Лёш, я не знаю.

– Это какое-то неподъёмное одиночество. И тоска… – еле выдавила из себя Вита. – Как ты справилась?

– Я ещё не справилась, – на миг погрустнела Пятницкая, опуская глаза.

– Ведь ещё с детства… – всё ещё продолжала плакать Вита.

– Я могу тебе помочь исцелить эту боль? – тихо спросила Вика.

Вита кивнула. И Пятницкая окутала её в плащ из энергии безусловной любви. А потом сдёрнула потемневшую накидку, отправляя отслужившую вещь растворяться в ядре земли.

– Давай теперь я помогу тебе?

– У меня так просто не пройдёт. Мне ещё кое с кем поговорить нужно.

– Так хоть облегчу на время?

– Не трать силы. Я срослась с этими чувствами. Сейчас это будет просто бессмысленно. Пять минут меня не спасут.

Загремели замки, и в квартиру зашёл Виктор с едой и вином.

***

Пятницкая очнулась в кровати со Смолиным. Осторожно высвободилась из его объятий и вышла в гостиную. Там она встретила растерянную Виту.

– Мне не спалось. А тут ещё это… – сказала она. – Я думаю про Лёшу и ваши отношения. Я теперь очень боюсь переходить в вашу вселенную. Кажется, я слишком спешу. И тебя ещё подгоняю. Поддалась юношеским чувствам, а ведь он лишь выглядит одинаково с тем Алексеем.

– Всё, что я тебе сейчас скажу, будет влиять на твоё мнение. А я бы этого не хотела. Я и правда не знаю, изменился он или нет. Можно такое увидеть в книге судеб?

– Нельзя, – покачала головой Вита. – Ты же понимаешь, тогда бы мы ходили и подсматривали. Можно получить лишь подсказки. Лёша сказал, что подал документы на развод. По-

сле твоих воспоминаний хочется запросить бумаги и проверить, а лучше дождаться официального решения.

– Это два или три месяца, – пожала плечами Виктория. – Если тебе это нужно, не будем спешить. Поживём здесь вот так.

– Меняясь телами? – поёжилась Вита. – Ты заметила, что время нашего пребывания в телах друг друга с каждым разом уменьшается?

– Да, заметила. И всё же это хороший вариант. Мне почти нечего терять, так что я лицо заинтересованное. Кроме твоей работы, мне всё подходит. Но и мне страшно. А у тебя совсем другая история. Попроси Бога дать тебе знак, чтобы стало понятнее, что будет правильным. И давай изменим время пребывания в телах друг друга. Снимем ограничения.

– Попрошу дать знак. А то мой ангел на этот счёт молчит. Сказал лишь, что телами можно поменяться либо насовсем, либо вот так краткосрочно. Мы не сможем изменить время пребывания. Это защитный механизм.

– Думаю, он лукавит. Сдаётся мне, почти всё можно изменить при большом желании. Твой ангел – тот, что в розовом костюме? Вместе с моим сидит на подоконнике? Или это все мои?

– Да, мой, – улыбнулась Вита. – С чего твои-то? По одному же?

– У меня раньше было три.

– Ну да, с твоей судьбой такое возможно.

– Сейчас один, значит, всё точно идёт к лучшему.

– Дай Бог!

– Романтичный у тебя ангел, как и ты. А у меня… – Пятницкая засмеялась, прикрывая лицо руками.

– Милая, ты опять не спишь, – послышался заспанный голос, а затем и сам Виктор появился в дверном проёме. – И ещё прозрачная. Почему ты в другой вселенной?

– Так вышло. Завтра всё расскажу. Иди, я скоро буду.

– У вас точно всё в порядке? – уточнил он, оглядывая Викторий.

– Да, милый, у нас микродевичник.

– Как же вы порой похожи… – пробубнил он и скрылся в спальне. – Словно вас в детстве спать не научили.

– Нервничает, – поджала губу Вита.

– Да, нервничает. Хочешь, я помогу тебе уснуть? Поменяемся телами, и я опущу на тебя энергию безусловной любви, чтобы ты расслабилась? – предложила Вика.

– А ты?

– Я проснулась только потому, что вернулась в свою вселенную. Так что спокойно усну снова.

– Тогда да, хочу.

Пятницкая соврала. Она перехотела спать и села на подоконник рядом со своим ангелом. Ангел в розовом исчез вместе с Витой. И только Вике захотелось заговорить с серым, как подошёл Смолин.

– Я невольно слышал ваш разговор с Витой. Я не спал.

– И что? – пожала плечами Виктория.

– Спасибо, что помогла ей уснуть. Грустно, что не помогаешь мне.

Вика промолчала. Она смотрела, как разноцветные огни подсвечивают пустующий бульвар, а специальные прожекторы отбрасывают на променад теневые круглые рисунки.

– Прости меня, я вёл себя с тобой неправильно. И не один раз.

– Хорошо, что ты смог это осознать.

– Прощаешь?

– Прощаю.

– Так быстро? – смутился Алексей.

– В текущей ситуации – да. Ты больше не набиваешься мне в женихи. Ты любишь Виту.

– Почему ты ей не сказала, что видишь мою любовь к ней?

– Нет уж, доказывай сам своими поступками. Тебе судьба даёт очередной сто пятисотый шанс. Так напрягись и не продуй всё снова.

– Что мне делать?

– Любить, беречь, не обманывать.

– Ну а делать-то что?

– Спроси у Виты. Вы же с ней живёте. Откуда я знаю, что ей нужно. Ты общаешься с ней больше, чем я.

– Но она же как ты?

– Нет, мы очень разные. Это видимость схожести. Она

росла в любви, я – в заботе. Это бесконечно удалённые понятия. Хорошо гладить рубашки можно и не любя их владельца. Ты почти всегда обо мне заботился, но ведь не любил.

– Не любил, как теперь понимаю, – печально выдохнул Смолин. – Прости.

– Хорошо, что ты позволил этому чувству родиться внутри.

– Ты меня прощаешь? – снова спросил он.

– Прощаю.

– А мне почему-то кажется, что нет.

– Лёш, мне бесконечно грустно сейчас. Хочется сидеть и думать о своих чувствах, а не о твоих. А ты всё пытаешься меня заставить думать о тебе, о Вите. Спасибо, что хоть не о мире во всём мире. Тебе важны мои чувства только с точки зрения, что я чувствую относительно тебя или как они могут повлиять на тебя. Однако есть чувства, которые никак не связаны с тобой, да и вообще с кем-то ещё. Дай мне побыть одной. Если бы я знала, как проживать некоторые сильные эмоции с кем-то ещё, я бы делала это с Витей. Понимаешь теперь, почему я сижу ночью одна? Он знает, что порой мне это очень нужно. И знает, когда всё же лучше быть рядом. Когда любишь, умеешь отпускать.

– Теперь мне грустно.

Вика усмехнулась:

– Погрусти у другого окна, пожалуйста. Тут ещё кухня есть.

– Да ладно, пойду спать. Извини, может, меня и правда не переделать.

– А-а-а, Лёша, ты снова… – Пятницкая закрыла руками лицо, чтобы не засмеяться в голос.

***

Вика и ангел долго сидели на подоконнике в тишине, глядя в темноту за окном.

– Ты молчал и молчишь, потому что я ничего не спрашиваю?

– Да.

– Но ты ведь подсказал мне, где живёт Климов.

– Сделал то, что мог.

– Почему я не видела тебя раньше?

– Не хотела.

– И вдруг захотела? Не помню такого.

– Ты попросила изменить судьбу и начать всё заново. Ты начала верить. Иначе бы не просила о чуде.

– Как мне перейти в другую вселенную?

Ангел улыбнулся, но промолчал.

– Да брось! Я знаю на сто процентов, что мне суждено перейти сюда. В родной вселенной я бы всё равно умерла, если бы Вита не отключила мне программу самоуничтожения.

– Были ещё варианты, когда ты смогла бы сделать это сама.

– И миллион вариантов, когда нет. Так что не будем преувеличивать мою значимость для того мира. Я хочу в эту вселенную. Достаточный аргумент?

Ангел молчал.

– Оставь устаревшие инструкции. Всем выгодно, чтобы я перешла в эту вселенную. Весь род за это радеет. Душа. Да и вы там на пятом плане. Иначе с чего бы мне приставили ангела более старшего порядка вместо трёх рядовых?

– Ты поняла, – с почтением склонил он голову.

– Когда ты близко, все мои клеточки тихо-тихо вибрируют. Это складывается в песнопение, как пел бы церковный хор. Наедине с собой я это слышу.

– Тебе нужно отпустить обиды. Это сильные энергетические связи.

– На кого? На мать?

– Не только.

– Маша и Лёша тут ни при чём. Отец тоже.

– Согласен.

– Так кто же ещё?

– Тот, кто был тебе в последние годы как родной.

– В высокой башне заточённый, – поняла Вика.

– И ты ещё заточена.

– Ого! Ладно. Я справлюсь, – тяжело выдохнула Пятницкая. – А у меня к тебе есть задание. Найди мне новое тело в этой вселенной. На тот случай, если Вита откажется пере-

ходить. Симпатичную девушку, которая в ближайшее время должна умереть.

– Есть ещё пожелания?

– Если нужно, составлю список характеристик.

– Составь.

– Договорились. Обсужу с мужем и вернусь с ответом.

Начало светать. Вика не чувствовала, но понимала свою усталость. Она замкнула на животе энергию безусловной любви из верхнего и нижнего источников и напитала ей тело, дав команду, чтобы каждая клеточка её организма восстановилась как после восьмичасового сна.

– Не злоупотребляй, это не слишком полезно. Сокращаешь ресурс тела, – тихо сказал ангел. – К тому же и тело ещё не твоё.

– Поняла, спасибо.

– С кем разговариваешь? – на ходу продирая глаза, спросил Виктор.

Он подошёл к окну и обнял жену.

– С ангелом.

– Ради этого можно не спать?

– Вот-вот, – поддакнул ангел.

Вика в шутку грозно посмотрела на посланца с пятого плана и зашипела на него как кошка.

– О, мы с ним солидарны! – Виктор сразу понял, что происходит.

– Пойдём завтракать? Здесь есть наше кафе на углу дома?

– Есть. Хочешь выйти?

– Выйти и поговорить. Бывал там?

– Да, и один, – ответил Поспелов, предвосхищая второй вопрос жены. – Это наше место.

– Мне приятно это слышать.

***

Круглые маленькие столики. Стулья с овальными спинками. Запах свежего хлеба. Всё это очень напоминало французские кафешки. И почти не отличалось от их кафе в изначальной вселенной. Лишь вместо белых бумажных салфеток здесь лежали красные, а ещё стояли вазочки с маленькими живыми цветочками. Но ведь такое могло быть и в их кафе, куда Виктория давно не заглядывала.

– Я точно решила перейти к вам. А вот Вита может дать задний ход. Давай продумаем план на этот случай. Я попросила ангела найти мне подходящее тело. Он предложил дать список требований, если такие есть. Что думаешь? Готов ли к тому, что я могу выглядеть иначе? А как именно? Есть предпочтения?

– Закажем шампанское? – вдруг предложил Виктор.

– Прекрасное предложение в восемь утра. У меня будет афтепати.

Виктор задумчиво вертел полный бокал на длинной ножке, не поднимая его со столика. Вика не прерывала молчание мужа, зная, что он ответит, как только просчитает различные варианты в голове.

– Оставим это на крайний случай. По параметрам: похожа на тебя, твоего возраста, незамужняя, без детей, без близких родственников или пусть будут, но в каком-нибудь дальнем городе, а может, и в другой стране. В случае чего, сошлёмся на амнезию. Профессия должна быть простая. Кстати, может, поискать и банковского работника? Точно не стоит выбирать врача, полицейскую, преподавателя или юриста. Ну и госорганы – нет.

– Поняла.

– Но я бы тебе предложил продумать иной вариант. Ты умеешь телепортироваться. Пока тебе это удавалось на пару часов. Может, можно сделать, чтобы навсегда?

– В моей вселенной я пропаду без вести. Это окей. А как я вдруг появлюсь у вас?

– Почему бы тоже не появиться с амнезией? Не знаешь, кто ты – и всё. Поищем врачей, готовых подтвердить диагноз. Внешность славянская, говоришь на чисто русском. Должны дать новое имя и документы, как подброшенным детям.

– Нет, милый. Не дадут. Я же не ребёнок. Побоятся. Могло быть всё что угодно, и криминал тоже. Даже если по базе

ничего не будет значиться с моими отпечатками. Я читала о таких случаях с ретроградной амнезией. Один человек уже двадцать лет живёт без документов. Все пытаются понять, кто он. По крайней мере так в нашей вселенной.

– Тогда нужна поддельная личность. Кто-то физически умрёт, а по документам —нет. Не знаю как, но будем искать выходы на тех, кто с этим сможет помочь.

– А похоронят этого человека без имени? Не по-людски. Тогда совсем поддельную личность нужно создавать. Искать хакера.

– Я ещё буду думать. Вселенные же не завтра разойдутся. Пока поживём так. Будешь телепортироваться к нам, – сказал Поспелов и залпом осушил бокал шампанского. – Главное – мы вместе. И поищи варианты, как продлить время, чтобы минимум на сутки хватало и не выбрасывало тебя обратно в твою вселенную.

– Хорошо.

– А мы думали, будет сложно, если ты должна будешь стать врачом, – вдруг усмехнулся Витя.

– Ага, кажется, я уже готова и врачом стать, лишь бы не бомжом.

***

Вита сидела на кухне, уставившись в полную чашку кофе. На противоположном конце стола осталась тарелка с недоеденной яичницей.

– Лёша ушёл на работу? – спросила об очевидном Виктория.

Вита кивнула, а после тихо добавила:

– Отдай мне моё тело, пожалуйста.

– Вы поговорили?

– Нет, – вымолвила Вита, не дыша.

– Ты уверена, что не будешь жалеть о том, что вы не обсудили это?

– Я сейчас ни в чём не уверена.

– Ясно. Я бы тебе посоветовала поговорить. И да, меняемся на счёт «три». Раз. Два. Три.

Странная дрожь пробежала по телу Пятницкой. На мгновение она почувствовала что-то инородное в теле. А может, это тело уже не совсем чувствовало себя родным? Вику качнуло.

– Это с бокала шампанского? – удивился Виктор.

Он закончил телефонный разговор по работе, зашёл на кухню и теперь недоумевающе смотрел на Викторий, поменявшихся телами.

– Сейчас телепортируюсь к вам, – сообщила Вика, мысленно меняя вселенные.

– О, ты сделала это из своего тела? Хорошо, – одобрил Виктор.

– Точно, а я и не подумала, – порадовалась Вика.

Она выставила руку и почувствовала энергию солнечного света. Пальцами спрессовала из неё шарик и подбросила наверх. А поймав обратно, вновь превратила сгусток в энергетические частицы.

– Потому и получилось, перестала думать, – странно отозвалась Вита.

Её телефон зазвонил. Это был Климов.

– Да, сегодня, – согласилась с телефоном длинноволосая Виктория. – Вика, а не я, верно? Вик, Рома хочет, чтобы ты сегодня пошла и поговорила с Иваном Михайловым.

– Почему я?

– Пусть он сам тебе расскажет.

Глава 16

Виктория Пятницкая сидела на лавочке в небольшой зелёной зоне при больнице. Её длинные вьющиеся волосы развевались на ветру. Им с Витой снова пришлось обменяться телами, чтобы не шокировать коллег короткой стрижкой. Вопреки предложениям Вита решила переждать этот момент у своих родителей, а не во вселенной Алексея.

Вход в нужный больничный корпус был прямо напротив, но Вика не спешила заходить внутрь, напитываясь энергией места.

Робкие цветочки уже стали появляться на клумбах, а деревья вот-вот грозились разродиться листьями. Небо было хмурым. Впрочем, уже чувствовалось неминуемое приближение лета: зелёного, тёплого и долгожданного.

На крыльце появился Антон Высотников. Вика знала и не знала его одновременно. Состояние было обескураживающее. Немного похоже на то, когда уже взрослая встречаешь школьного товарища, которого перевели в другую школу в седьмом классе. Ты помнишь годы, когда он учился с тобой и сидел за соседней партой, помнишь время, когда там сидел кто-то другой. И в обоих случаях тебе было нормально. Но память неминуемо подсовывает картинки, что и то и другое происходило в одном и том же месте. И всё же тут было

немного иначе. Вика раньше никогда не была в этой больнице. Хотя… была в своих снах. Или это были воспоминания Виты?

– Привет! Что сидишь? – спросил Антон, присаживаясь рядом и закуривая.

– Привет! Не спешу на работу. А то ещё работать придётся. А у меня же отпуск.

– Сегодня тихо. Только Самойлов нарушает тишину. Наелся каких-то пирожков с утра, живот урчит на всю ординаторскую.

– Это он может, – улыбнулась Вика.

– Что, пойдём? – затушив бычок о землю спросил Высотников.

– Да, заодно покажешь, где Михайлов.

– Да в первой катале, где ж ещё?

– Ну да.

Вика зашла в ВИП-палату, где разместили Михайлова. Он стоял и смотрел в окно. Она молча села в кресло напротив кровати.

– Виктория Дмитриевна, результаты анализов, – сказала зашедшая в палату медсестра, передала Вике карту пациента и удалилась.

Иван обернулся. Пятницкая переложила бумаги на столик у кресла.

– Здравствуйте! – сказал он.

– Здравствуйте! – кивнула Вика.

– Не посмотрите? – перевёл Михайлов взгляд на бумаги.

– Нет. Я ничего в этом не понимаю.

– Шутите?

– Нет. И даже хочу вас предупредить, что то, что я сейчас буду говорить, вам поначалу не понравится, а может, даже шокирует.

– Начинайте, – буднично бросил Михайлов, развалившись в соседнем кресле.

Виктория продолжала молчать и разглядывать Ивана, сравнивая его со своим другом. Они отличались. Михайлов из её вселенной тоже казался твёрдым и даже самоуверенным, только его движения имели в основе лёгкость при значительном теле, глаза же блестели жизненной силой, а не прожигали насквозь.

– Грозились удивлять, – укорил её Иван.

– Я сравниваю вас с моим другом Иваном в другой вселенной. Я не отсюда. И там я не врач, а банковская служащая, которая имеет дар исцеления.

– Здесь недалеко психиатрическое отделение? – хмыкнул Михайлов.

– Не торопитесь с выводами. И вспомните, что меня видела здешняя медсестра и даже приняла за свою.

Иван забарабанил пальцами по столику.

– Рома ничего не удумал, – прочитала она его мысли. – Хотя… В моей вселенной, которая сейчас крайне близка к вашей, такой же Михайлов пару лет назад оставил пост в пра-

вительстве Москвы и уехал с женой в Испанию. У него дом в Андалусии. Уехал, потому что получил чёткие инструкции от высших сил, что жизнь его несётся под откос. Он чуть не умер сам, подавившись попкорном в кинотеатре, а после Вера попала в больницу с разорвавшимся червеобразным отростком слепой кишки. И какое-то время у неё был огромный шрам.

– Что значит «какое-то время»?

– Я убрала этот шрам. Ивану очень нужно было чудо, совершённое на его глазах. Он не хотел уверовать в наличие высших сил и в их предостережение, даже после того как я спасла его от удушья в кинотеатре. А вам нужно чудо? Или вы и без него согласитесь изменить жизнь и не мешать своей жене развиваться?

– Что «не мешать»? – скривился Михайлов.

– В моей вселенной Вера – востребованный преподаватель йоги. И вполне неплохо зарабатывает.

– Да как на этом можно заработать? Набивать залы, чтобы не продохнуть? У неё и так всё в порядке.

– А вы у неё спрашивали? И между прочим, видеоуроки прекрасно продаются, особенно с сопровождением. Тем более йога для беременных. Нашей Вере даже консультантов пришлось нанять. Есть выездные семинары для преподавателей йоги – для повышения уровня знаний с красивым дипломчиком. В нашей вселенной он ценится.

– Красивая фантазия. Спасибо Роману за розыгрыш. Ко-

гда я смогу выписаться после операции?

– Странно, что своему другу вы совсем не рассказывали ещё про одного товарища – Петра. Но да, тот как выпьет, так некомпанейский. Всё больше молчит о чём-то своём. А иногда желваки от злости гуляют, и сложно понять, на кого он злится – на себя или на какие-то обстоятельства. А друг-то верный. В армии вместе служили. И с женой Пётр контакт совсем потерял. Вскользь обронил, но вы-то всё поняли. Вместе они уже не живут. Он – здесь, она – в загородном доме. Смерть сына не просто пережить. Каждый раз приходится читать в глазах друг друга немые вопросы: как так упустили, за что нам это и почему больше не осталось ничего, что вместе связывало? Ведь боль – она всегда своя. На двоих не делится.

Михайлов пристально посмотрел на Пятницкую, кажется, его желваки тоже пришли в движение. Он отрицал очевидное.

В палату зашла его жена.

– О, Вера, – с улыбкой кивнула Пятницкая. – Вы заходите, мы как раз о вас говорили. Сколько у вас раз швы после операции расходились?

Вера застыла в проходе.

– Ой, да одного раза хватило, чтобы чуть с ума не сойти. Рома об этом знал? А что, ещё спайки случились? Иван, сколько раз вам нужно было показать ценность более спокойной жизни или вам по пробкам с мигалками интереснее?

– Что вы хотите?

– Для начала хочу убрать Верин шрам. Она тут ни при чём, она лишь орудие в руках высших сил в борьбе с вами. Хотя все мы при чём-то. Но так красивее звучит. Вера, хотите, чтобы у вас исчезли все последствия операции?

– Хочу, – искренне удивилась и согласилась жена Михайлова.

– Пожалуйста! – Пятницкая щёлкнула пальцами, на мгновение прикрыв глаза.

Вера полезла под свитер и, глупо хихикнув, оперлась на стену. Михайлов вопросительно посмотрел на жену. Та лишь кивнула, от шока потеряв дар речи.

– А теперь я готова исцелить вас. Но не просто так. Цена – выполнить одно обещание и одну услугу.

– Что?

– Вы уедете на пару лет жить в Испанию. Срок на завершение дел здесь – три месяца. С йогой у Веры и так всё разрулится, вы, главное, не мешайте. А в качестве услуги познакомьте Рому с Елизаветой.

– Зачем? – в один голос спросили Иван и Вера.

– Одиноким мужчинам и одиноким женщинам порой очень полезно знакомиться, могут и дети случиться.

– Дети? Ей сорок, – обрубил Иван.

– Вот и не надо тянуть, знакомьте скорее. Для Европы самый возраст рожать. Сейчас и медицина творит чудеса. А для развода без детей и имущественных споров хватит и па-

ры месяцев. А тут ещё и обстоятельства. И да, время подумать и обсудить есть. До завтра. А в одиннадцать утра в вашу бедренную артерию засунут длинную струну и протащат её по всему туловищу до сердца. Главное, чтобы выдержало.

– Вы меня пугаете последствиями?

– Ага, представьте. Именно так. Хотя там будет Виктория из вашей вселенной, она тоже целительница и даже врач. Она вас всё же спасёт. Чем добавит себе головной боли. Впрочем, это уже не моя история. Пора мне. Я своё дело сделала.

– Это Рома попросил вас со мной поговорить и наговорить всё это? – не спешил отпускать Вику Михайлов.

– Не всё. Попросил поговорить и показать чудо. Остальное уже ангелы нашептали.

– Если ангелы, то конечно. Они ещё с древности известные шептуны. А почему вас? Вторая Виктория, как вы сказали, тоже особенная и из этой вселенной. Почти родная душа.

– У меня больше опыта в переговорном процессе, – серьёзно ответила Вика, пропуская шутки. – Как же вы похожи с Иваном из моей вселенной! Так одинаково стараетесь держать марку: мол, всё пустое, кроме материального. А вообще вы ещё с вашей Викой подружитесь, как я с Ваней.

– Угу, – скептически хмыкнул Михайлов.

– Ладно, я всё же вас оставлю. Думайте. Операция завтра в одиннадцать, если откажетесь от чуда.

Пятницкая довольная вышла из палаты. Хотя Иван не дал своего согласия на исцеление, всё прошло хорошо: чувство-

валось, что к завтрашнему дню он созреет.

Напевая что-то себе под нос, она шла по коридору к выходу, но тут её окликнул Антон:

– Вика! Хорошо, что ты ещё не ушла. Самойлов травануллся, чёрт его побери. А у него операция по плану через час. Подмени его, а?

– Дай мне десять минут понять, смогу ли я изменить свои планы, и я отвечу.

– Ну, Вик?!

– Десять минут.

– Ладно, – махнул рукой Антон и пошёл куда-то по коридору.

Пятницкая замерла, скованная ужасом. Абсолютно точно она не может делать операцию сама. Но, отказавшись сейчас оперировать, она подставит Виту. Ну вот какие у врача могут быть дела, чтобы не проводить операцию, когда ты здоров и в здании больницы? Плановая операция не значит неважная или несрочная, она всего лишь не экстренная. Её необходимость никто не отменяет. Как же быть? Как связаться с Витой? А если и связаться, она не успеет примчаться в больницу на замену. «А ведь я несу чушь!» – торкнуло вдруг Пятницкую, и она пулей заскочила в палату к Михайлову.

– Вы что-то забыли? – удивился Михайлов.

– Ага, показать вам ещё одно чудо, – глупо улыбнулась Вика и, сделав характерный жест, телепортировала в палату вторую Викторию. – Тебе через час придётся оперировать.

Самойлов заболел и не сможет.

– Что именно? – сразу включилась Вита.

– Зачем мне спрашивать? Я что, смогу поддержать разговор?

– Сможешь, конечно, у тебя моя память.

– Ничего, что мы здесь? – сухо осведомился Иван.

– Да подождите вы, – отмахнулись от него Виктории, продолжая общаться между собой.

– Ты боишься использовать мою память, как и свой дар когда-то. Но ты всё сможешь! – убеждала её Вита.

– Я морально не готова, не дави.

– Не надо ей делать операцию, – вмешался Иван.

– Всё она может! – не согласилась Вита.

– Не могу и не хочу. Меняемся телами, и иди к Антону.

– У меня есть идея получше.

– Не люблю я такие заходы, – озвучил Михайлов.

– Вот-вот, Вань! – поддакнула Вика.

– Ты оставайся, и я перейду в своё тело. Пойдём вместе оперировать. Я буду вести, ты посмотришь изнутри.

– Так когда мы в одном теле – это больно! – напомнила Вика.

– Значит, я пойду сейчас выяснять подробности: кого оперируем, что, в какой операционной, а ты найди решение, как сделать так, чтобы нам не было больно.

– За час?

– На планах бытия нет времени.

– Минуточку, а что будет, когда вы окажетесь в одном теле? Что будет со вторым? – встрял Михайлов.

– Типа глубокого сна, – пояснила Вита.

– Не надо нам тут типа труп оставлять! – возмутился Иван.

– Он прав, Вит. Давай переместим тело в нашу квартиру.

Вита молчала, явно смущаясь предложению.

– Брось! Если что, вы просто поговорите.

– Ах, тут ещё интрига! – воскликнул Иван.

– Хотите узнать – подружитесь, – махнула рукой Вика. – Иван прав, оставлять здесь тело не стоит.

– Я перемещу его в квартиру моих родителей.

– Ладно. Я-то уже не боюсь с ней поговорить, а ты потом будешь жалеть.

– Ага, и здесь всё непросто, – добавил Михайлов.

– Пойду найду Антона, – сухо сказала Вита.

– А вы мне нравитесь больше, – начал Иван, когда Вита вышла за дверь. – Наш человек, Вера, правда?

– Да, – улыбнулась ему жена.

– Всё проще вас будет исцелять, – кивнула Вика. – Я тут отключусь на пару секунд. Мне нужно понять, как убрать боль, когда мы с Витой будем в одном теле.

– А это ангелы вам не рассказывают? – как бы между делом спросила Вера.

– Спасибо за идею, – поблагодарила Пятницкая и отключилась. – Господи, да что я опять делаю? – поругала себя Ви-

ка, открывая глаза. – Серый, ты же здесь?!

Ангел в сером костюме проявился. Он сидел на большом подоконнике и смотрел на Викторию.

– Почему нам больно и как это убрать?

– Убирать нельзя, это защита, – начал ангел и как-то странно посмотрел на жену Михайлова. Та стояла не дыша. – Вера меня видит.

– Да, вижу, – согласилась Вера.

– Значит, это не йога такая волшебная, а вы, Вера, непростая, – покачала головой Пятницкая.

– Что видишь? – не понял Иван. – И почему непростая?

– Ангела, – тихо выдала Вера.

– С крылышками? – скептически спросил Михайлов.

– Нет у него крыльев.

– Ну, крылья, положим, у меня есть. Только я их не расправил. Они сейчас ни к чему, – обиделся ангел.

– Извините, – смутилась Вера.

– Ладно, это потом, – обрубила разговор Пятницкая. – Почему нельзя убрать боль?

– Боль защищает людей от подселенцев. Ты же слышала, что есть и злые духи. Просто не сталкивалась.

– Но ведь всё равно это случается.

– Случается. Немногие из людей сохраняют способность чувствовать своё тело. Посмотри на Ивана. Как он подпёр голову рукой, облокотившись на спинку кресла. И локтю больно, и щеке, а ему нормально.

– И как тогда?

– Обезболить на время энергией безусловной любви. Держи поток, не включай автоматически, чтобы в любой момент убрать.

– Ладно, спасибо. Вера, а вы хотите общаться так со своим ангелом?

– Хочу.

– То есть теперь и моя жена будет выглядеть такой же безумной? – восстал Михайлов.

– Я вас научу разговаривать с ангелами силой мысли.

– Хорошо, – улыбнулась Вера, явно не боясь реплик мужа.

– Как же я спокойно жил до этого! – всплеснул руками Иван.

– Вы привыкнете, и вам даже понравится, – улыбнулась Вика.

***

Вита собрала волосы в пучок и убрала их под сетку. Надела двусторонний просвинцованный фартук, больше похожий на жилет, и застегнула его на липучки. Весил он килограммов пять, не меньше. Тщательно вымыла руки по локоть, а после зашла в операционную, где медсестра помогла ей надеть халат, перчатки и маску. Тут не было привычной боль-

шой лампы над операционным столом, скальпелей или зажимов. А пациент и вовсе находился под местной анестезией.

«Интересно, каково это лежать и понимать, что в тебе копаются?»

– Не думай, – мысленно осекла Викторию Вита. – Это мешает. Наблюдай и молчи.

– Буду в мониторной, – сказал анестезиолог и вышел.

Под операционным столом находилась рентгеновская трубка – излучатель, а сверху – преобразователь. Данная конструкция была похожа на большое белое разомкнутое кольцо, в разрыве которого и лежал пациент. Рентгеновское изображение и показатели жизнедеятельности больного выводились на экраны мониторов, висящих на противоположной стороне стола. А рядом с хирургами располагались различные регуляторы, которыми настраивалось изображение. Антон ассистировал Вите и ждал, когда она начнёт.

Ей предстояло сначала ввести катетер в бедренную артерию правой ноги пациента, проводя его в аорту до сердца и коронарных сосудов, а потом пустить по нему контраст, чтобы на мониторах высветилось, где именно произошло сужение сосудов.

– Я пошла, – сказала Вита и начала вводить через катетер длинную-предлинную тоненькую струну – проводник, чтобы доставить по нему в место сужения сосуда баллон.

– Подошли. Надуваем! – скомандовала Вика, вдруг понимая, что говорит она, а Вита отстранилась.

Обстановка была совсем не та, чтобы пугаться и выяснять отношения. Пришлось мгновенно вернуться к происходящему и наблюдать, как Антон индефлятором, прибором, похожим на большой шприц с манометром, раздувает баллон.

Так атеросклеротическая бляшка вдавилась в стенку сосуда, и просвет артерии увеличился. Для сохранения результата всё по той же струне в место бывшего сужения Вика доставила стент – металлическую сеточку, пока ещё не расправленную и похожую на проволочку.

– Раскрываем! – опять скомандовала Вика, а Высотников вновь надул очередной баллон со стентом, чтобы тот вдавился в стенки сосуда и зафиксировал просвет.

Операция продлилась минут сорок, Вика вышла из операционной и только тогда обнаружила, что вся в поту под тяжёлым фартуком. Хотя не он был причиной этого пота.

– Так было нельзя, – сказала она Вите.

– А как бы ты ещё осознала, что можешь делать операции?

– А зачем был весь этот эксперимент, если ты не переходишь в мою вселенную? У меня ещё будет куча времени научиться всему, когда я пойду в медицинский.

– Не знаю, – вдруг смутилась Вита. – Я забыла.

– Забыла или передумала?

– Забыла.

– Ладно, – махнула рукой Пятницкая и осознала, что она и правда махнула именно своей рукой в стенах дома своих

родителей.

Вика вышла из своей комнаты. Было странно, что родители ничего тут не изменили, не переделали её в кабинет или дополнительную спальню. Мать, как часто это бывало, готовила на кухне. Вика зашла и села на своё обычное место за столом.

– Привет, – сказала она.

– Привет! Хочешь есть или чай?

– Кофе. Я сделаю сама, – сказала Вика и потянулась к кофеварке.

Виктория вертела в руках чашку с нетронутым кофе и подбирала слова, а потом плюнула и сказала как есть:

– Если ты думаешь, что я возненавидела тебя после смерти Виктора за то, что ты перестала меня учить магии и это в итоге привело к моему выгоранию и к гибели моего мужа, то нет.

Анастасия Георгиевна отложила свои дела и села за стол напротив Вики.

– Я возненавидела тебя за твоё враньё, за твою напускную идеальность. Идеальный муж. Идеальная работа. Идеальное спокойствие. Всегда всё знаешь, как ходячая энциклопедия. Всегда готова поговорить. Только что я знаю о тебе настоящей? Ничего. Ты же неживая. С тем же успехом меня мог растить робот и идеально заботиться обо мне, даже гладить по голове и целовать на ночь. Робот без прошлого, никогда

не совершавший ошибок, выдающий лишь правильные ответы. А я росла с гнетущим ощущением, что я уродец, который зачем-то чувствует, да ещё вечно ошибается. Вот только и ты, и я – мы в первую очередь люди, а потом уже идёт приставка: мол, обладающие даром. Мы подвержены дуальному мышлению, страстям и порокам. Нас тянет и вниз, и вверх одновременно. Внутренний комфорт и принятие себя важнее идеальности, мам. Ведь идеал – это всегда внешнее и оценочное понятие. А ты себя не принимаешь. И я по твоим стопам себя не принимала. Знаешь, что я поняла и что всегда мне транслировал Витя, а я никак не могла этого осознать, пока не закрылась одна в квартире? Что бы ни случилось, со мной всё окей. Изначально всё окей, а не типа «ты ещё научишься, поднаберёшься опыта» и прочее. Это нормально – чувствовать. И нормально – чувствовать разные эмоции. Из базовых эмоций только одна положительная – радость, а остальные – страх, гнев, печаль, отвращение – с точки зрения общества негативные, но они помогают нам выжить. Без радости человек проживёт, без страха – нет. Бесстрашные долго не живут. Ненормально иметь всегда идеально ровный эмоциональный фон. И показывать даже родным только положительные чувства. Зачем тебе это? Ведь в тебе до недавнего времени было очень много того же страха. Иначе зачем ты тихо сидела в книжном, стирая пыль с полочек, а не использовала свой дар по назначению? И лишь теперь начала раскрываться – центр развития личности с Машей открыла.

Не думай, это я лишь поначалу злилась, сейчас отпустило. Обучайте других, тем более если придумали какую-то методу, чтобы объяснять азы магии всем. Знаешь, отчего мне пока не по себе? Я научилась жить без тебя. В этом есть что-то неправильное, словно дерево без корней. Впрочем, я выросла, и я живая. А как ты будешь жить без меня?

Анастасия Георгиевна тихо заплакала, закрыв лицо руками. Вика поднялась и подошла к ней. Присела у её ног и обняла.

– Я прощаю тебя за нелюбовь и зависть. У тебя есть в этом мире своё место, а у меня – своё и, как оказалось, даже совсем в другой вселенной. Я благодарна тебе за моё рождение и твою заботу обо мне. Прости, что пока не чувствую к тебе любви. Во мне было столько сомнений и ненависти к самой себе, что пока я ещё не могу. В душе очень пусто. Впрочем, я верю, что то, что произошло, было правильным и наилучшим из вариантов. Ангел сказал, что было много вселенных, когда мы даже не дошли и до этой точки. Значит, мы молодцы.

Анастасия Георгиевна не могла говорить, лишь продолжала плакать, а дочь обнимала её. Когда слёзы матери стихли, Вика поднялась с колен и села за стол.

– Пожалуй, выпью какой-нибудь твой чай. Кофе остыл.

– Ты уйдёшь в другую вселенную? – с горечью спросила её мама, не спеша ставить чайник.

– Да, мам. Пойду к Виктору. Я хочу быть с ним. А он в

другой вселенной.

– Вселенные будут соединены как сейчас?

– Я не знаю.

– Мне грустно от мысли, что мы можем вновь потерять связь.

Вика опять покрутила чашку и спросила:

– Чего ещё я не знаю о тебе?

Мать прямо посмотрела на неё и начала свой рассказ:

– До родов я работала в больнице хирургом. В травме. Надеялась, что так быстрее смогу исполнить своё предназначение, но у меня ничего не получалось. Это было совсем не то место, где людям нужен был мой дар. Чудеса – да, но не чудо мгновенного исцеления. Там не сядешь задушевно поговорить с пациентом, чтобы предложить различные варианты. А когда родилась ты, я ощутила твою силу… – Анастасия Георгиевна замолчала, словно голосовые связки не могли вспомнить, как произносить нужные слова. – Ты права отчасти. Да, поначалу я не могла тебя любить. Смотрела и ужасалась, что не могу. И кляла в сердцах тебя и себя, да и твоего отца. Меня растили как избранную, которой я не стала. А стала я инкубатором для более сильной волшебницы. Мне хотелось просто умереть. Но я не могла бросить тебя. Тогда не только я не справилась. Твой отец не смог перенести моего состояния и ушёл. Помогал финансово. А я жила лишь на одном слове «надо»: не оставлять же тебя сиротой при живых родителях. Да, я тоже отрекалась от дара и сво-

ей судьбы. А однажды, когда отболело, когда потихонечку начал возвращаться вкус к жизни, я приняла себя, и тебя, и твоего отца, пожелавшего вернуться. Ты не права. Я тебя сейчас очень люблю. Тогда мы решили начать всё сначала и переехали в Тулу. Тебе было чуть больше трёх лет. Отдали тебя в детский сад, я устроилась работать продавцом в книжный, чтобы больше без дежурств и нервов. Так и пошло.

– Ты отговорила меня поступать в медицинский, да?

– Да, отговорила. Я не хотела тебе такой судьбы, как у меня. Это вечная жертва во имя других. Порой стоишь на операции и даже переступить с ноги на ногу не можешь, чтобы не сделать лишнего движения. Так что да, отговорила. Ты злишься на меня?

– Нет. За это не злюсь. Не было бы у меня опыта работы в банке, я была бы другой. Более жертвенной. Я видела последствия.

– Видела? Тебе показали высшие силы?

– Я познакомилась со своим двойником из другой вселенной. Она врач, и мать учила её магии. Пока у неё тоже не вышло исполнить предназначение.

Анастасия Георгиевна закрыла глаза. Из них вновь полились слёзы.

– Да, мам. Все мы хороши. Не только от твоих решений зависел ход событий. Так что все мои поводы ненавидеть тебя рассыпались в пыль. Я бы вас с Витой познакомила. Она хотела переходить в нашу вселенную, влюбилась тут в Алек-

сея.

– Нашего Алексея?

– Да. Но мы перезаписали друг другу прошлую память, и она засомневалась в своём выборе.

– Лёша изменился, – качнула головой мать.

– Мы точно не знаем, насколько сильно он изменился. Страшно остаться одной, а уж если ещё и родить…

– Это у тебя мой страх.

– От этого не легче.

– Прости.

– Я не злюсь, мам. Уже нет. Ты меня тоже прости.

– Давай уберём этот страх? Ведь в твоём положении…

– В каком положении? – смутилась Вика.

Глава 17

Виктория ехала в метро от станции «Тимирязевская» до «Цветного бульвара» и размышляла, что с этими перемещениями из вселенной во вселенную, они не думают о таких мелочах, как деньги и верхняя одежда. Хорошо, что мама дала денег на проезд и тёплую кофту, да и ехать домой в общем-то недалеко.

Вика подошла к дому на Трубной. На углу её поджидала Лена, жена Алексея.

«Ну конечно, – пронеслась мысль у Пятницкой. – Разве могла эта история закончиться банальным забвением?»

– Ах ты тварь! – обрушилось на Вику, а лицо чуть не получило пощёчину.

Лёша вовремя подоспел и перехватил руку жены.

– Не смей, – холодно бросил он ей.

Она тяжело дышала и зло смотрела то на него, то на Викторию.

– Я не люблю тебя и люблю Вику. Ни ты, ни она ни в чём не виноваты.

– Ненавижу тебя! – вновь попыталась наброситься на Пятницкую Лена и вновь была остановлена Смолиным.

– Лен, я люблю её, – обнял жену Алексей, гладя по спине. – Прости. Ты же видела, я честно пытался её забыть, но

не смог. Это не специально.

Лена обмякла в его объятиях и разрыдалась. Пятницкую трясло, когда она смотрела на происходящее. И так хотелось завершить эту эпопею!

– Пойдёмте все вместе пить кофе на Центральный рынок, – тихо сказала Вика.

– Да, – согласился Алексей.

Лена тоже не возражала.

Ланч уже закончился, а рабочий день ещё нет, поэтому за столиками на рынке было пустынно. Они сели в центре зала.

– Лёш, там слева в конце продают вкусный кофе. Возьми мне капучино, пожалуйста, – попросила Вика.

– Тебе? – спросил у Лены Алексей.

– Чёрный, – ответила она.

– Ленчик, – неожиданно резко начала Пятницкая, когда Смолин отошёл. – Так он тебя называет? – с вызовом посмотрела Вика на обидчицу. – Так осмелела, что даже фотки совместные не удаляешь из телефона. Один. Четыре. Один. Пять. Один. Семь. Сказать Лёше пароль, пусть полюбуется?

Лена машинально придвинула к себе телефон.

– Ничего, я подожду, когда ваш суд закончится с имущественными спорами. Квартиру он покупал до брака, тебе уже не достанется. Я же и сама невеста с приданым. А сына его готова усыновить. Мы об этом не разговаривали, нужды не было, но если ты с кулаками, то и я буду защищаться.

Лена шумно задышала, подавляя гнев.

– Ты из себя при мне бедную овечку не строй. Я личность непростая. Для кого-то – целительница, а для кого-то и ведьмой стать могу. У тебя этот мужик не первый. Всё просчитываешь, с кем лучше будет. И как с Лёшей? Случилась счастливая арифметика? Сын почти без отца растёт. Мать шляется, перевесив дитя на няню. Зато крутая квартира. Оно того стоило?

– Всё не так, – огрызнулась Лена.

– А как? Я типа помешала тебе строить семейное счастье? Я была замужем, потом и вовсе на год пропала. В каком месте я лично тебе помешала?

– Отомстила мне, да? – как-то по-детски пробубнила Лена.

– Мне и без тебя забот хватает. Будешь жить с нами мирно, я сохраню твою тайну. Главное – ребёнка не настраивай против отца. И живи, как считаешь нужным.

– Ты такая вся хорошая?!

– Хорошая, – согласилась Пятницкая. – Мальчонке твоему жизнь не хочу портить, а то бы посоветовала Лёше сделать тест на отцовство. Но предлагаю тебе жить мирно. Ты не лезешь в нашу жизнь, я молчу о твоих приключениях и не лезу в твою.

– Мир, – сначала сказала Лена, а потом вновь с жаром добавила: – Что же ты раньше ему об этом не сказала?

– Не видела, – пожала плечами Пятницкая. – Ты всё никак

не можешь взять в толк, что у меня нет задачи быть рупором правды. Я не смотрю людей без лишней надобности. У меня своя вполне занимательная жизнь.

– Ясно, – наконец согласилась Лена.

Тут и Смолин пришёл с кофе. А ангел в сером за соседним столиком зааплодировал Виктории, как зритель в театре после хорошо сыгранной сцены. Вика еле заметно кивнула ему.

***

Алексей оглядел квартиру. В ней было пусто.

– Ты не знаешь, когда будет Вита? Она в больнице задержалась? – спросил Лёша у Виктории, когда та зашла в гостиную.

– Лёш, возможно, она не придёт.

– Дежурство? У неё же ещё отпуск.

– Не поэтому не придёт.

– А почему? – не мог понять Смолин.

– Мы обменялись памятью. И она испугалась.

Смолин потупил взгляд.

– Мне очень хотелось, чтобы вы хотя бы поговорили. Только мне не удалось её убедить.

– Неужели я так плох?

– Не впадай в крайности.

– Кто бы говорил, – тихо заметил Алексей. – Может, объяснишь ей ещё раз?

– Я попробую. Завтра поговорю. Дай ей переспать ночь без тебя. Будет лучше. А мы с тобой виски дерябнем. Хочешь?

– Хочу, – согласился Алексей.

Беседуя, они и не заметили, как пришёл Виктор.

– Вик, поухаживаешь за нами? – тут же включился он в происходящее. – Неси три бокала, а бутылка – в пакетах с едой в коридоре.

– Хорошо, – кивнула Вика.

Она поставила перед мужчинами два бокала и отправилась к входной двери.

– А ты? – не понял Виктор.

– Чаю выпью с вами. Как-то мне не хочется пить.

– Ладно, – согласился Витя. – Только Лёшку в мою вселенную телепортируй. И себя со стаканами, – улыбнулся он.

– Ой, точно!

***

Вика стояла на кухне, выкладывала нарезанные сыр и колбасу на тарелку, чтобы отнести мужчинам на закуску.

– Серый, – тихо спросила она у ангела, – а чей это ребёнок

– мой или Виты?

– У вас одна душа. С точки зрения бытия это неважно.

– Мне важно.

– Тогда сама прикинь, когда всё было у вас с Алексеем, а когда у них.

– И зачем это случилось со мной с точки зрения бытия?

– Скоро поймёшь.

– А подсказать?

– Не могу, прости.

– Я не могу остаться там. Я уже решила, что перейду сюда.

– Делай как знаешь.

– То есть не для того, чтобы я осталась в своей вселенной.

Ангел неопределённо повёл плечами.

– Нас можно поздравить? – загадочно произнёс Виктор, обняв сзади Вику и положив руки на её живот.

– С чем? – закусила губу Пятницкая.

– Чтобы ты не пила – должен быть весомый повод. Ты беременна, да?

– Да, Вить. Я беременна, или это тело беременно, даже не знаю, как правильно сказать. И видишь ли…

– Моя женщина – мой ребёнок, – отрезал Поспелов, не дав ей договорить. – Не вздумай ему сказать. Я придумал, как тебе перейти к нам. Потом расскажу.

– Хорошо, – кивнула Пятницкая, на самом деле пока не понимая, хорошо ли то, что сейчас происходит. – Ты ведь всё ещё собираешься поговорить с Витой завтра?

– Хм… уже не уверен, – мечтательно улыбнулся он и ушёл.

***

Ночь была бессонной. Вика с ангелом сидели на подоконнике и смотрели на ночной бульвар.

– Я не знаю, что мне делать, серый, – мысленно обратилась к ангелу Виктория. – Лёша растит не своего ребёнка. Пусть не знает об этом, но я-то знаю. И вот во мне его ребёнок, а я ему не должна говорить. А если скажу? Мы всё равно не будем вместе. Ну не отдавать же ему младенца после родов? Уж его-то точно мы не поделим между вселенными. И Витя хочет, чтобы я родила. Представь, насколько он хочет детей, что готов воспитывать чужого? Ребёнка, которого я зачала от его некогда врага. И что будет, если я ослушаюсь мужа? Ну вот как вы такое придумали в своей небесной канцелярии?

– Это не мы, это вы, – хмыкнул ангел.

– Лучше бы помог, чем говорить такое.

– Я уже помог. Ты ещё не поняла.

– Почему же тогда так тяжело?

– Тяжело, – согласился он и обнял Викторию.

– Всё это, конечно, ужасно, а вот сам факт, что я могу родить, меня уже не пугает. Я теперь не стесняюсь своего да-

ра, не страшусь, что его унаследуют мои дети и вдруг возвысятся по своей магической силе надо мной. Я не хотела и не хочу быть избранной. Я хочу быть счастливой. И пока мои амбиции спят, самое время родить ребёнка. Только хотелось бы от Виктора.

– Родишь от Виктора, – кивнул серый.

– Не, погоди, я тут ничего не говорю про двух детей! А то ещё неверно меня поймёте. Или ты о другом? Я могу подсоединить этот плод к иной душе?

– Нет, Вик. У этого ребёнка будет ДНК Алексея. И связь с его родом. А если растить его станет Виктор, то и с родом Виктора.

– Не худший вариант.

– А про нескольких детей ты сейчас сама оговорилась, – улыбнулся ангел.

– И сколько у меня по судьбе может быть детей?

– Трое.

– Не, ты шутишь?!

– Нет. По судьбе трое, а выбирать тебе.

– А когда же я работать буду? После сорока?

– Чем тебя смущает этот возраст?

– В общем-то ничем.

– Пора тебе спать. Помочь уснуть? – спросил ангел.

– Да, помоги. Только… Смотрю я на тот перекрёсток и не понимаю, почему сигнал светофора то зелёный, то синий. А иногда они и вовсе меняются местами. И красный снизу, а

зелёный сверху.

– Это вселенные наслаиваются одна на другую.

– То есть помимо наших двух вселенных?

– Да.

– И это нормально?

– Это плохо.

– А что же ты молчишь?

– Это плохо, но не критично.

– И что нужно сделать?

– Рассоединить ваши вселенные.

– Иначе что?

– Иначе вселенные взорвутся и исчезнут. Слишком большая концентрация энергии в одной точке. Вы уже притягиваете другие миры. Скоро и четвёртая вселенная начнёт примыкать.

– Сколько у нас времени?

– Дня три точно есть.

– Тогда я спать, помогай. И спокойной ночи.

– Спокойной. Ты иди, уснёшь, как только ляжешь.

***

Алексей сидел на кухне. Его кофе остыл.

– Привет, – сказала Вика.

– Привет. Я договорился о возвращении в Москву. Предложил оптимизационную программу. Через две недели могу приступать. Буду собирать новую команду. Пойдёшь?

– Нет, – недоуменно сказала Виктория. Ей было странно, что Лёша сейчас говорит о работе, да ещё и место ей предлагает. – Я скоро перейду в другую вселенную.

– Как, если Вита отказалась?

– Телепортирую туда своё тело и впишу в книгу судеб, что отныне моё место там.

У Алексея побежали мурашки по телу. Волосы на руках вздыбились.

– Где Витя? – отчего-то спросил он.

– Ушёл на работу.

– У него разве не отпуск?

– Ты же знаешь, как это бывает. Лучше в отпуске не сидеть в Москве. Дашь мне посмотреть твои предложения? Думаю, найду тебе союзника в банке.

– Краснова?

– Почему нет?

– Скину презентацию на почту.

– Хорошо.

Вика сделала себе кофе. И только собиралась отпить из чашки, как Лёша попросил:

– Перебрось меня в ту вселенную, пожалуйста.

– Хочешь найти Виту?

– А может, вместе пойдём туда?

– Не пори горячку. Давай подождём. Витя обещал с ней поговорить.

– А он поговорит? Мне кажется, что нет. Не подумай, что я ему не доверяю, предчувствие странное.

Вика промолчала, ощущая тяжесть в животе.

– Помнишь, ты мне рассказывала про истинную любовь? Вот. Я люблю. Впервые в жизни. Я готов всё бросить и пойти за ней.

– У нас ещё есть пара дней. Подожди. Понаблюдаем за событиями.

– В смысле «пара дней»?

– Вселенные не могут долго быть возле друг друга. Нужно их развести. Иначе они исчезнут.

– Мне нужно было завтра лететь в Женеву. Отменю бронь.

– Лёш, ещё раз скажу: подожди. Дай ей ещё хотя бы сутки.

Смолин тихо поднялся и подошёл к окну, а после чуть ли не бросился к Вике, встал перед ней на колени и произнёс:

– Помоги мне, пожалуйста!

– Да что вы все? Словно я святая! – потекли слёзы из глаз Виктории. – Я просто человек.

Вмиг всплыли картинки из прошлой жизни: схожие мольбы Виктора об исцелении Вани, да и другие люди так делали.

– Помоги, – положил голову ей на колени Алексей. – Просто перебрось меня туда, а там я уже сам.

Пятницкая начала гладить его по голове, никто и никогда не делал такого для неё. Хотя нет, Витя так делал.

Она гладила Смолина и тихо говорила:

– Ты пойми, там твой двойник умер. Нужно будет придумать, кем ты там станешь, как сделать документы, подтвердить образование. Я верю, что ты любишь Виту и готов на всё. Только что ты будешь делать там и что сможешь предложить ей? Ты же сам себя сожрёшь от безысходности и нереализованности. Подожди немного. Я верю, всё образуется.

– Поеду к сыну, – через какое-то время сказал Смолин, поднимаясь. – Спасибо! Я буду на связи.

– Хорошо, – кивнула Вика, ощущая, как теперь по её телу бежит дрожь.

Каково ему будет однажды узнать, что это не его сын?

– Серый, а я ведь могу сделать так, чтобы не узнал? – спросила Пятницкая у ангела, когда Смолин вышел.

– Можешь. Посмотри связь ребёнка с родом Смолиных и всё поймёшь.

– Ага. А как? В книге судеб написать об этом?

– Можно и так.

– А как ещё?

– Много как. Стереть память Лене об измене. Отменить любые события, когда так или иначе может стать известно о том, что ребёнок не его. Хотя самое простое – книга судеб.

– Поняла.

Глава 18

Вика застыла недалеко от входа в башню ТТК-банка, разглядывая окна. Странно было стоять здесь без стакана кофе и особо никуда не спешить. Странно было осознавать, что она до сих пор является частью системы и что отключить себя от эгрегора ей так и не удалось. Хотя теперь стало понятно, отчего она так страшилась встретить бывших коллег и что-то им объяснять. А ведь у неё даже никто ничего не спрашивал. Пусть она не отдавала энергию в виде действий, но в виде мыслей и воспоминаний это были бесконечные потоки. Сейчас Вика как никогда явственно чувствовала энергетический канал между собой и эгрегором банка. Не хотел он её просто так отпускать. И нужно было сделать для него либо что-то очень плохое, либо хорошее.

Ничего плохого ей делать не хотелось, так что план был хороший.

– Привет! – улыбнулась Вика, заходя в кабинет Краснова.

– Привет, – по-доброму посмотрел он на неё.

– Знаешь, мне до сих пор неудобно, что я тогда ушла и мы толком не попрощались, не поговорили как близкие люди, а ведь мы были не просто в связке руководитель-подчинённая. Я обидела тебя? Хотя я до сих пор считаю, что тогда это было

единственно верное для меня решение. Я больше не могла справляться с болью внутри. И не могла признаться в этом даже самой себе.

– Я не обиделся и понимал, что происходит. Я осознавал, что с твоей точки зрения ты принимаешь верное решение. И мне не хотелось лезть к тебе со своими советами. Я не считаю, что трагедию можно пережить одному. Я в замкнутой системе стал бы разрушать сам себя изнутри. Но ведь у каждого свой путь и свои алгоритмы переживания чувств. Есть и отшельники. Может, ты из их числа. И я мог оказаться не прав в столь личном вопросе. Мне всегда были важны семья и возможность общения с близкими. И было печально, когда ты пропала совсем.

– Мне тоже было печально, – усмехнулась Вика, чувствуя, что она уже может улыбнуться, оглядываясь на своё прошлое.

– Ты ищешь работу?

– Нет. Я займусь совсем другой деятельностью. Буду вести семинары в центре развития личности у моей мамы.

– Бизнес-тренинги?

– Что-то вроде того. Предложение только поступило, обдумываю. А для тебя у меня тоже есть предложение. У тебя сохранился проектный офис?

– Да.

– Сильно заняты?

– К сожалению, нет. А распускать жалко. Хотя я уже под-

готовил план реструктуризации подразделения. Но всё чего-то жду.

– Ты дождался. Смолин возвращается. И будет оптимизировать процессы в банке. У него пока нет команды. Может, твои станут его проектным офисом? А вы выступите партнёрами в этом деле?

– Интересно. Готов с ним побеседовать.

– Тогда я скажу ему. Он вернётся в головной офис через две недели. А его презентацию я пришлю тебе сегодня на почту. Конфиденциально, конечно.

– Шустрый, – одобрительно закивал Николай. – Буду ждать материалы.

– И ещё у меня к тебе есть магическое предложение. Хотя оно будет актуально, только если ты готов всю жизнь посвятить этому банку.

– Да уже полжизни здесь, если не больше, так что не пугает.

– Я могу тебя вписать в энергетическую структуру банка. Будешь всегда на одной волне с системой. Главное – оставаться в системе и не переходить в другой бизнес.

Николай задумчиво посмотрел в окно.

– Мне это нужно, чтобы самой выйти из системы. Хотя если нет, то нет.

– Нет, я не поэтому молчу. Удивляюсь, как ты вовремя появилась. Как всегда вовремя. И теперь, кажется, и мне повезло.

– А что?

– Да уже думал собирать вещи. Не всё сейчас гладко. И часть высшего состава сменилась.

– Если вписать тебя в систему, то у тебя здесь всегда будет место под солнцем. Как говорила, минус один – нельзя уходить самому, только если на пенсию.

– Вписывай. Я к этому банку вполне прикипел. И знаешь, я рад тебя видеть. И рад, что ты в порядке.

– И я.

***

Вика с Виктором сидели в кафе в торговом центре между башнями их банков. Пятницкая не могла отличить этот молл от такого же в родной вселенной.

– Мы можем снять квартиру, в которой сейчас живём. А Вите я оставлю квартиру на набережной.

– Ты не будешь с ней говорить?

– Нет, не хочу, – честно признался Виктор. – И без того всё хорошо складывается. Я нашёл выход на один областной детский дом. Сделают тебе свидетельство о рождении и аттестат. Дубликаты, конечно. Ты не публичная личность, чтобы сильно копать твою историю. А так будут реальные документы. Пока будешь в декрете, окончишь заочно какой-нибудь

институт. Так и время незаметно пролетит.

Отчего-то Вика не радовалась такой развязке, а даже испытывала боль. Сердце ныло и, как камень, тянуло вниз – в печаль и стыд. Удивительно, но эта боль была не для неё, а для Виктора. Боль подталкивала и давала ей силы вступить с мужем в спор.

– Прости, милый. Я сейчас с тобой не согласна. Я чувствую себя воровкой и предательницей. Нужно сказать Алексею о моей беременности.

– И что будет? Останешься там?

– Нет. Поговорю с Витой. И попрошу обменяться телами.

– Так ты предашь меня.

– Так я даю нам возможность родить нашего ребёнка и не жить с грузом ответственности за враньё. И без того много сложностей в жизни. К чему ещё и это?

– Я хочу этого ребёнка.

– А я хочу ребёнка от тебя. Я больше не боюсь иметь детей. Всё это случилось именно для того, чтобы я перестала отказываться от полной семьи. И всё происходит вовремя, когда я понимаю прежние родовые программы, которые бы сделали моё материнство адом. Теперь будет иначе.

– И ты будешь врачом?

– Я с детства об этом мечтала. Если мечта окажется не так заманчива, уйду и в декрете получу другое образование в вашей вселенной, чтобы потом работать кем-то ещё.

Виктор молчал и водил пальцем по лбу, словно хотел раз-

гладить морщины.

– Ангел сказал, у нас по судьбе может быть трое детей.

– С этим?

– Без.

– А так было бы четыре.

Вика округлила глаза:

– А-а-а, давай договариваться на берегу! Ты хочешь четверых детей?

– Мы давно уже в одной лодке, милая, – пожурил её Витя. А потом улыбнулся: – Готов сойтись на двух.

– Договорились! Будет двое и наших.

– Я поговорю с Витой.

– Давай я сама. А если не получится, ты подключишься.

– Хорошо.

***

Солнце было в зените, пекло макушку и искрило воду в Москве-реке. Какое забытое чувство – стоять здесь между встречами и набираться сил перед решением очередной задачи!

– Как быстро всё налаживается, да, серый?

– Нет, – ответил ангел, проявившись рядом с Викторией.

– Разве? – не на шутку удивилась Вика.

– Ты считаешь, что больше двух лет траура, один из которых был в полном забвении, – это быстро?

– Но сейчас всё происходит стремительно.

– Как пружина, которую долго сжимали, а потом отпустили.

– То есть всё могло произойти раньше?

– Оно происходит тогда, когда происходит. Когда ты к этому готов. Да и не только ты.

– Я рада, что это происходит.

– И я.

– Тебя потом поменяют на обычного ангела?

– Не сразу.

– Могут оставить? Как-то ты мне симпатичен.

– Это приятно. И будет зависеть от тебя.

– От того, как я перейду в другую вселенную: в этом теле или теле Виты?

– Нет. От решений, которые ты будешь принимать через пару лет.

– О, значит у нас будет ещё пара совместных лет! Хорошая перспектива.

– Согласен.

– Подскажешь, где сейчас Вита? А я пока переброшу себя в ту вселенную.

– Не нужно. Она здесь.

– Ого?! С Лёшей?

– Нет.

#

***

Сосны слегка покачивались на ветру и не пускали солнце пробиться к земле. Именно поэтому здесь всегда было немного зябко, а может, и от большого количества энергии смерти.

– Привет, – кивнула Вита, когда Пятницкая подошла к могиле Виктора. – Ощущение, что это могила моего мужа.

– Отчасти ты права.

– Что ты сейчас здесь чувствуешь?

– Грусть. Произошедшую трагедию никто не отменял. Сначала опустошение сменяет боль, а потом на его место приходит грусть, как минимум о том, сколько времени потрачено на печаль. Такой вот парадокс.

Вита помолчала и вдруг с улыбкой сказала:

– Иваныч хотел вернуть лопатку.

– Иваныч хороший. Смотрю, и чай принёс.

– Да. Пошёл сейчас на другой край кладбища. Кто же по-

том будет ухаживать за этой могилой, когда ты уйдёшь?

– Оля, первая жена Вити, и её новый муж. Об этом я не переживаю.

***

Вики, как нерадивые школьницы, сидели на задних стульях в аудитории «Алеф-практики» и шептались. Пространство было светлым, как и рассказывала Маша. Белые стены местами оголились до выкрашенного белым кирпича, белые стулья, белая доска с маркерами, белая тюль, сдвинутая в сторону, а на подоконниках – серебристые высокие канделябры для одиноких увесистых свечей. Тоже белых. Ну и светлый ламинат на полу. Хотя тут ещё были разноцветные подушки под спину и пледы.

– Это имитация седьмого плана бытия или просто совпало? – шепнула Вита.

– И так и этак – итог один.

Мария рассказывала слушателям, как подниматься на высший план, чтобы напитаться энергией всего сущего.

– Тот, кто первым придумал этот путь на седьмой план, – гений, – вновь шепнула Вита. – Хотя детей лет до семи можно учить и без него.

– То есть?

– Ну брось! Ты разве в экстренной ситуации рассматриваешь, в каком там шаре и через что летишь? Нет, конечно. Взмыла на седьмой план – и всё. Это больше нужно для настройки, если слишком много мыслей в голове, или чтобы провести с собой кого-то ещё. Так вы настраиваетесь на одну частоту.

– А ведь верно. Не думала.

– Я думала, как этому можно учить. Тут больше важно, чтобы люди захотели научиться. Вот посмотри, как женщина левее от нас закатила глаза. Ну прям сеанс экзорцизма можно устраивать. Ей больше хочется волшебной таблетки и внимания к себе, а не учиться. Тут же работать придётся. А внутренняя работа тяжелее физической. Быстро сойдёт с дистанции, ещё и гневные отзывы писать станет.

– Откуда знаешь?

– Врачебный опыт. После операции некоторые тоже думают, что всё волшебным образом рассосалось, раз оперировали с учётом новых технологий. И очень удивляются, что первый шаг с кровати им всё равно приходится делать самим, и он отнюдь не лёгок. Зря они в пары людей не сажают. Так и энергия для подъёма на седьмой план усиливается, и можно поделиться впечатлениями. А когда видения сходятся, проще осознать, что всё было не глюком.

– Закончится – посоветуешь, – покивала Вика.

Аудитория опустела. Будущие волшебники отправились

пить чай и кофе, бурно обсуждая свои полёты к источнику.

– Мне понравилось у вас, – похвалила Вита, когда Маша подошла к ним.

– А казалось, что нет, – улыбнулась Мария. – Вы так шептались.

– Оптимизировали процесс обучения, – усмехнулась Вика. – Вита потом тебе расскажет.

– Приходите чаще! Нам будет очень полезно ваше мнение.

– Маш, не получится. Мы скоро уйдём в ту вселенную. И их нужно будет на какое-то время совсем развести, чтобы не было дыр в мироздании. Мой ангел говорит, что на год или два, чтобы вселенные полностью восстановились. Мне уже Роман звонил, у него там дерево под землю уходит, так как мы в том месте миры соединили, а в другой вселенной, наоборот, бугор растёт.

– Вы вдвоём уйдёте туда? – удивилась Маша.

– Да, Маш. Вы же здесь и без нас справитесь. И мама вполне воспарила духом.

– Да, я рада, что вы поговорили. Но мне печально слышать, что вы уходите вдвоём. Я как-то представляла это иначе.

– Почему? – не поняла Вика. – А-а-а, вы же с Лёшей подружились. Что, заходил в гости?

– Да, заходил.

В дверях появилась Анастасия Георгиевна и заискрилась в улыбке, увидев двух Викторий.

– Вита, очень рада познакомиться с тобой. Спасибо, что пришли! И как удивительно и прекрасно, что у вас всё так синхронно. Тоже поздравляю!

– Синхронно что? – не поняла Пятницкая.

– Беременности, – пояснила мама Виктории и вдруг запнулась: – Ох, я кажется раскрыла чей-то секрет. Вы друг другу не говорили?

Вики переглянулись. У обеих были в глазах смешанные чувства – от недовольства до стыда.

– Кажется, нам нужно поговорить тет-а-тет, – сказала Вика.

– Первая аудитория свободна, – протянула им ключи Анастасия Георгиевна.

Виктории долго сидели и молчали. По окну застучал дождь, проливая на землю слёзы облегчения в солнечных лучах.

– Ты была готова стать матерью-одиночкой, – прервала молчание Вика. – Зачем?

– Это ребёнок из рода Поспеловых. Мой шанс иметь ребёнка от любимого мужчины. А тебе зачем ребёнок от нелюбимого?

– Виктор очень хочет детей. Сказал, что воспитает как своего.

– Да? Мне он не предлагал родить.

– Мне эта идея с ребёнком от Алексея не нравилась. Но ты

так упёрлась, что не хочешь переходить в мою вселенную… Не могла понять, как тебя уговорить.

– Мой Витя был прав, я неверно трактовала знак. Моё тело уже принадлежит тебе, а твоё – мне. Я перейду. Хотя мне всё ещё страшно.

– Они тебя здесь все уже заочно любят. А Лёша, знаешь ли, ради меня не уходил от Лены и не подавал на развод. Он будет рад дочке.

– Ну да, кто же ещё у нас может родиться для начала.

– Мне тоже страшно, Вит.

– Я тебя познакомлю со своими. Уверена, тебя примут как родную.

– А может, всех сегодня вечером соберём у нас в квартире напоследок? Объявим благую весть, а после разведём вселенные.

– Так рано ещё. Пока никакой тест наши беременности не покажет. Подождём.

– С чего нам сомневаться? Тебе ведь тоже ангел это подтвердил?

– Да, согласна, подтвердил.

– Я всё думаю, как нам соединить наши миры. Пусть они разойдутся, но мы ведь можем из энергии безусловной любви сделать длинный-предлинный мост между ними и пустить по нему какой-нибудь передвижной аппарат, несущийся со скоростью света от одной вселенной в другую. Погуляем с тобой по шестому плану бытия, побеседуем с законами ми-

роздания, может, с кем и договоримся об исключениях. Уж если есть сила, почему бы ей не пользоваться себе во благо?

– Мне нравится ход твоих мыслей. Да будет так! – поддержала Вита.

Дождь закончился. Ветер разогнал облака, освобождая на небе место весеннему нежному солнцу. И оно раскинуло свои лучи, касаясь лиц прохожих и даря им улыбки.